

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени В.И. Вернадского»

На правах рукописи

ГАБРИЕЛЯН АРУС МАНВЕЛОВНА

**МИРОВЫЕ ТРЕНДЫ В ПОЛИТИКЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ**

Специальность 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений,
глобального и регионального развития

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
кандидат философских наук, доцент
Филатов Анатолий Сергеевич

Симферополь – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. ТЕОРЕТИКО–МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ИЗМЕРЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.....	21
1.1. Общетеоретические основания исследования мировых трендов в современной образовательной политике	21
1.2. Реформирование системы высшего образования: концептуализация исследования	57
Выводы по главе 1.....	71
Глава 2. «МЯГКАЯ СИЛА» СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.....	74
2.1. «Мягкая сила» как критерий оценки внешнеполитического эффекта трансформации высшего образования.....	74
2.2. Международный опыт повышения эффективности образовательной политики как способа проецирования «мягкой силы».....	91
Выводы по главе 2.....	102
Глава 3. МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ТРЕНДОВ	105
3.1. Моделирование политики реформирования высшего образования на национальном уровне	105
3.2. Моделирование политики реформирования высшего образования на уровне университета.....	122
Выводы по главе 3.....	143
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	145
Список использованной литературы.....	151
Приложение 1. Факторы повышения конкурентоспособности университета.....	179
Приложение 2. Академическая мобильность: case study.....	183

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования заключается в том, что в условиях глобализации активное воздействие международной среды на функционирование и развитие национальных образовательных систем стало важнейшим фактором, определившим характер и направленность их трансформации. В свою очередь, доминирующие национальные модели систем образования, сложившиеся в странах-лидерах глобализационного процесса, начали активно экспортироваться, содействуя тем самым глобальному распространению связанных с ними культурных ценностей, элементов образа жизни и моделей развития, равно как увеличению экономической прибыли и укреплению политического влияния соответствующих государств.

В этих условиях всё больше обостряется конкуренция на мировом рынке образовательных услуг, трансформирующая образовательное пространство. Одной из движущих сил этой трансформации стало возникшее противоречие между университетом как институтом национальной культуры, обеспечивающим воспроизводство интеллектуальной элиты нации, национального культурного кода, традиций, ценностей и смыслов, и университетом как институтом мирового рынка. Сфера образования становится ареной противостояния сторонников и противников глобализации, носителей идеологии глобализма и ее альтернатив (регионализма, национализма, религиозного фундаментализма).

Такая конкуренция превращается в одно из важных направлений межгосударственного соперничества. Распространение этого соперничества на мировое образовательное пространство превращает сферу образования в предмет осмысления сквозь призму национальных интересов, национальной и международной безопасности. Как отмечается в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., «конкуренция различных систем образования заняла место ключевого элемента

глобальной конкуренции, требующей постоянного обновления технологий, ускоренного освоения инноваций, быстрой адаптации к запросам и требованиям динамично меняющегося мира» [94]. Соответственно, образовательная политика представляется инструментом укрепления или ослабления национальной безопасности, предупреждения, предотвращения или, напротив, создания, новых реальных или потенциальных угроз. В частности, нынешнее обострение международной напряжённости актуализирует проблемы, связанные с обеспечением суверенного образования, рисками выведения высшей школы из сферы государственного регулирования в сферу международного менеджмента, которые превращаются в ключевые вопросы национальной безопасности [197]. В современном мире можно констатировать секьюритизацию образования. Все это определяет актуальность исследования проблемы воздействия современных мировых трендов на процесс реформирования российской системы высшего образования. Вопрос о механизмах осуществления политики в области высшего образования в условиях интеграции в мировое образовательное пространство и одновременного усиления международной конкуренции на рынке образовательных услуг требует перманентного внимания и исследования, ввиду изменений в этой сфере, которые происходят особенно динамично в последние три десятилетия. Геополитические факторы мирового развития ставят новые вызовы человечеству, влияя на образовательную политику и превращая её в инструмент «мягкой силы» в руках соперничающих международных акторов.

Россия как один из ключевых игроков мировой политики сталкивается с необходимостью выполнения ряда задач посредством реализации инструментария «мягкой силы». Основа для использования образовательно-научных организаций, в том числе институтов высшего образования, в качестве инструментов «мягкой силы» [40] закладывается концептуальными документами, определяющими стратегические приоритеты как внешней, так и образовательной политики. Так, пункт 20 Концепции внешней политики Российской Федерации гласит: «Неотъемлемой составляющей современной международной политики становится мягкая сила – комплексный инструментарий решения

внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии» [93]. Вместе с тем в Концепции содержится понимание «мягкой силы» не только как дополнительного ресурса ведения международной политики, но и как определенной технологии, которая может послужить в некотором роде средством деструктивного воздействия, оружием в информационной войне. В свою очередь, осознание возможностей образования как ресурса «мягкой силы» нашло отражение в «Основных направлениях политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества» [138].

Ректор МГИМО(У) А.В. Торкунов в статье «Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России» рассматривает реализацию стратегии «мягкой силы» «прежде всего сквозь призму развития экспорта образования, продвижения языка и распространения национальных культурных ценностей, что способствует отвечающему национальным интересам позиционированию нашей страны на международной арене» [174].

Для защиты национальных интересов, повышения уровня национальной безопасности система высшего образования требует пересмотра границ, форм и методов государственного регулирования этой стратегически важной отрасли. Это позволит обеспечить высокий духовный и интеллектуальный потенциал и укрепить безопасность и обороноспособность государства в условиях нарастающего геополитического противоборства [197]. При этом совершенно очевидно, что позитивность глобальных процессов явно переоценивалась рядом государств. Объективный рост взаимозависимости стран и народов рассматривался не диалектично, в результате чего и внешняя, и образовательная политика часто входили в противоречие с национальными интересами [147].

Следует также учитывать, что нарастание мировой социальной напряженности, в том числе под влиянием мировых финансово-экономических кризисов и геополитической нестабильности, вызывает необходимость реализации нашей страной в максимально короткий срок собственного

оригинального ответа на вызов сложившихся обстоятельств, представляющего собой жизнеспособную альтернативную «экспортоориентированную» стратегию (модель) национального развития. Для решения этой задачи одну из ключевых ролей играет сфера образования. Возникает необходимость построения адекватной отмеченным задачам государственной политики в сфере высшего образования.

Степень разработанности проблемы

Разработка проблематики, связанной с международными аспектами образовательной политики, определила необходимость обращения к научной литературе в области международных отношений и мировой политики.

В силу того, что в фокусе диссертационного исследования находятся мировые политические процессы (тренды), проецирующие в образовательной сфере, существенную роль в исследовании сыграли труды специалистов-международников и экспертов по вопросам, связанным с глобализационными процессами и их влиянием на сферу высшего образования.

Теоретические дебаты по проблеме глобализации в период пика дискуссий, который приходится на 90-е годы XX в., оцениваются неоднозначно: от негативного определения как глобальной болтовни («global babble») до широко распространенного очарования глобализацией. Сегодня научный и общественный дискурс, касающийся жизнеспособности глобализационных проектов, продолжается.

Если попытаться систематизировать имеющиеся точки зрения на природу глобализации, то они могут быть сведены к основным позициям, которые представлены в работах революционных глобалистов (гиперглобалистов), эволюционных глобалистов (трансформационалистов) и скептиков [182].

В работе нами были взяты во внимание работы таких авторов как Зб. Бжезинский [25], К. Поппер [156], Дж. Сорос [166], Ф. Фукуяма [191] и др., которые в своих трудах обозначают установление американского гегемонизма во всем мире.

У. Бек [24], Дж. Стиглиц [167], а также ряд отечественных авторов (М. Г. Делягин [61], В. Л. Иноземцев [76], В. И. Толстых [171] и др.) стоят на позициях того, что суверенность есть нечто меньшее, чем территориально обозначенный барьер.

На антиглобалистских позициях стоят А. А. Зиновьев [72], С. Г. Кара-Мурза [79], Б. О. Ключников [83], А. С. Панарин [140], С. Хантингтон [192; 193] и др. Глобализация данными авторами рассматривается как вестернизация, т.е. продвижение западного проекта по всему миру.

Среди англоязычных работ последних лет следует отметить работы Б. Эммотта [212], С. Д. Кинга [225], Ф. Ливеси [227], М. Слотера [245], Л. Лесли [245], Й. Никсона [233], Т. Иглтон [75], Э. Тоффлера [175].

Результат исследований перечисленных западных ученых, социологов, общественных деятелей – теория «конца глобализации», основной тезис которой заключается в том, что система экономической и политической открытости, полученная после окончания Второй мировой войны и продленная с момента распада Советского Союза, теперь находится под беспрецедентной угрозой [145].

В рамках международно-политического аспекта образовательной политики особый интерес для диссертационного исследования представляет литература, посвященная современной мировой дипломатии и концепции «мягкой силы». Данная группа работ посвящена изучению различных аспектов проблем функционирования социальной сферы общества, поднятия имиджа страны, международной дипломатии, обеспечения национальной безопасности государства посредством развития образования. Среди них наиболее авторитетными и цитируемыми являются исследования нижеперечисленных ученых:

1) Исследователи, потенциал «мягкой силы» России и ее возможности по воздействию на внешний мир [114]: А. О. Наумов [127; 128], В. А. Нестеренко [130], А. М. Бобыло [26; 144], М. М. Лебедева [21; 108; 109; 110] и др.

2) Исследователи, которые рассматривают образование как инструмент «мягкой силы» [114]: В. В. Комлева [84; 85; 86; 87; 88], К. И. Косачев [96], А. В.

Торкунов [164; 173; 174], А. А. Малеев [115], А. М. Бобыло [26; 144], Д. Н. Андросова [15], И. В. Орлова [135], В. А. Масич [117], Е. В. Пономаренко [153; 154; 155], О. В. Жуликова [68], Л. Г. Андреева [14] и др.

3) Авторы, сравнивающие особенности политики «мягкой силы» разных стран: А. М. Бобыло [26; 44], В. В. Комлева [84; 85; 86; 87; 88], А. О. Наумов [127; 128] и др.

При изучении аспектов развития реформы высшего образования в условиях глобализации, а также тенденций образовательной политики России были взяты во внимание работы таких авторов как: А. И. Пирогов [146], Г. А. Краснова [100; 101; 102; 146], В. М. Филиппов [7; 146; 190], Н. Н. Понарина [151], З. В. Ивановский [74], И. В. Налетова [126], Ю. А. Тюрина [178], О. Н. Барабанов [21], В. И. Байденко [20], М. В. Ларионова [107] и др.

Значительный вклад в изучение международного опыта осуществления политики реформирования высшего образования внесли исследования Дж. Салми [160], Ф. Альтбаха [10; 11], С. Слотера [245], Л. Лесли [245], М. Кастельса [80], К. Мормана [122] и др. Изучение данных работ позволило в полной мере выделить главные составляющие конкурентоспособности университета на международной арене, а также выявить наиболее успешные государственные инициативы по развитию национальной системы высшего образования, это:

- высокая концентрация талантливых преподавателей и студентов (Дж. Салми, С. Вегес, С. Маргинсон);
- ресурсы и их значение для образовательной политики (А. Тейк, Дж. Салми, Х. Хорта);
- эффективное управление (Дж. Ломбарди, Л. Армстронг, Ф. Альтбах, Б. Кларк, Дж. Салми);
- «ускоряющие факторы повышения конкурентоспособности университета» (А. Тейк, Х. Хорта, Дж. Салми, Б. Кларк).

Особый вклад в формирование позиции автора внесли работы исследователей в области изучения политики в сфере высшего образования и ее международных аспектов: О. А. Габриеляна [47; 48], В. В. Комлевой [84; 85; 86;

87; 88], М. М. Лебедевой [21; 108; 109; 110], Е. В. Скребец [163], А. С. Филатова [184; 185; 186; 187; 188; 189], А. А. Чемшита [195], О. Ф. Шаброва [199], М. А. Шепелева [200; 201], С. В. Юрченко [204].

Анализ специальной литературы позволяет сделать вывод о серьезной теоретической разработке исследуемой темы. Вместе с тем проблема политики реформирования высшего образования в контексте мировых трендов в научном плане остается концептуально и системно малоизученной. Так, требуют глубокого анализа вопросы закономерностей развития государственной образовательной политики; становление ее этапов и анализ особенностей осуществления в различные периоды; определения внутренних и внешних вызовов системе высшего образования; факторов неэффективности государственных реформ в сфере высшего образования и т.д.

Целостных и комплексных исследований, содержащих концептуальный анализ политики реформирования системы высшего образования в России и в то же время затрагивающих мировые тренды в этой области, в настоящее время недостаточно виду высокой степени динамики изучаемого проблемного поля. Таким образом, актуальность и недостаточная научная разработанность проблемы реформирования высшего образования с учетом мировых трендов обусловила необходимость ее комплексного изучения.

Объект исследования – международное измерение образовательной политики России.

Предмет исследования – воздействие и проявление мировых трендов в политике реформирования высшего образования России.

Цель диссертационного исследования – раскрыть влияние мировых трендов на формирование и реализацию политики реформирования высшего образования России.

Для достижения данной цели, в работе необходимо решить следующие **задачи**:

- выделить факторы современного международного развития, влияющие на систему высшего образования, и на их основе определить мировые тренды,

обуславливающие трансформацию роли высшего образования в современном мире;

- изучить логику реформирования системы высшего образования в рамках многообразия глобализационных проявлений;

- охарактеризовать условия и возможности использования высшего образования в контексте реализации «мягкой силы»;

- проанализировать международный опыт реформирования сферы высшего образования как инструмента реализации «мягкой силы»;

- установить результаты и определить стратегические вызовы политики Российской Федерации в сфере высшего образования в контексте отмеченных мировых трендов;

- описать структуру матрицы политики реформы высшего образования и на её основе сформулировать рекомендации относительно дальнейшей разработки политики реформирования высшего образования России с учетом мировых трендов.

Рабочая гипотеза исследования.

Для современной мировой системы характерно определяющее воздействие общесистемных параметров и закономерностей на секторальные и локальные процессы, чем обусловлена зависимость трансформационных процессов в национальных системах образования от ведущих трендов мирового развития. Воспринимаемые в контексте глобальных вызовов и возможностей, эти процессы рассматриваются сегодня в контексте дискурса безопасности и становятся одним из аспектов политики безопасности. В связи с этим образовательная политика превращается в инструмент проецирования «мягкой силы» государства на фоне обострения глобальной цивилизационной конкуренции, которая проявляется, в том числе и в мировом образовательном пространстве.

Хронологические рамки исследования охватывают временной период с начала 2000-х гг., на который приходится существенная системная трансформация высшего образования, по 2019 г. При этом для более глубокого

понимания процессов реформы высшего образования автор обращается и к более ранним периодам времени.

Научная новизна диссертационного исследования определяется тем, что в нём впервые в отечественной политической науке осуществлён комплексный анализ влияния ведущих современных трендов мирового развития на характер и направленность политики реформирования высшего образования Российской Федерации. В частности:

- установлено соотношение мировых трендов современного политического развития и порождаемых ими мировых тенденций в сфере высшего образования, определяющих характер основных вызовов современному университету;

- выявлены и соотнесены институциональные особенности процессов глобализации, транснационализации и интернационализации высшего образования, что позволило сформулировать признаки глобального, транснационального и интернационального университетов;

- определена тенденция секьюритизации образования, проявляющаяся в проблематизации образовательного процесса в рамках дискурса безопасности и превращении сферы образования в один из аспектов политики безопасности;

- показано, что современный университет в качестве инструмента политики «мягкой силы» становится фактором обеспечения безопасности государства и общества, способствует продвижению национальных интересов на мировой арене и формированию имиджа страны в условиях глобальной конкуренции;

- уточнена классификация моделей самоидентификации иностранных студентов и мотивации их выбора в пользу получения высшего образования за рубежом;

- на основе сравнительного анализа международного опыта современных реформ высшего образования установлены конкурентные преимущества основных национальных моделей образовательной политики;

- обозначены международные факторы, способствующие повышению конкурентоспособности российской модели высшего образования на современном мировом рынке образовательных услуг;

- получила дальнейшее развитие периодизация этапов реформирования российской системы высшего образования, позволившая соотнести воздействие внутренней и международной среды на функционирование и развитие национальных образовательных систем;

- разработана матрица политики реформирования системы высшего образования, которую можно рассматривать как систему мер для эффективной модернизации высшего образования в России, а также предложены практические рекомендации по использованию разработанной матрицы.

Теоретическая и практическая значимость работы

Разработанная методология исследования, представляет собой теоретический инструментарий, который позволяет не только исследовать саму политику реформирования системы высшего образования, но и построить учитывающую мировые тренды соответствующую концепцию. Ее теоретически оформленным результатом является матрица политики реформирования высшего образования. Ее эффективность определяется возможностью применения, например, через систему рекомендаций. Значимость полученных результатов подтверждается рядом рекомендаций по совершенствованию образовательной политики, в частности, в России, разработанных и систематизированных в диссертационном исследовании.

Основные теоретические и методические положения, выводы и рекомендации диссертации могут быть применены в учебном процессе, а также могут использоваться органами государственного управления.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, его рекомендации могут быть использованы в процессе разработки и реализации внешней политики с точки зрения стратегии мягкой силы, а также при моделировании международных аспектов образовательной политики.

Методология и методы исследования.

Для анализа мировых трендов в сфере высшего образования в данной работе использовались системный, диалектический и исторический подходы,

дескриптивный и сравнительный методы, методы анализа и синтеза, гипотетико-дедуктивный метод.

Системный подход был реализован при комплексном рассмотрении предмета исследования, изучении его составляющих и их взаимосвязей, а также применялся автором при разработке рекомендаций по модернизации политики реформирования высшего образования. Диалектический подход использовался для выявления противоречий в тенденциях развития глобальных процессов и процессах трансформации образовательных систем. Исторический подход был эффективен при исследовании эволюции мировых трендов, влияющих на формирование вызовов системе высшего образования. Данный метод также использовался для изложения рассматриваемых научных фактов в определенной временной последовательности.

Инструментарий дескриптивного метода, общенаучных методов анализа и синтеза и гипотетико-дедуктивного метода применялся при анализе мирового порядка XXI века и состояния в нем системы высшего образования, а также фактов активного продвижения высшего образования как ресурса «мягкой силы». Сравнительный метод использовался для изучения особенностей национальных образовательных стратегий в странах Европы, США, КНР и других, а также анализа российского опыта построения политики в сфере высшего образования.

Данные подходы позволили обобщить фактологическую информацию по международной проблематике, проанализировать траекторию развития процесса трансформации высшего образования, как в рамках всего пространства, так и в России в отдельности. Наряду с ними в качестве рабочего инструмента в диссертации был использован ряд эмпирических методов, позволивших, в частности, выявить ряд практических примеров эффективного содействия государства процессу повышения конкурентоспособности университетов. В отдельных случаях (в частности, при рассмотрении международной академической мобильности как параметра матрицы политики реформ университета) для раскрытия выдвигаемых в работе тезисов применялся подход «case study».

Положения, выносимые на защиту:

1. Основными мировыми трендами развития систем высшего образования являются:

- формирование полицентричного мироустройства, отражающего многообразие цивилизационных моделей развития, что проявляется в усилении глобальной цивилизационной конкуренции на международном рынке образовательных услуг;

- глобализация образования, в основе которой лежит распространение норм и ценностей академического капитализма в глобальном образовательном пространстве и усиление неравномерности развития образовательных систем и институтов и стремление к унификации образовательных систем;

- транснационализация образования, проявляющаяся в тенденции экстраполяции принципов менеджмента транснациональных корпораций на управление современными университетами и образовательными системами на основе рыночно–ориентированной образовательной модели;

- интернационализация образования, ведущая к появлению и развитию в мировом образовательном пространстве новых международных связей сетевого типа, а также в развитии институциональных форм международного сотрудничества университетов;

- регионализация образования, способная как транслировать импульсы глобализации и транснационализации в масштабах региональных образовательных пространств (например, в рамках Болонского процесса), так и создавать определённую альтернативу этим импульсам.

- разрыв между процессами перехода к деглобализации, проявляющимися в экономической и политической сферах, и сохраняющимися тенденциями глобализации в сфере образования;

- массовизация высшего образования, сопровождающаяся углубляющимся расслоением между элитарными и массовыми университетами, которое закрепляет сохранение социального неравенства в сфере доступа к качественному высшему образованию;

- цифровизация и виртуализация образования, позволяющие внедрить технологии мобильного дистанционного обучения, обеспечить непрерывность процесса обучения и его индивидуализацию, но при этом закрепляющие доминирующие позиции академического капитализма в современном образовании и создающие опасность разрушения его антропоцентричной основы;
- секьюритизация образования, т.е. проблематизация образовательного процесса в рамках дискурса безопасности и превращение сферы образования в один из аспектов политики безопасности.

2. Процессы глобализации, транснационализации, интернационализации и регионализации высшего образования воздействуют на институциональную трансформацию систем высшего образования и приводят к возникновению новых моделей университетов. Модель глобального университета предполагает способность ведущих университетов современного мира к лидерству в процессе глобализации образования, а также способность к проецированию «мягкой силы» в глобальном масштабе, которая в свою очередь обеспечивается финансово-экономическим, научно-техническим и технологическим потенциалом и совокупным креативным ресурсом. Модель транснационального университета подразумевает трансформацию современного университета в рыночно-ориентированное «большое предприятие» по образцу ТНК, осуществляющего активную экспансию на международном рынке образовательных услуг посредством создания зарубежных отделений, филиалов и т.д. Модель интернационального университета основана на добровольности участия, независимости участников и множественности лидеров, подразумевает институционализацию международного стратегического партнерства, принимающего форму сетевого взаимодействия, прежде всего, посредством проведения совместных образовательных программ, создания единой информационно-аналитической структуры, развития новых форм межвузовского международного сотрудничества, позволяющих каждому из его участников реализовывать свои собственные уникальные цели. Наиболее развитой в институциональном отношении форме проявления тенденции регионализации

образования стало создание единого европейского пространства в рамках Болонского процесса.

3. Сравнительный анализ международного опыта функционирования и реформирования высшего образования позволяет выделить три базовые модели высшего образования – европейскую, американскую, азиатскую, а также выявить их конкурентные преимущества. В рамках европейской модели выделяют английскую, французскую и немецкую. Сильной стороной английской модели является конъюнктурная гибкость, французской – бесплатность образования, немецкой – «дуальный принцип» (соединение обучения с практикой/производством). Конкурентными преимуществами американской модели является ориентация на индивидуальные запросы обучающихся и на приобретение практико-исследовательских навыков, глубокая интеграция университетов и корпораций (работодателей), высокие возможности привлечения значительного объема финансовых ресурсов, а также определяющее влияние на формирование мировых рейтингов, универсальность признания дипломов об образовании и научных степеней. Традиционная азиатская модель высшего образования отличается ориентацией на удовлетворение государственных потребностей, высокой степенью централизации и контроля, хотя в XXI в. многие системы образования были модернизированы на основе внедрения принципов конкуренции, развития автономии и децентрализации. В числе ключевых факторов азиатской конкурентоспособности – высокая эффективность трудоустройства, динамично развивающаяся инновационная инфраструктура.

4. Ключевыми международными факторами, способствующими повышению конкурентоспособности российской модели высшего образования на современном мировом рынке образовательных услуг, являются: восстановление (в обстановке кризиса отношений с США и коллективным Западом) представлений о России как носительнице альтернативной Западу цивилизационной модели развития; формирование привлекательного международного имиджа России в восприятии значительной части населения развивающихся стран; активная государственная поддержка усилий по

привлечению из-за рубежа студентов и перспективных специалистов и развитию международной академической мобильности; участие России во взаимодействии с незападными странами по выработке объективных критериев формирования международных рейтингов университетов; конъюнктура валютных курсов («дешевый рубль»), стимулирующая экспорт российских образовательных услуг. Государственная образовательная политика ориентирована на стимулирование усилий по повышению конкурентоспособности российских вузов, в частности путем реализации национального проекта «Образование», проекта поддержки российских вузов «5–100» и нацелена на приведение уровня образовательных услуг к мировым стандартам и расширение международной деятельности российских вузов.

5. Международная образовательная политика представляет собой деятельность государств, международных организаций, транснациональных корпораций и иных международных акторов по регулированию международного взаимодействия в сфере образования. Основными формами реализации международной образовательной политики являются: международная конкуренция (например, в форме протекционистских мер по защите национального образовательного пространства и стимулированию экспорта образовательных услуг); международная координация (например, в форме соглашений о взаимном признании дипломов и ученых степеней); международное сотрудничество или партнерство (например, посредством реализации международных образовательных программ и образовательно-научных проектов); международная субординация (например, через установление регулятивных норм наднационального характера и контроль за их соблюдением).

6. Современный университет в качестве субъекта международного гуманитарного взаимодействия служит одним из ключевых проводников политики «мягкой силы». В этом качестве он становится фактором обеспечения национальной безопасности, способствует продвижению национальных интересов на мировой арене и формированию привлекательного имиджа города, региона, страны в условиях глобальной конкуренции. Эта миссия университетов

в ведущих государствах мира обеспечивается благодаря правительственной политике «мягкой силы через образование», направленной на использование образовательных учреждений как агентов публичной дипломатии и платформы для диалоговой пропаганды с акцентом на понимание, информирование и влияние. Университеты выступают в качестве центров подготовки кадров для иностранных государств, международных организаций, ТНК, международных масс – медиа, и таким образом, играют ключевую роль в подготовке элиты иностранных государств и глобальной элиты. Формирование сетевых структур, обеспечивающих поддержание внутриэлитных корпоративных связей, на основе университетской солидарности, является важным инструментом внешнеполитического влияния государства.

7. Анализ мотиваций выбора иностранными студентами получения высшего образования за рубежом позволяет выделить следующие модели самоидентификации иностранных студентов: модель «свободного рыночника»; модель «глобально информированного националиста»; модель «глобального гражданства»; а также модели «религиозного транснационалиста»; «агента вестернизации»; «агента ориентализации»; «жертвы гражданского конфликта». При этом последняя модель самоидентификации может дополняться в дальнейшем элементами мотивации, относящимися преимущественно к первой, второй или четвертой моделям.

8. Нарастание деглобализационных процессов, импульсом к развитию которых стал кризис 2008–2010 гг., непосредственно и сразу не отразилось на образовательном процессе в мире и в России; несмотря на всю противоречивость участия России в Болонском процессе, вплоть до 2016 г. в образовательной политике страны полностью доминировали либерально–глобалистские установки. Новый этап эволюции процесса реформирования российской системы высшего образования начался в 2016–2018 гг. в условиях укрепления международной оппозиции однополярному гегемонизму США, а также западного санкционного давления на Россию, общего усиления международной напряжённости и его преломления во внутривнутриполитической ситуации в стране. Данный этап

сопровождается обострением политических противоречий, конкуренции интересов различных заинтересованных групп по вопросу дальнейшего пути реформирования высшего образования.

9. Разработанная в диссертационном исследовании неформальная матрица позволяет сформировать систему практических рекомендаций для эффективной модернизации высшего образования. Матрица политики реформирования университета как субъекта международной образовательной деятельности – совокупность необходимых предпосылок, условий, требований, субъектов реформ с ясными целями и задачами и механизмами их достижений и реализации. Элементами матрицы университета являются: нормативно–правовая организация деятельности университета; обеспечение и контроль за качеством образования; конкурентоспособность университета; академическая мобильность; кадровый и исследовательский потенциал университета; управление современным университетом; информатизация; экономика университета; мониторинг.

Степень достоверности и апробации результатов

Объективный характер полученных результатов достигался всей совокупностью примененных научных методов исследования и корреляцией полученных результатов с теми, которые в свою очередь получили ранее отечественные и зарубежные исследователи.

Основные положения и выводы диссертационной работы апробированы на следующих международных и всероссийских научных конференциях: XXX Харакский форум «Политическое пространство и социальное время: идентичность и повседневность в структуре жизненного мира» (26–30 мая 2016, г. Ялта); Международная научно–практическая конференция «Общественные науки: история, современное состояние и перспективы исследований», (27–28 сентября 2013, г. Львов, Украина); Международная научно–практическая конференция «Актуальные вопросы формирования единого научного пространства» (23 декабря 2017, г. Екатеринбург); XVII Международная конференция «Лазаревские чтения. Причерноморье. История, политика, география, культура» (2–4 октября 2019, г. Севастополь); V Всероссийская конференции студентов и молодых

учёных «Россия и мир: история и современность» (28 апреля 2017, г. Сургут); I научная конференция профессорско–преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых «Дни науки КФУ им. В.И. Вернадского» (26 октября 2015, г. Симферополь); Научно–практическая конференция для студентов и молодых ученых «Молодая наука» (4–5 октября 2017, г. Симферополь).

Результаты исследования отражены в 16 публикациях, в том числе 3 статьях, опубликованных в изданиях, включенных в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК при Минобрнауки Российской Федерации, 2 статьях, опубликованных в специализированных научных изданиях, рекомендованных МОН Украины.

Результаты исследования использовались также при выполнении научно–исследовательских работ по смежной тематике – языковой политики в сфере среднего и высшего образования Крыма в рамках проекта РГНФ №16–31–01073 – «Языковая политика в Крыму. Ретроспектива и перспектива» (2016–2019).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, основной части, включающей три главы, заключения, списка использованной литературы (254 источника), а также двух приложений.

Глава 1. Теоретико–методологические основания исследования международного измерения образовательной политики

1.1. Общетеоретические основания исследования мировых трендов в современной образовательной политике

Современная система международных отношений, сформировавшаяся после завершения «холодной войны», включает ряд новых для системы акторов, влияющих как на сам международный процесс, так и на его результаты на мезо- и микроуровнях. «К числу такого рода новых субъектов международных отношений, заявивших о себе, в частности, после распада двухполюсного мира, можно отнести институты высшего образования, которые становятся одним из ключевых элементов переживающей качественную трансформацию современной дипломатии и, соответственно, международных отношений, в рамках которых продолжает стремительно развиваться подход, основанный на концепции «мягкой силы» [45].

Российская Федерация как преемник СССР в определенной степени сберегла геополитический потенциал, позволивший ей сохранить статус второй ядерной державы и глобальный военно-стратегический паритет, но пока еще не достигла уровня, который бы позволил ей полностью преодолеть последствия геополитического поражения в конце XX в. Это поражение более всего заметно по ситуации, которая сложилась на Европейском континенте. Именно здесь Россия, включенная в европейский контекст как минимум своей территорией, долгое время была вынуждена смиряться с правилами «большой игры», которые диктовали миру США, ставшие ведущей политической силой западной цивилизации после окончания Второй мировой войны и геополитическим лидером униполярного мира после распада СССР [189].

До сих пор Североатлантическому сообществу Россия видится как препятствие на пути к глобальному господству, как геополитический конкурент и обладатель несметных природных ресурсов, носитель неприемлемых для западной цивилизации ценностей, субъект, обладающий ядерным оружием. У России нет иного выхода, как принять брошенный вызов и включиться в серьёзную долговременную конкурентную борьбу за свое право быть суверенным государством и развиваться в соответствии со своими национальными интересами. Перед нами встаёт задача ликвидировать имеющееся отставание, восстановить паритет сил, с тем, чтобы на равных с США и ЕС осуществлять политику партнерства и конкуренции [195].

Формирование третьего функционального уровня геополитического расположения России связано с определением сферы жизненных (или национальных) интересов, что является характерным для любого ведущего геополитического игрока. Известно, что функциональный уровень геополитического позиционирования занимает важнейшее место в современной внешней политике Соединенных Штатов Америки. В качестве сфер национальных интересов правительство США объявило многие регионы Ближнего Востока, Латинской Америки, Южной Азии, Европы и др. [185]

В этом смысле образовательная политика сегодня выходит за рамки просвещения и этим очень важным фактором не исчерпывается ее социальная и политическая значимость. Она обусловлена всеми теми функциями, которые высшее образование выполняет в сложном социальном организме.

Для каждой страны актуальность реформирования образовательного сектора определяется своими специфическими условиями, но вместе с тем есть и вполне объективные причины общего порядка. Если говорить о постсоветском пространстве, то актуальность проблемы реформирования системы высшего образования обусловлена сложными внутренними и внешними причинами: направленностью на достижение современного уровня качества и доступности высшего образования; необходимостью обновления содержания, форм и методов обучения; совершенствованием организационных основ деятельности всех

структур и подразделений современного университета; дальнейшей адаптацией его к условиям функционирования в рыночной и глобальной экономике; унификацией и согласованием законодательной и правовой базы в сфере высшего образования с учетом мировых трендов его развития; участием в международных инициативах.

В современном мире, когда знание получает новый статус, проблематика образовательных процессов и систем становится одним из важнейших направлений политологического анализа. Нет единого мнения относительно понятийного аппарата по данной тематике, как и нет единой методики качественного улучшения и развития высшей школы и системы управления ею на государственном либо общественном уровне. Однако, динамика формирования мирового образования, в частности европейского образовательного пространства и место России в данных процессах делает разработку принципов современной политики в области высшего образования и реформирования мировых образовательных систем актуальной. Это обусловлено и тем, что образование и знание, будучи сегодня основным двигателем прогресса, признаются самой большой ценностью в мире.

Современные глобальные тренды – это крупномасштабные, долгосрочные процессы мирового развития. Такие политические, социальные, экономические изменения служат корневым основанием реформирования системы высшего образования.

При рассмотрении влияния мировых трендов и порождаемых ими основных мировых тенденций общественного развития на систему высшего образования, выявляются вызовы современному высшему образованию.

Основные мировые тренды, описывающие современный переходный процесс и приводящие к глобальным переменам, по мнению А.И. Уткина, определяет 11 факторов [183]:

1. Бурный рост экономики в индустриальном треугольнике: Северная Америка–Западная Европа–Восточная Азия, в результате, которого развитое меньшинство (страны — члены Организации экономического сотрудничества и

развития — ОЭСР) могут подчинить своей власти большинство мирового населения [183].

Данная тенденция, очевидная для рубежа XX–XXI вв., ныне представляется довольно сомнительной с учётом того, что в настоящее время на долю государств–членов ОЭСР приходится лишь 42%, тогда как на начало нынешнего столетия она достигала порядка 60 % мирового ВВП (и это при том, что численность этой структуры несколько выросла за счёт восточноевропейских стран–членов ЕС и таких стран, как Чили, Израиль, Южная Корея).

2. Неожиданный подъем новых гигантов, прежде всего Китая (а также Индии, Бразилии и др.)

Темпы экономического роста различны и изменяются во времени не только для разных континентов и стран, но также и для отдельных государств в силу ряда причин. В XX веке мы могли наблюдать случаи столь бурного развития экономики некоторых стран, что для них часто используют термин — «экономическое чудо». Стремительный рост экономики продемонстрировали такие страны, как – Вьетнам, Индонезия, Китай, Индия, Тайвань, Южная Корея, Сингапур, Япония и т.д.

В прошлом очень бедные страны, такие как Сингапур, Южная Корея, Гонконг, Тайвань показали высочайшие темпы развития, и за относительно небольшой срок стали новыми индустриальными странами, а по многим показателям – постиндустриальными. Сегодня они наряду с США, Японией и Европейским Союзом соперничают за право лидерства на мировом рынке [32]. Согласно составленному МВФ списку на 2018 г., на долю незападных стран приходится 64% мирового ВВП, рассчитанного по паритету покупательной способности (ВВП по ППС), в том числе в первой пятерке стран им принадлежит первое место (Китай – 18,69%, а с Гонконгом и Макао – 19,11%), третье и четвёртое места (Индия – 7,77% и Япония – 4,14%) [54].

3. Хаос, возникающий в результате ослабления государств (наций) и роста веса и влияния негосударственных организаций и транснациональных корпораций, создающих нерегулируемые процессы.

В настоящее время данная тенденция также ставится под сомнение в связи со стремлением национальных государств и их региональных объединений восстановить относительный контроль над международными и внутренними экономическими и социальными процессами, ослабившийся в ходе глобализационных процессов 1990–х – середины 2010–х гг.

4. Обращение государств (после идеологического противостояния и битвы за ресурсы) к новой идентичности, базирующейся на возврате к традициям, устоям, исконным религиям, историческим святыням.

Глобализация, будучи длительным процессом, «возникла изначально в экономической области, постепенно охватила все сферы человеческой жизнедеятельности, в том числе культуру и образование». Возник серьезный вызов культурной самобытности разных народов. Серьезную опасность представил односторонний характер культурного «воздействия и потеря национально–культурной самобытности многими народами, не относящимися к западной цивилизации». По мнению К. Момджана, «глобализация – это ... процесс, в который мы вовлечены не только в качестве субъектов, но и объектов; глобализация – это не только то, что делают люди, это то, что происходит и делается с ними» [121]. Реакцией на эти социокультурные сдвиги стала активизация индигенизационных процессов, предусматривающих «модернизацию без вестернизации». Они активно поддерживаются многими правительствами не западных государств.

5. Поляризация бедного большинства и благоенствующего меньшинства.

В мире сохраняется ошеломляющая неравномерность развития производства среди государств и территорий, а значит, доходов и уровня жизни населения, что порождает политические, социальные и экологические проблемы не только для этих стран, но и мирового сообщества. Объем дохода на душу населения колеблется от сотни тысяч до нескольких сотен долларов в год. Как отмечает М.Д. Ейтс, «почти во всех странах среднее богатство верхнего дециля (т. е. богатых 10% взрослого населения) более чем в десять раз превышает медианное богатство. Для верхнего процентиля (т. е. богатейшего

1% взрослого населения) среднее богатство в 100 раз превышает медианное богатство во многих странах и может почти в 1000 раз превысить медианный показатель в странах с наибольшим неравенством» [65]. К странам последней группы относится половина стран «Большой двадцатки» – США, Россия, Индия, Бразилия, Аргентина, Египет, ЮАР, Индонезия, Турция, а также, например, Швейцария и Гонконг. При этом примечательно, что глобальное неравенство превышает уровень неравенства внутри какой-либо одной страны: коэффициент Джини в мире в целом составляет около 0,7, а это на 0,1 выше, чем в Бразилии – стране с одним из наивысших уровней неравенства доходов на планете.

6. Демографический взрыв.

XX век стал веком стремительного снижения смертности и роста продолжительности жизни во всем мире, а это привело к беспрецедентному росту населения планеты. В XX веке необычное увеличение естественного прироста населения вышло за пределы Европы, и распространилась на весь мир. За первую половину XX века, несмотря на две кровопролитные мировые войны, население выросло более чем в полтора раза, а за все XX столетие увеличилось в 3,7 раза [38]. И хотя с 90-х гг. темпы прироста населения Земли несколько снижаются, в абсолютном выражении оно стремительно увеличивается и к 2025 г. составит 8 млрд чел., к 2050 г. достигнет 9,7 млрд чел., а концу XXI в. – порядка 11 млрд чел.

7. Иммиграция – смещение колоссальных масс населения в зоны чуждых им цивилизационных канонов.

Продолжают стремительно наращивать свои масштабы глобальные миграционные потоки: с 2000 г. до 2017 г. численность международных мигрантов выросла на 49%, превысив показатель роста мирового населения, составивший 23%, а само количество мигрантов увеличилось с 2,8% до 3,4% населения планеты, составив 258 млн. чел. При этом направленность миграционных потоков противоположна направлениям перемещения центра мирового экономического развития, то есть идут в основном с Востока на Запад и с Юга на Север. Первые места в мире по числу международных мигрантов занимают США, Саудовская Аравия, Германия, Россия, Великобритания, тогда

как основными странами происхождения международных мигрантов являются Индия, Мексика, Россия, Китай, Бангладеш. В 2000 г. Россия вообще занимала второе место в списке стран проживания и первое место в списке стран происхождения международных мигрантов, что объясняется значительными взаимными миграционными потоками в рамках постсоветского пространства, особенно между Россией, Украиной, Белоруссией и Казахстаном. Сегодня в ЕС проживает более 35 млн неевропейцев, из них от 15 до 18 млн — мусульмане, численность которых к 2030 г. может достичь 8% населения. В основном мигранты направляются в ЕС из Албании и Косово, Сомали, Нигерии, Гамбии, Мали, Эритреи, Сирии, Ливии, Алжира, Ирана, Пакистана, Афганистана и многочисленных государств Чёрной Африки, расположенных южнее пустыни Сахара. Это ведет к неуклонному изменению расово-этнического и религиозного состава населения Европы, особенно её крупных городов. Европейский миграционный кризис привел к заметному увеличению численности мигрантов, особенно затронувшему Германию (около 1,5 млн. мигрантов), Францию (свыше 400 тыс. мигрантов), Италию (свыше 350 тыс. мигрантов) «Из-за трудностей ассимиляции и обособленного существования иммигрантов возникают новые факторы нестабильности» [23].

8. Конфессиональное разобщение человечества.

Современные конфликты, так или иначе, связаны с различием в религиозной и культурной лояльности. Конкурирующие вероучения заменили борьбу идеологий, характерную для эпохи «холодной войны». В настоящее время на долю христиан приходится треть населения планеты, ислам исповедуют около 23% населения, индуизм — 13,7%, буддизм — 6,8%, синкретическую китайскую религию (шэнизм) — 6,6%, агностиками и атеистами называют себя соответственно 9,3 и 2% населения [210]. Однако если раньше религиозные различия сопровождались относительно определенной географической локализацией приверженцев тех или иных религий и религиозных конфессий, то глобализационные процессы способствовали их активному смешению, обострив

проблемы внутренней стабильности, особенно в странах со значительной долей иммигрантов.

9. Оскудение земной оболочки нашей планеты, которое увеличивает значимость нефти, меди, цинка на фоне расширения индустриальной зоны, нуждающейся в ископаемых.

Возникнет весьма угрожающая обстановка, когда мотивом столкновения будет не получение неких преимуществ, а собственно выживание. Во многих научных работах отмечается, что «большинство войн велось за контроль над ресурсами, такими как леса, поля, угольные шахты и минеральное сырьё» [219].

10. Впечатляющее развитие науки, колоссально ускоряющее рост производства и создавший в тоже время орудия глобального уничтожения [183].

Сокращение продолжительности технологических циклов приводит к быстро меняющейся структуре спроса на рынке труда, сокращению времени на усвоение молодёжью памяти и опыта предшествующих поколений, являющимся единственным способом воспроизводства социальных общностей, – этносов, наций, народов.

Пятый экономический уклад был направлен на изменение (улучшение) условий жизни человека, при этом человек оставался человеком, создавая более комфортные условия жизни. Сегодня человечество стоит на пороге шестого экономического уклада, а новейшие технологии, направленные на изменение человека, его телесной и природной основы. Глобальная информатизация, размывающая чувство национальной идентичности и тем самым объективно ослабляющая институты государства, создаёт условия межгосударственного противоборства с использованием стратегии «Soft Power», продвижения интересов и ценностей противоборствующих сторон. При этом медиатизация социальной жизни уводит человека, прежде всего молодёжь, от реальной жизни, влечёт за собой отчуждение человека от природы, от общества, от себя самого. Такой человек, особенно не имеющий достаточного естественнонаучного, социального и гуманитарного образования, легче поддаётся воздействию манипулятивных технологий, порождает фрагментарное сознание, содержащее

значительный объём не связанных между собой, а зачастую и с окружающим миром, информационных единиц [132].

11. Реализация геополитической мощи США – победителя в «холодной войне», создающая моноцентрическую картину мира.

Данная тенденция, актуальная для рубежа столетия, в настоящее время сменилась на противоположную. Политическая гегемония США в мире переживает глубокий кризис, сопровождающийся острым кризисом политической системы этой ещё недавно единственной сверхдержавы. Отчётливо проявляются объективные признаки разрушения однополярного мира, при этом процесс перехода к многополярности сопровождается нарастанием геополитической нестабильности и неустойчивости развития мировой экономики, резким обострением глобальной конкуренции. Отмечается стремление к перераспределению влияния в пользу новых центров экономического роста и политического притяжения. Происходят существенные изменения в области международного права, военно–политической и экономической областях [181].

Таким образом, хотя большинство упомянутых в книге А.И. Уткина трендов мирового развития имеют место и сегодня, тем не менее, многие из них заметно трансформировались или даже сменились на противоположные. К современным факторам мирового развития, не указанным А.И. Уткиным, следует добавить следующие аспекты:

– ускорение темпа социального развития;

Социальная, а также политическая история ускоряется и становится более интенсивной. Аналогичные по масштабам и содержанию события и процессы происходят в течение все более сокращающегося промежутка времени. В то же время сокращается срок сохранения однотипных равновесных ситуаций [110].

– формирование сетевого пространства и виртуализация планетарного человеческого сообщества;

Впечатляющее развитие науки и информационно–коммуникационных технологий (изобретение сначала полупроводниковых ЭВМ, следом за ними – персональных компьютеров и сети Интернет, и последовавшие затем

миниатюризация техники, развитие мобильных коммуникаций и искусственного интеллекта) привело к расширению информационного пространства, созданию социальных сетей и виртуализации планетарного человеческого сообщества. Возник и получил динамичное развитие сектор цифровой и виртуальной экономики, включая рынок Интернета вещей (оборудование, программное обеспечение, услуги и связь), рынок виртуальной валюты и другие формы чистого онлайн-бизнеса. По данным компании The Boston Consulting Group, доля цифровой экономики в ВВП развитых стран с 2010 по 2016 г. выросла с 4,3 до 5,5%, а в ВВП развивающихся стран – с 3,6 до 4,9%. В странах «большой двадцатки» этот показатель вырос за пять лет с 4,1 до 5,3%. Первое место по доле цифровой экономики в ВВП занимает Великобритания – 12,4%, за ней следуют Южная Корея (8,0%), Китай (6,9%), Индия и Япония (по 5,6%). США находятся на шестом месте (5,4%), а Россия – лишь на 15-м, доля цифровой экономики в отечественном ВВП не превышает 2,8% [148, С. 23–24].

Все более прогрессирующая техника и технология массовых коммуникаций изменяет парадигмы общения между людьми, открывает пути для нарастающей виртуализации общественно-политических отношений. В настоящее время свыше 57% населения пользуется глобальной сетью Интернет, 45% являются активными пользователями социальных сетей, а 42% заходят в социальные сети с мобильных устройств. В России в настоящее время насчитывается 109,6 миллионов интернет-пользователей, т.е. уровень проникновения Интернета составляет 76%, при этом россияне проводят в сети около 6 часов [43]. В свете этих процессов складываются новые формы участия в политике, именуемые «электронной демократией», «сетевой демократией», «кибердемократией»[118].

Между тем создаваемая социальными сетями коммуникативность — мнимая, ложная, так как в ней нет общего культурного поля, и хотя у людей есть невероятные возможности взаимодействовать, они отдаляются друг от друга, становясь изолированными и одинокими. Распространение идей трансгуманизма и постгуманизма призывают управлять человеком через цифровые технологии.

Таким образом, параметром нового геополитического устройства современного мира является изменение качества планетарного пространства, ее виртуализация. Реальное географическое пространство мира как бы дублируется на уровне виртуальном, на уровне информационных систем и сетей. Это порождает особое измерение геополитической картины мира, где основные тенденции политического, финансового процесса, культурного и цивилизационного утверждения, политических баталий и эволюций переводится в сферу виртуального мира глобальной компьютерной сети [141].

– деглобализация и столкновение импульсов, порождённых глобализационными процессами XX в., с альтерглобалистскими и антиглобалистскими тенденциями XXI в.;

М. Кастельс определил «глобальную экономику» как такую, «чья основные компоненты обладают институциональной, организационной и технологической способностью действовать как общность (целостность) в реальном времени или в избранном времени в планетарном масштабе» [80, С.64]. Именно в этом качественное отличие глобальной экономики от той мировой экономики, которая существовала до середины XX века.

Как следствие, капитал стал активнее перетекать туда, где для него складывались наиболее выгодные условия роста. Вслед за этим подобная глобализация затронула и все другие сферы жизнедеятельности государств и народов. Глобальная экономика породила глобальную политику. Началась активная миграция трудовых и производственных ресурсов, принявшая к настоящему времени масштабы переселения народов. Возникла потребность в унификации законодательства. Производственные и технологические процессы становятся все более стандартизированными. Начал меняться образ жизни различных народов. Эти изменения получили название вестернизации.

Отметим объективный характер процесса глобализации. Он отражает качественные изменения, произошедшие в мире, который стал более взаимосвязанным. Однако доминирующие в нем геополитические и геоэкономические субъекты, прежде всего, страны «золотого миллиарда» во главе

с США, чьи компании первыми трансформировались в транснациональные, навязывают свой проект глобализации. Главный идеологический посыл этого проекта сохранить, обеспечить, навязать миру на перспективу свое доминирующее положение. По сути, постмодернистскому миру с его сетевой природой и нелинейным характером развития, навязывается линейная форма управления из одного центра [60, с. 16]. На наш взгляд, здесь заложено главное противоречие современной эпохи.

Однако глобализация не смогла превратиться в линейный и необратимый процесс. Со времени глобального финансового кризиса 2008 г. по нарастающей в мировой экономике стал развиваться противоположный процесс деглобализации. Он проявился в частности в том, что объем международной торговли со времен кризиса неуклонно сокращается, а мировой объем торговых ограничений за прошедшие десять лет вырос в 10 раз в сравнении с докризисным периодом и продолжает расти всё более стремительно. К тому же потеря рабочих мест в развитых западных экономиках ведет к демонтажу социальных систем и создает угрозу социально–политической стабильности, тогда как значительный рост зарплат в ведущих азиатских экономиках делает невыгодным для западных компаний перенос производства за рубеж, как это практиковалось ранее. В это же время жесткое регулирование, введенное после финансового кризиса 2008 г., затруднило банкам выдачу кредитов за рубежом.

В этих условиях на рубеже второго десятилетия XXI в., актуализируется научный и общественный дискурс, касающийся жизнеспособности глобализационных проектов. Ряд событий – охват Европы «кризисом беженцев»; «Брэкзит» (выход Великобритании из Европейского союза); избрание Д. Трампа (обвиняемого в стремлении уничтожить роль Америки в качестве геополитического гегемона и якоря мировой экономики) на пост президента США, свидетельствует о том, что глобализация мировой экономики и, в более широком смысле, международного либерального порядка, находится в отчаянном отступлении. Стало очевидно, что западный проект глобализации содержит серьезные изъяны и опасные вызовы. Ослабление роли «Группы семи» и

усиление влияния «Группы двадцати», создание структур международной интеграции и сотрудничества, таких как БРИКС, ШОС и других, в которых не представлены США и страны Евросоюза, говорит о том, что идет активный поиск ответа на эти вызовы. В результате таких изменений по всему миру в центре внимания оказались вопросы защиты национальных производителей и рабочей силы, причем в особенности такой пересмотр приоритетов характерен для США, Китая и России.

Все более очевидным становится, что от глобализации в наибольшей степени пострадали страны Запада, поскольку в ее ходе фактически произошла перекачка национального богатства с Запада на Восток. Не удивительно, что, согласно результатам опроса, проведенного мюнхенским экономическим институтом IFO, все большее количество граждан западных стран выступает против глобализации. Такие позиции разделяют 56% граждан Евросоюза и целых 70% граждан США. Внутри ЕС наиболее критично к глобализации относятся во Франции (85% граждан), Германии (64%) и Австрии (70%) [64].

Поэтому нынешнее состояние мира можно охарактеризовать как начало эпохи грандиозных трансформаций, аналогичных эпохе Великих географических открытий и, шире, третьей геополитической революции, связанной с экспансией человека в космическое пространство и переносом в эту среду логики борьбы за пространство. Подобно эпохе покорения Мирового океана, она открывает новые возможности и создаёт риски [200]. В этом смысле мы стоим лишь в начале пути к миру подлинного постмодерна, так что может пройти ещё длительное время, прежде чем станут очевидными его основные характеристики [168].

Современные тренды мирового развития определяют факторы развития высшего образования:

1. Завершение «однополярного момента» и переход к полицентричной модели мироустройства.

Победа США в «холодной войне» обозначила наступление т.н. «однополярного момента», для которого характерно преобладание США в основных областях мировой власти – экономической, военно–политической,

научно–технологической и культурно–идеологической. Хронологические рамки этого периода составили четверть столетия – сначала 1990–х гг. XX в. до середины 2010–х гг. нынешнего столетия. В этот период американская гегемония, опиравшаяся на «демократическую солидарность» стран Запада, нашла свое выражение, в том числе в том, что сформировавшаяся в США система высшего образования (и шире – его англосаксонская модель) стала безусловным лидером в мировом образовательном пространстве.

Система высшего образования США лидирует по численности обучающихся, по привлечению финансовых ресурсов, а также по числу иностранных учащихся, вовлеченных в процесс образования.

Наряду с американской системой (англо–саксонской системой) ведущие позиции занимали европейская и австралийская, канадская системы высшего образования.

В рамках европейской системы, которую можно рассматривать в качестве второго мирового лидера в системе высшего образования, ключевые позиции продолжали занимать Великобритания, Франция, Италия, Германия, хотя наряду с ними укрепили свои позиции некоторые другие страны, такие как Финляндия, Швеция, Бельгия. Консолидация потенциалов западноевропейских стран, по сути, выводит ЕС на эквивалентный США уровень участника на рынке образовательных услуг, составляя существенную конкуренцию североамериканской системе [71, с. 5-15].

Таким образом, наиболее развитые и влиятельные североамериканская и европейская системы, задавали мировые векторы развития высшего образования. Однако в последнее время в мировом образовательном пространстве усилилась конкуренция со стороны незападных стран.

Эти тенденции непосредственно соотносятся с проявляющимися в экономической и политической сферах признаками кризиса однополярной модели мироустройства, завершения однополярного момента и формирования полицентричного мира, в основе которого лежит многообразие цивилизационных моделей развития.

2. Глобализация образования

Распространение западных ценностей по всему миру в области экономики, политики, образования и культуры, иначе вестернизация, а также глобализационные процессы конца XX и начала XXI века оказали несомненное влияние на систему образования и проводимую в этой отрасли политику.

Глобализация образования в ее существующей форме подразумевает:

- распространение норм и ценностей академического капитализма в глобальном образовательном пространстве, порождающее, в частности, коммерциализацию образовательной и научной деятельности, ориентацию на привлечение дополнительного финансирования, как для функционирования университета, так и для индивидуальных исследовательских проектов, и в целом – превращение научной и преподавательской деятельности в своего рода «предпринимательство»;

- универсализация ценностей академической культуры, ориентация на воспроизводство унифицированных моделей глобальной культуры и дальнейшую дистанцированность от духовных ценностей национальной культуры, оттеснение национального государства от финансирования образовательных структур и формирования социального заказа в сфере образования и воспитания;

- неравномерность развития национальных систем образования и высокая степень дифференциации уровня развития между отдельными образовательно-научными комплексами внутри отдельных стран;

- наличие лидеров и аутсайдеров в процессе глобализации, воспроизводящее модель «догоняющего развития» в глобальном образовательном пространстве, в том числе через ранжирование университетов на основе различных глобальных рейтингов;

- высокая конкуренция на международном рынке образовательных услуг и зависимость от включенности в осуществляемое глобальными рейтинговыми агентствами международное ранжирование, порождающее в том числе необходимость высоких затрат на продвижение международного имиджа университета, брендинг выпускников, имеющих высокий социальный

статус, и др.;

- унификация образовательных систем, в т. ч. посредством распространения практики международной аккредитации, создающая предпосылки интенсификации «утечки умов» в интересах стран–лидеров глобализации;

- возникновение и развитие глобального дистанционного образования посредством современных информационно–коммуникационных технологий, создающего конкуренцию традиционным формам организации образовательной деятельности.

Неизбежным следствием глобализации высшего образования является складывание условий для возникновения **глобальных университетов**, характерными признаками которых могут быть определены следующие:

- способность к лидерству в процессе глобализации образования;
- наличие научно–технического и технологического потенциала и способность генерировать научно–технический прогресс, выходить на ведущие позиции на международном рынке инновационных технологий и их удерживать;
- превосходство в стратегии инновационного развития, обеспечиваемое совокупным креативным ресурсом (потенциалом производства инноваций не только научно–технологического, но и философского, социально–политического, общекультурного характера);
- явное превосходство в финансово–экономических показателях и интеллектуальных ресурсах, создающее ресурсную базу, позволяющую проецировать «мягкую силу» в глобальном масштабе;
- умение с опережением выдвигать инициативы и обеспечивать их доброжелательное восприятие международной аудиторией, способность самому удерживаться на выдвинутой платформе и предоставлять поддержку своим партнерам, у которых не всегда имеются ресурсы следовать предлагаемым лидерами путём;

Рейтинги университетов, контроль качества образования, индексы научных публикаций и т.п. наукометрические параметры являются не только объективными показателями эффективности функционирования университетов,

но и механизмами манипулирования и закрепления продвинутости одних стран и отсталости других. Причем в этом процессе последние не могут стать первыми по той простой причине, что выносят вердикт об отсталости именно первые. Этот процесс аналогичен эмиссии денег. Эмитент определяет монетарную политику, определяет правила игры. Потому и существует не только «долларовая зависимость», но и «эпистемологическая» [170], преодоление которой не менее важно, чем преодоление первой. Иначе смыслообразование и знаниетворение останется прерогативой развитых стран, в которых сконцентрированы основные мировые финансы и власть.

Такое жесткое утверждение основано на объективном анализе ситуации. Развитые страны аккумулируют, транслируют, продуцируют знания, превращают их в соответствующие технологии и продукты, а все остальные обречены быть потребителями. Интернет и медиа технологии стали для этого эффективными глобальными инструментами.

Вместе с отмеченными выше оговорками можно согласиться с Н.Н. Понариной: «Глобализация не является исключительно отрицательным явлением для организации высшего образования – ее положительные следствия могут быть осознаны и использованы только в том случае, если университеты включатся в настойчиво предлагаемый ею процесс информатизации и международных коммуникаций. Глобализация образования не должна пониматься в качестве гомогенизации или, что еще опаснее, в качестве средства экономического доминирования; скорее, ее следует воспринимать как режим производства тождества и различия для социальных структур» [151].

Поэтому утверждать, что описанный выше аспект глобализации надо воспринимать только как негативный, которому надо непременно противостоять было бы явным преувеличением. В некоторых странах доминирует стратегия импорта образования. И хотя зарубежное образование приходит в азиатские страны с явно коммерческой целью, «образовательная политика этих стран сознательно поддерживает этот процесс, стимулируя создание крупных университетов и студенческих городков, где могут реализоваться программы

нескольких зарубежных вузов по типу franchise, multi-campus institutions, twinning и т.д» [123].

Посредством государственной политики в сфере образования необходимо искать оптимальное решение: «в современных условиях важно найти определенный баланс – с одной стороны, интегрироваться в мировое образовательное пространство, а с другой сохранить несомненные достоинства национальных систем образования, без которых невозможно существование национальной культуры как таковой» [74].

3. Транснационализация образования

Как мы отмечали выше, наступающий на мировое сообщество фактор международного развития – разрушительный хаос вследствие ослабления государств–наций происходит на фоне укрепления влияния транснациональных корпораций и негосударственных организаций, создающих нерегулируемые процессы.

Возникает вызов для образовательной системы – интернационализация высшего образования на качественно новом уровне. Собственно интернационализация, как взаимодействие и взаимосотрудничество все чаще заменяется глобализацией как продвижением внешних образцов, доминирующих корпоративных структур, а не проектов национальных государств и их союзов. Университет становится «большим предприятием» (как в США), основной и прагматической целью, которого становится удовлетворение, с одной стороны, спроса на образовательные услуги, а с другой, как мы уже отметили, подготовка кадров для глобальной экономики. «Вторая половина XX в. – это время смены университета на корпоративный, который является детищем глобализации, постнационализма, и прежде всего такой ее черты, как ослабление наций государств. По настоящему последствия корпоративного университета стали ясны только с концом «холодной войны», с распадом СССР, когда они автоматически стали переноситься на все страны – бывшего первого, второго, третьего и четвертого миров. Корпоративный университет зачастую становится

проводником ценностей неолиберального государства, нужд корпораций или гегемонных концепций универсального знания» [170].

Идея корпоративного университета стала серьезным фактором влияния на политику реформирования университета. Авторы понятия «академического капитализма» Ш. Слотер и Л. Лесли уже в 1997 в книге под одноименным названием определяют академический капитализм следующим образом: «Чтобы сохранить или увеличить ресурсы, преподаватели должны были все в большей степени конкурировать за внешние доллары, которые были связаны с рыночно ориентированными исследованиями... Мы называем рыночную или рыночно подобную (marketlike) деятельность организации и преподавателей по привлечению внешних денежных средств академическим капитализмом» [245].

Такая трансформация университета в новое качество корпоративного университета вызывает серьезные возражения. Но в качестве альтернативных этим возражениям аргументов приводится в пример система высшего образования в США. На нее указывают как на образец эффективной рыночно-ориентированной системы. Однако, следует заметить, что здесь есть известная доля объективно позитивно действующих условий, и эффект протекционистской политики. Действительно, исторически так сложилось, что вузы США возникали, в основном, как частные образовательные структуры. Они вынуждены были оттачивать механизмы выживания в жестких условиях рыночной экономики. Преподаватель и студент оказывались в «академическом капитализме» с конкуренцией, частичной и временной занятостью, отсутствием гарантии на труд, платностью образовательных услуг.

Однако в настоящее время государство проводит такую политику, что даже частные американские университеты поддерживаются им прямо или косвенно. Если к этому добавить кумулятивный эффект интеграции в американское общество посредством получения американского образования, то станет менее очевидным эффективность этой системы и выявятся не только ее сильные, но и иные стороны – слабые и негативные.

Транснациональный университет – это рыночно–ориентированная модель университета, в формировании политики которой корпоративная структура доминирует над национальными проектами государств. Примером такого университета может послужить Корнееллский университет, один из крупнейших и известнейших университетов США, который с его высоким международным статусом именуется себя «первым транснациональным университетом». В 2004 г., официальные лица от Корнеелла и Стэнфорда заложили первый камень на строительстве нового международного центра, расположенного на израильско–иорданской границе. Транснациональный университет характеризуется рядом признаков:

- преобладание ценностей неолиберального государства;
- направленность на массового потребителя;
- прагматическая цель образования (получение сверхприбыли);
- упрощение содержания образования (наполнение специалиста узким перечнем компетенций для глобальной экономики);
- расширенная периферия развития представлена автономными организационными единицами в виде междисциплинарных исследовательских центров; значительная доля междисциплинарных исследований, финансируемая внешним заказчиком;
- диверсифицированная база финансирования;
- снижение значения геополитических границ доступа к образованию (путем внедрения технологий, в частности дистанционного образования);
- экспансия образования за границей, создание собственных отделений;
- создание системы международного образования, распыленного между многими странами, но контролируемого из одного центра;
- преобладание идеологии «нового менеджериализма», подразумевающей экстраполяцию управленческих практик, существовавших ранее в бизнес – среде (ТНК) в сферу высшего образования;
- ориентация на прямые рыночные действия университета (продажа патентов, лицензий, создание наукоемких предприятий), а также вовлеченность в

конкуренцию за внешнее финансирование (гранты, пожертвования, исследовательские контракты и т.д.), в связи, с чем транснациональный университет оказывается одним из ведущих институциональных проявлений академического капитализма.

4. Интернационализация образования

Глобальные экономические преобразования приводят к появлению новых интернациональных связей в системе высшего образования и их прямой зависимости от мировых экономических процессов.

Институт образования претерпевает изменения, связанные с сетевой формой коммуникации людей. Возникает *network society* – сетевое общество, по М. Кастельсу. Объективные обстоятельства все настойчивее требуют от университета включение в активные партнерские отношения не только с другими университетами как внутри страны, так и за ее пределами, но и сотрудничество с бизнесом, вплоть до ситуации, когда создаются соответствующие его интересам кафедры.

Региональные и глобальные договоры и альянсы стимулируют мобильность профессиональных услуг и специалистов так же, как «движение товаров, капитала и собственно граждан через национальные границы». Как отмечает в статье «Мировые трансформационные тенденции образовательных процессов» Р.Р. Толстяков: «Требования открытости рынков образовательных услуг, отношения к зарубежным провайдерам так же, как и к национальным, с трудом вписываются в национальные системы регулирования образовательными процессами» [172].

Вхождение в международные ассоциации, союзы, объединения не дань некоей моде, а настоятельная потребность. Это своеобразный механизм «самонастройки» через приобщение к референтной группе университетов. Перечислим только некоторые из них, чтобы видеть картину хотя бы в общих чертах: Международная ассоциация университетов (создана в 1950 г. при содействии ЮНЕСКО); Евразийская ассоциация университетов (создана в 1989 г.); Международная ассоциация президентов университетов (создана в 1964 г.); Европейская ассоциация по гарантии качества высшего образования; Азиатско–

тихоокеанская сеть аккредитационных агентств APQN; Европейский союз университетов EUA; Европейский союз учреждений высшего образования EURASHE; Европейский союз студентов ESU и др.

Университеты все активнее вовлекаются в сетевую структуру глобального гражданского общества. Площадка университета все активнее используется не только как экспертная, но и социально–значимая. Все чаще политики используют ее для своих выступлений, так как обратная связь с профессорско–преподавательским составом и со студенческой молодежью позволяет не только рекрутировать своих сторонников, но и проводить своеобразный мониторинг общественных настроений в наиболее продвинутой части общества.

На глобальном уровне на сегодня наиболее эффективным механизмом координации процессов взаимодействия национальных систем образования является ООН. Она осуществляет эту координацию посредством такой своей структуры как ЮНЕСКО. При ней функционирует ряд международных организаций, в частности, Институт планирования образования, региональные центры по образованию и др. [91].

При этом ещё одним важнейшим результатом процесса интернационализации образования является возникновение феномена интернационального университета. **Интернациональный университет** – это модель международного стратегического партнерства, принимающая форму сетевого взаимодействия (например, Университет ООН, Сетевой университет СНГ, Университеты ШОС и БРИКС, и др.), и характеризующаяся рядом признаков:

- моделирование единого (общего) международного образовательного пространства вузов путем реализации совместных образовательных программ на всех уровнях (бакалавриат, специалитет, магистратура, аспирантура, докторантура), организации «включенного обучения», новых форм межвузовского международного сотрудничества, в т. ч. за счет модульно–рейтинговых систем и систем дистанционного обучения;
- создание (образовательно–научного комплекса, включающего единую

информационно–аналитическую инфраструктуру (сети библиотечных услуг, формирование совместных баз данных и др.);

- добровольность формирования международных связей между независимыми участниками, что обеспечивает высокую гибкость интернационального университета и позволяет каждому из них реализовать свои собственные уникальные цели;

- наличие общей долгосрочной цели, которая объединяет всех участников сетевой структуры и не может быть достигнута отдельными участниками международного взаимодействия самостоятельно;

- множественность уровней взаимодействия между участниками международного партнёрства, другими словами, каждый участник взаимодействия может устанавливать собственные взаимоотношения с любым партнером, входящим в сеть;

- множественность лидеров, что обеспечивает устойчивость и высокую эластичность сетевой структуры интернационального университета;

- способность (образовательно–научного комплекса формировать социальные сети, создавать интернациональные сообщества людей с повышенным уровнем социального капитала (например, международных ассоциаций выпускников), готовых решать сложные интеллектуальные задачи;

- создание в рамках (образовательно–научного комплекса механизмов развития академической мобильности студентов и преподавателей, формирование единой системы работы, как с абитуриентами, так и с выпускниками, реализация сетевых программ повышения квалификации, взаимодействие университетских научных центров, инновационных структур, венчурных предприятий;

Всё это, в свою очередь, содействует развитию межкультурного диалога, взаимообогащению культур, языков народов государств–участников партнёрства. Также они способны повысить конкурентоспособность отдельных входящих в них университетов как в рамках национального образовательного пространства, так и на международном уровне.

5. Регионализация образования

Процессы регионализации образования в современных условиях могут выступать как в русле процессов глобализации и транснационализации образования, так и создавать им определённую альтернативу. В условиях Европейского союза, где реализуется в своих основных чертах модель т.н. «открытого регионализма», «европеизация» (европейская версия регионализации), глобализация обычно рассматриваются как взаимодополняющие. В сфере высшего образования европеизация приобрела форму Болонского процесса.

Начало Болонского процесса, основной целью которого являлась гармонизация систем высшего образования, приходится на 1999 г. Россия присоединилась к Болонскому процессу в 2003 г. К 2010 г. было запланировано создание общеевропейское образовательное пространство, выходящее даже за пределы собственно Европейского Союза [74]. Основной идеей Болонского процесса было создание в Европе открытой системы высшего образования. С одной стороны, она должна сохранять и развивать культурное разнообразие всех стран, а с другой – способствовать созданию единого пространства преподавания и обучения. Преподаватели и студенты должны иметь возможность свободного передвижения. Их мобильность необходимое условие международного сотрудничества.

Болонский процесс опирается на автономность университета и развивает ее. Университет является здесь главной единицей интеграции высшего образования в глобальном масштабе. Он становится самонастраивающейся системой, которая, как правило, за гармонизацию процессов интеграции, но не полную унификацию. Это может быть достигнуто путем совмещения учебных программ различных систем высшего образования при сохранении в них собственной уникальной компоненты.

Болонский процесс является европейским ответом на вызовы времени. Это и запрос общества, конкуренция между вузами, потребность в квалифицированной рабочей силе, как следствие формирование единого рынка труда. Процесс объединения Европы, его распространение на восток и на

прибалтийские страны сопровождается формированием общего образовательного и научного пространства и разработкой единых критериев и стандартов в этой сфере в масштабах всего континента. Подход Болонского процесса более мягок, так как риторика и практика рыночных отношений системы высшего образования ограничиваются декларацией социальной значимости высшего образования, а не только эффективностью и полезностью для рынка труда. Европейское тождество является важным конституирующим принципом Болонского процесса.

Однако пока не ясно может ли такой подход эффективно конкурировать с американским, а, по сути, с транснационализацией высшего образования. Пока очевидно, что в кратко- и среднесрочной перспективе американские вузы одерживают победу. Сегодня университеты США, Канады, Австралии начали продавать свои курсы в режиме «онлайн» в Интернете по всему миру. Они пытаются не отстать от глобальных компаний: Microsoft и IBM, крупнейших биотехнологических и фармацевтических фирм, транснациональных межнациональных издательств, которые начинают доминировать в сфере международной торговли образовательными услугами. Идет жесткая конкурентная борьба, в которой европейские университеты уступают лидерство. Однако исторически это лидерство обуславливалось для европейских университетов иными факторами. Они были интеллектуальными и культурными центрами, в них шло средоточие научных исследований, они выступали авторитетом для общественного мнения. Для европейского университета потеря понимаемого лидерства была бы серьезным испытанием и, именно его, оно не хочет уступать.

Во-первых, большинство осознает, что до сих пор именно европейские университеты давали интеллектуальную и смыслообразующую подпитку всем другим университетам, в том числе корпоративным. Во-вторых, в декларации превосходства американского высшего образования есть известная доля лукавства, так как при более внимательном рассмотрении мы видим протекционистскую политику американского государства по отношению к продвижению образовательных услуг своих университетов на глобальный рынок.

Перефразируя известную фразу «что хорошо для Дженерал Моторс, то хорошо для Америки», сегодня можно сказать, «что хорошо для Гарвардского университета, то хорошо и для Америки». США очень четко придерживаются такой экономической политики в сфере высшего образования.

Что же касается оценок результата участия России в Болонском процессе, то здесь выделяются следующие точки зрения, охарактеризованные в работе В.И. Байденко [20]: представители первой из них имеют склонность связывать с этим участием некие позитивные процессы в развитии отечественного высшего образования; в то же время сторонники второй критически оценивают его последствия, отмечая снижение традиционно высоких качественных параметров высшего образования в нашей стране, утрату такого его существенного достоинства – как фундаментальность, принятие навязанных извне «правил игры», и как следствие – ослаблении конкурентоспособности на европейском и мировом рынках образования. В отличие от первых двух, третья точка зрения сочетает признание потребности в более тесной интеграции с европейской системой высшего образования с подчеркиванием очевидных достоинств национальной модели высшего образования и необходимости сохранения ее самобытности. Четвертая же точка зрения, отрицает взгляд на Болонский процесс как на реформу высшего образования как таковую, поскольку структурные и содержательные преобразования в европейской высшей школе были начаты еще в 1970–1980–е гг. XX в. и вскоре практически завершены. Поэтому развернувшийся в дальнейшем Болонский процесс представлял собой лишь стремление подогнать различные национальные системы к уже сложившемуся и не во всем удачному стандарту[20].

Между тем, представленная палитра воззрений не учитывает еще одного, как представляется существенного обстоятельства: Болонский процесс является составной частью процесса европеизации направленного на реализацию проекта политической унификации в Европе в связи, с чем участие Российской Федерации как государства, не преследующего целей вступления в ЕС, в Болонском процессе объективно противоречит национальным интересам России. В частности,

включение российской системы высшего образования в единое европейское образовательное пространство, функционирующее на основе норм и правил, разрабатываемых внутри ЕС, может создавать потенциальные вызовы и угрозы в гуманитарном измерении национальной безопасности России. Речь идет о том, что, как признают сами западные ученые, Болонский процесс, будучи органически составной частью процесса европеизации, имеет «главным образом, внутреннюю ориентацию и направлен, прежде всего, на европейские региональные проблемы и европейские региональные решения» [226], что, таким образом, однозначно обуславливает вторичное положение, второстепенную роль России в рамках этого процесса.

6. Переход к деглобализации и реванш национального государства

Мировой финансово–экономический кризис, начавшийся в 2008 г. обозначил смену ведущих трендов в мировой экономике и запустил процесс ее деглобализации, который с того времени идет по нарастающей. Следствием этого стало жесткое регулирование финансовых процессов, возникновение новых торгово–экономических зон, рост протекционизма по всему миру, усиливающееся торговые конфликты между США и Китаем и США и ЕС, а также начало демонтажа интернационализированных, производственных цепочек западных ТНК. В этих условиях происходит обострение геополитического соперничества и международной напряженности, а национальные государства стремятся вернуть под свой контроль процессы, порожденные формированием «открытых рынков» и «открытых обществ» в ходе предшествующей стадии глобализации. С этим связан отмечаемый исследователями в последние годы реванш национальных суверенитетов, о кризисе, диффузии и неминуемом полном крахе которого ранее пророчествовали адепты глобализации. Между тем именно в этом контексте обнаруживается определённое противоречие между отмечаемыми признаками деглобализации и сохраняющимися тенденциями глобализации образования.

Государственная политика в сфере реформирования образования той или иной страны, в частности ее высшей школы, предполагает учёт интересов своей страны. Однако делать это становится все труднее в силу ряда причин, которые

мы уже отметили. Но главная из них, заключается в том, что явно или неявно развитые страны посредством продвижения своего проекта глобализации, в том числе и через доминирование своей системы образования, продвигают новую форму колониализма.

Гуманитарные науки формируют сознание, идентичность. В широком смысле идентичность – осознание личностью своей принадлежности к определённой социально–личностной позиции. Важная составляющая идентичности – патриотизм, который состоит в том, чтобы сделать свою страну пригодной для достойной жизни её граждан. В более конкретном плане успех образовательной деятельности, а тем самым – достижение общественной стабильности, зависит от того, чему мы учим подрастающего человека, то есть от того, как представлено содержание образования [99].

В свою очередь патриотизм и гражданственность формируют идеологию, которая является составляющей великой державы. Данное утверждение особенно актуально для России, когда внешнеполитические риски и угрозы велики. Общество, элиты должны быть идеологически и психологически готовы к «согласованной игре по правилам», особенно по мобилизационному сценарию.

Сфера международной и национальной безопасности в современном мире – это борьба не только экономик, военных и технологических потенциалов, это во «многую жесткая борьба идеологий. Одна из главных угроз, исходящих от процесса глобализации, – отсутствие на сегодня и на обозримую перспективу подлинной интегральной глобальной идеологии выживания». В распоряжении нашей страны должна быть эффективная, конкурентоспособная идеология. Не исключено, что, в конечном счете, больше шансов на победу окажется у того, кто сможет лучше убедить себя и других: его «дело – правое» и за ним – «больше правды» [78].

7. Массовизация высшего образования в сочетании с неравным доступом к качественному образованию.

Демографический взрыв стал существенным вызовом для системы высшего образования, численность студентов в современном мире превысила 200 млн.

человек, тогда как еще в 1995 г. их насчитывалось примерно 68 млн. Это показывает, что высшее образование приобретает массовый характер, в том числе, в странах со средними и низкими доходами. За период с 2000 г. доля населения студенческого возраста, получающего высшее образование по всему миру, выросла с 19 до 26%; во многих развитых странах доступность высшего образования превысила 50%, а в некоторых – и 80% [10, с.8–9]. Введение ЕГЭ (Единого государственного экзамена) в России – это фактическая фиксация состоявшегося перехода к массовому высшему образованию. Вместе с коммерциализацией, массовость образования таит в себе опасность потери качества образования.

Массовизация способствует унификации образования, его стандартизации, облегчающей, например, взаимопризнание дипломов. Формируется системы образовательных стандартов и контроля качества образования. Этот процесс очень активно происходит именно в университетском образовании. Он, как и любой процесс стандартизации, часто ведет к снижению качества и содержит угрозу потери уникальности образования как части культуры. Эти угрозы не менее серьезные, чем, например, возможность потери биоразнообразия нашей планеты.

Помимо этого, обращает на себя внимание следующий тезис С. Хантингтона: «В результате роста грамотности, образования и урбанизации возникли социально мобилизованные слои населения с возросшими возможностями и более высокими ожиданиями, которые можно активизировать для политических целей, используя способы, для неграмотных крестьян не подходившие» [193, с.122]. В связи с этим он проводит показательное сравнение: если в 1953 г., когда менее 15% иранцев были грамотными и менее 17% жили в городах, несколько агентов ЦРУ во главе с Кермитом Рузвельтом довольно легко организовали свержение правительства Моссадыка и вернули шаху власть, то в 1979 г., когда 50% иранцев были грамотными и 47% жили в городах, никакое применение силы со стороны США уже не могло предотвратить победу исламской революции в Иране.

С одной стороны, данное сравнение не работает применительно к т.н. «цветным революциям», когда как раз образованное население оказывается объектом воздействия агрессивных манипулятивных технологий в интересах США, но оно подтверждает его же вышеупомянутый тезис о более высоких ожиданиях образованного населения, которые можно активизировать для политических целей. В условиях глобализации, в т.н. «открытых обществах» Соединенным Штатам, действуя через прозападные неправительственные организации и масс-медиа, неоднократно удавалось использовать растущие потребительские ожидания для инициирования смены режимов (например, дважды на Украине в 2004 и 2014 гг.), а вот в обществах относительно закрытых, с сохраняющимися влиятельными традиционными социальными структурами (как, например, в Иране) попытки организовать «цветные революции» успехом не увенчались.

Кроме того, массовый характер современного высшего образования, как ни парадоксально, актуализирует вопрос о равном доступе к нему. Это обусловлено возникшим одновременно с началом массовизации разделением университетов на две категории: массовые университеты, ориентирующиеся в основном на профессиональное обучение обычных студентов, и элитарные университеты со специализацией на научно-исследовательской работе высокого уровня. Внутри первой категории в дальнейшем выделились университеты, обеспечивающие получение т.н. фастфуд-образования, или эрзац-образования. В этих вузах, чье количественное преобладание в образовательном пространстве становится очевидным, педагогическая деятельность стала сводиться к последовательности автоматизированных операций, превращая преподавателей и студентов в своего рода придатки конвейера. Составной частью такого «конвейерного образования» стали также разнообразные ускоренные образовательные программы, дающие лишь поверхностные знания.

Неравный доступ к качественному образованию является отражением сохраняющегося социального неравенства. Сформированная в рамках пятого экономического уклада Болонская система готовила квалифицированных

пользователей технологий (квалифицированных потребителей). Сегодня новейшие технологии направлены на превращение человека в управляемый объект воздействия, лишая образование гуманитарной составляющей. По прогнозам ученых в ближайшем будущем богатая элита оставит за собой классическое образование, в то время как основная бедная масса («серая масса» или «биомасса») будет пользоваться дешевым онлайн/ дистанционным образованием, нацеленным на наполнение человека узким набором примитивных компетенций [197].

Развитие дистанционного обучения в новом информационном («знанием») обществе с одной стороны подкрепило доступность образования (например, более доступное образование для людей с ограниченными физическими возможностями), с другой стороны демонстрирует инструмент захвата мирового рынка образовательных услуг и представляет собой реальную конкуренцию для традиционного образования. В первую очередь потребителями этой услуги являются страны, не имеющие развитых качественных национальных систем высшего образования. Другой особенностью дистанционного образования является значительный отрыв в учебных планах от традиционных форм образования и значительное упрощение содержания образования.

В последние годы ведутся международные исследования в области доступа к высшему образованию, среди которых самым глобальным исследованием данной проблемы является глобальный рейтинг высшего образования «Доступ и доступность в сравнении» составляемый с 2005 г. раз в 5 лет американо–канадской Институтом образовательной политики начиная. В числе стран лидеров этого рейтинга Финляндия, Нидерланды, Норвегия, Великобритания, Канада, Ирландия, и Австралия.

Особенно характерны процессы усиления социального неравенства для переходных обществ, где интенсивно происходят перераспределение образовательных возможностей в пользу выходцев из привилегированных социальных групп. Примечательно, что только 1990–е гг. XX в. в России доля

детей рабочих и крестьян, намеревавшихся после окончания школы поступать в вузы сократилась почти вдове по сравнению с 1980–ми гг. В это же время доля детей руководителей, намеревавшихся после окончания школы поступать в вузы увеличилась в 8 раз [66, с.74].

В России создание таких инновационных (образовательных) проектов, как «Форсайт 2030» или «Национальная технологическая инициатива», уже говорит о создании оффлайн–образования для элиты и онлайн–обучения (образовательный «фастфуд») для масс.

Следует обратить внимание, что по уровню неравенства среди крупных экономик, Россия уступает только Латинской Америке. По данным Global Wealth Report на долю 1% самых богатых россиян приходится 71% всех личных активов России, тогда как в следующих за ней по этому показателю Индией и Индонезией 1% владеет 49% и 46% всего личного богатства соответственно, а в мире в целом этот показатель равен 46%, в Африке – 44%, в США – 37%, В Китае и Европе 32%, в Японии 17% [229].

8. Цифровизация и виртуализация образования.

Цифровизация представляет собой переход человеческого общества на очередной уровень технологического развития, после создания парового двигателя, электрификации и информатизации. Она открывает эру больших данных и основанных на них технологий. В образовании цифровизация позволяет внедрить технологии мобильного дистанционного обучения, позволяющие учиться в любое время и в любом месте обеспечить непрерывность процесса обучения (т.н. *life-long-learning* – обучение в течение жизни), а также его индивидуализацию на основе т.н. *advanced-learning technologies* – технологий продвинутого обучения, предусматривающих использование в обучении больших данных о процессе освоения обучающимися отдельных дисциплин и во многом автоматической адаптации учебного процесса на их основе, а также использование виртуализации, дополненной реальности и облачных вычислений и многих других цифровых технологий. Переход к цифровой эре делает цифровую культуру обязательным условием комфортного существования

человека в социуме и важным элементом общечеловеческой культуры, он же зависит от умения педагогов ориентироваться в потоке цифровой информации и работать с ней.

Цифровизация и виртуализация дают возможность чтения лекций в онлайн–режиме, открывают интерактивный доступ к цифровым библиотекам, позволяют использовать виртуальную среду для реализации различного рода исследовательских программ, трансформируют методику преподавания, систему оценки знаний обучающихся и систему контроля качества образования в целом. В рамках реализации государственной программы «Развитие образования» на 2013–2020 гг. в России в 2016 г. стартовал утвержденный Правительством РФ федеральный проект «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации», призванный привести образовательные программы в соответствие с нуждами цифровой экономики и обеспечить успешный переход российского общества в цифровую эпоху.

Цифровые технологии и электронные коммуникации являются важным источником новых знаний и научно–технологического прогресса, однако нельзя не учитывать, по меньшей мере, двух аспектов. Во–первых, цифровизация и виртуализация являются ключевыми факторами, обеспечивающими укрепление позиций академического капитализма в современном образовании, поскольку, стимулируя непрерывное образование, постоянное повышение квалификации и переподготовку, они превращают образование в чистый бизнес. Подобно тому, как в сфере материального производства на смену изготовлению бытовых товаров длительного пользования (желательно в течение всей жизни, возможно – и не одной) приходит выпуск «одноразовых» товаров, вынуждающих потребителя покупать их вновь и вновь. В сфере образования («знаниевой экономики») мы видим переход от получения одного образования на всю жизнь, с относительно непродолжительным сроком обучения, к перманентному дообучению и переобучению, становящемуся источником растущей прибыли для структур, оказывающих образовательные услуги. Попросту говоря, формирующаяся модель вынуждает людей «учиться, учиться и еще раз учиться» за свои деньги, получая

все более краткосрочный эффект от результатов такого образования (в России эту модель на себе особенно ощущают учителя, врачи и работники других бюджетных отраслей). При этом «цифровая экономика знаний» позволяет иностранным и транснациональным университетам–корпорациям проникать на национальные рынки образовательных услуг и распространять свои онлайн–программы, тем самым подвергая дальнейшей диффузии национальные системы образования, ведь для получения мобильного дистанционного образования даже нет необходимости пересекать государственные границы.

А во–вторых, в современном мире еще в принципе нет достаточного количества исследований влияния цифровых технологий на человека, в связи, с чем ведутся острые споры относительно целесообразности и степени их использования в образовании. Так, высказываются опасения, что, ограничивая развитие речевой культуры, новые технологии изменяют мышление и разрушают человека как общественное существо. Поэтому в эпоху распространения цифровых технологий особенно важно сохранить человекоцентричность образовательного процесса и системы образования.

9. Секьюритизация образования.

В контексте вызовов, связанных с описанными выше трендами мирового развития, происходит политизация и последующая затем секьюритизация образования, т.е. проблематизация образовательного процесса в рамках дискурса безопасности и превращение сферы образования в один из аспектов политики безопасности – наряду с другими явлениями, которые ранее не рассматривались как проблемы безопасности. Этот процесс концептуально обоснован представителями Копенгагенской школы исследований безопасности (Барри Бузан, Оле Вейвер), в основу изучения которых положен многосекторный подход к определению секьюритизации [251].

Секьюритизация образования связана с постановкой в рамках политического и научно–педагогического дискурсов таких проблем, как судьба традиционной модели высшей школы, ее способности обеспечивать воспроизводство традиционных форм культуры, языка, национальной,

политической и религиозной идентичности; угрозы глобализации и коммерциализации образования для национальных государств и культур; социально–политические и гуманитарные последствия превращения сферы образования в рынок образовательных услуг; возникающие в ходе конкурентной борьбы на этом рынке риски; проблема неравного доступа к образованию; темпы и границы цифровизации и виртуализации образования, и др.

В наивысшей степени секьюритизация образования проявляется в распространении в публичном дискурсе представлений о том, что та или иная (национальная, региональная или глобальная) модель образовательной политики или стратегии представляет собой экзистенциальную угрозу безопасности общества или его части. Однако существует и риск самой секьюритизации образования, связанный с тем, что секьюритизация опасности тех или иных явлений и процессов в сфере образования неминуемо влечет за собой вывод ее (реальной или потенциальной опасности) за пределы нормального политического диалога, а это является удобной предпосылкой для решения соответствующих проблем с исключительных позиций.

Таким образом, мировые тренды развития формируют международные тренды в сфере образования и тем самым порождают вызовы системе высшего образования. Это и интеграция в мировое сообщество с одновременным сохранением и развитием достоинств национальных систем образования; интернационализация высшего образования на качественно новом уровне. Система высшего образования должна найти ответ на академический капитализм и идею корпоративного университета; предупредить негативные аспекты и последствия глобализации; определиться с цивилизационным выбором; ответить на вызовы растущей виртуализации мирового пространства, развития сетевой формы коммуникации и т.д.

Для определения приоритетов образовательной политики целесообразно различать объективные вызовы глобализации и идеологические аспекты навязываемого западного проекта глобализации, чтобы не оказаться в ситуации колониальной страны, утратившей свою культурную самобытность, в том числе и

в образовании. Очевидно, что одной из важнейших функций системы образования – воспроизводство и развитие этой самобытности [57].

При этом не стоит недооценивать роль мировых процессов для высшего образования. Фактически, от адекватного внедрения в образование их составляющих элементов зависит сама модель будущей системы образования, в частности, уровень квалификации трудовых ресурсов и их мировоззрение. Последнему, как правило, не уделяется должного внимания, но нам представляется, что это важнейший аспект образования, который в настоящее время испытывает колоссальное давление.

Внутренняя противоречивость процесса, ее нелинейный, постмодернистский (полисубъектный и даже без субъектный) характер придают ему новые импульсы к изменениям в виде государственной политики реформирования системы высшего образования. Должно прийти осознание необходимости в новой методологии поиска ответов на вызовы объективной (как реальность) и субъективной (как проект) глобализации, когда ответы рождаются в самой проблеме развивающегося нелинейного процесса, и происходит самонастройка университета на быстроменяющийся исторический контекст. И он учитывает уже не только требования бизнеса и запросы гражданского общества. Университет может стать и становится точкой интеграции экономических, социальных, культурных, политических процессов. В этом его исторический шанс продолжить свою славную историю.

Государственная политика модернизации современного университета, активно осуществляется как в развитых, так и во всех других странах. Где-то этот процесс идет вполне успешно и есть смысл изучить этот опыт и построить матрицу такой политики как системы принципов, которая могла бы быть полезной для любой страны, и в то же время, учитывающую ее специфику.

Проанализировав мировые тренды и вызовы современному университету, мы создадим базу для дальнейшей работы над изучаемой проблемой.

1.2. Реформирование системы высшего образования: концептуализация исследования

Система образования имеет устойчивую тенденцию к усложнению, что обуславливается постепенным развитием самой социальной структуры общества, ростом его экономических, социальных, духовных потребностей и, как следствие, разнообразием взаимодействия многих процессов и явлений. Это не происходит по прямой, восходящей линии, но доминирующим итогом является рост значимости образования в развитии общества.

Для образовательной политики всегда была характерной множественность субъектов ее осуществления. Без сомнения, соотношение роли тех или иных субъектов в формировании и реализации образовательной политики не было постоянным, перманентно менялось. Но с момента своего возникновения, государство превращается в ведущего субъекта образовательной политики. С присущими ему методами (правовыми, административными, экономическими и др.), оно активно включается в процесс управления образованием. Государственная образовательная функция прослеживается на протяжении всего периода существования государства. Более того, влияние государства на образовательные процессы постоянно усиливается, приобретает новые, в том числе, и формы непрямого, а стимулирующего воздействия.

Государственную образовательную политику можно определить как часть социальной политики государства, которая нацелена на модернизацию образовательных процессов, определения направления их развития.

В свою очередь, международная образовательная политика представляет собой деятельность государств, международных организаций, транснациональных корпораций и иных международных акторов по регулированию международного взаимодействия в сфере образования. Основными формами реализации международной образовательной политики являются: международная конкуренция (например, в форме протекционистских мер по защите национального образовательного пространства и стимулированию экспорта

образовательных услуг); международная координация (например, в форме соглашений о взаимном признании дипломов и ученых степеней); международное сотрудничество или партнерство (например, посредством реализации международных образовательных программ и образовательно-научных проектов); международная субординация (например, через установление регулятивных норм наднационального характера и контроль за их соблюдением).

Такие аспекты как мировые тренды, международный опыт, национальный опыт входят в поле нашего исследовательского внимания, прежде всего, в контексте построения матрицы политики реформ высшего образования.

Такие понятия как «глобализация», «мировые тренды», «национальная безопасность», «мягкая сила», «высшее образование», «университет» и производные от них составляют понятийный аппарат нашего исследования.

Производными понятиями в контексте нашего исследования выступают «корпоративный университет», «коммерциализация образования», «мировые стандарты образования», «конкурентоспособность университета», «модернизация» и др. Понятие «образование» есть категория всеобщая, целостная, полифункциональная и многосмысловая. Несмотря на различие подходов к его определению, в нем содержится нечто всеобщее, единое и сущее. Под «образованием» мы будем понимать целенаправленный процесс передачи и результат усвоения знаний, умений, навыков и ценностей, направленный на развитие личности и удовлетворение ее потребностей, неразрывно связанный с понятиями обучение и воспитание.

«Системой высшего образования» в данном диссертационном исследовании мы обозначаем совокупность институтов высшей школы, чья деятельность регламентируется посредством законодательных и нормативных документов, обеспечивающих воспроизводство профессиональных кадров в государстве. В эту систему входит сам университет, колледжи, высшие школы, институты, академии и др. структуры, а также связи и отношения между ними.

Исследуя образование, как систему, следует подчеркнуть ее трехмерность. Сегодня образование включает в себя: формальное (образовательные учреждения,

органы управления ими), неформальное (происходящие процессы в трудовом коллективе, общественной группе и т.д.) и информационное (происходящее с помощью технологий аккумулирования, переработки и передачи информации) измерения. Все эти аспекты будут в поле нашего исследовательского внимания, прежде всего, в контексте осуществления политики реформирования высшего образования.

Следует отметить, что концепции действенных моделей системы образования, как и сама парадигма высшего образования на постсоветском пространстве значительно трансформировалась после распада СССР.

Как правило, выделяют следующие образовательные модели, которые существуют на разных уровнях системы образования, в том числе и на высшем:

- 1) информативную, в рамках которой студент выступает как объект педагогического процесса;
- 2) формирующую, которая примыкает к информативной и базируется на том, что с помощью управления интеллектуальной детальностью можно гарантировать результат с заданными наперед свойствами;
- 3) развивающую – направлена на развитие теоретического мышления за счет влияния, как на рациональном, так и на эмоциональном уровне;
- 4) активизирующую, которая дает импульс познавательной деятельности;
- 5) свободную – ориентирована на произвольную самореализацию личности;
- 6) обогащающую, которая видит главную роль в согласовании образовательного процесса с субъективным опытом студента.

В СССР доминирующими моделями были информативная и формирующая модели обучения. Остальные были задействованы в минимальной степени, либо их практически игнорировали. Сегодняшняя модель системы образования в России имеет сходство с моделью системы образования СССР, в то время как в современном мире источником экономического развития является именно умение нетривиально использовать знания, генерируя новые и осуществляя их практическое применение.

С середины прошлого века в мире начали происходить столь стремительные изменения, связанные с его глобализацией, что они не могли не предъявить целый список вызовов системе высшей школы и, в частности, университету как ее главному субъекту.

Университеты трансформируются в комплексы информационных сетевых структур. Происходит виртуализация образования, в процессе которой изменяется сама человеческая ментальность. Такие изменения вступают в противоречие с классическими гуманитарными педагогическими принципами. С одной стороны, существует ясное понимание, что описанный процесс объективен и открывает колоссальные возможности для социального творчества и конструирования, а, с другой, выработка собственного для каждой страны ответа на такой вызов запаздывает. Иногда у страны просто нет достаточно ресурсов для такого самостоятельного ответа, и она чаще всего исходит из своего цивилизационного выбора. Это значит, что она в своей государственной политике в сфере образования ориентируется на свою цивилизационную идентичность. Например, если страна осознает себя европейской, то она, скорее всего, включится в Болонский процесс. Тем самым у нее откроется окно новых возможностей воспользоваться общими наработками и опытом реформирования, а вместе с тем внести позитивные достижения своей системы образования в этот комплексный процесс. Должна поменяться сама методология поиска ответа на вызов, когда сам ответ рождается в самой проблеме развивающегося нелинейного процесса. Очевидно, что описываемое явление лишь часть более сложного социотехнического процесса формирования информационного общества.

Помимо этого, к началу XXI в. высшее образование приобрело качественно новые черты с точки зрения его роли и места в жизни общества. Став объективно массовым, высшее образование превратилось в особую отрасль духовного производства, продемонстрировав, вместе с тем, свою необходимость и возрастающее значение для развития материального производства.

Роль двигателя дипломатии приписывается глобализации свободного рынка и обществу знаний. Вузы всё чаще признают подчинённость своих стратегий интернационализации и рыночным выгодам. Кроме того, всё более очевидными становятся политические (а, стало быть, и военные) задачи стран и регионов. Расширение дипломатического влияния – это лишь одна из семи главных целей, из которых исходит политика интернационализации разных стран [28].

Наиболее важная переменная, происходящая в современной дипломатии: переход от «жёстких» форм к «мягким» формам. Такая спланированная и систематически проводимая культурная дипломатия предоставляет в распоряжение поставщиков образования широкий круг мотиваций, видов деятельности, источников данных и интеллектуальных средств [28].

Американский политолог Дж. Най, использовавший впервые термин «мягкая сила» в опубликованной в 1990 г. книге «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской власти» определял ее как способность достичь желаемого на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, а не посредством принуждения или выплат [235]. Успех государства, по мнению автора, зависит не только от военной или экономической мощи, но и от способности быть привлекательным, добиваясь того, чтобы «другие хотели того же, чего хочешь ты» [234].

Многие выводы автора диссонируют с привычной риторикой и основаны на глубоком анализе функционирования системы международных отношений. Ценность его рассуждений особенно велика в наши дни когда «мягкая сила» представляет собой крайне специфическую, порожденную условиями современного мира, концепцию.

Очевидно, университеты становятся сегодня участниками и орудиями дипломатической деятельности. Российская система высшего образования может стать эффективным инструментом внешней политики, и потому необходима эффективная матрица политики реформ университета.

Мы разделяем подход Ю.А. Тюриной, которая утверждает: «Необходимо учитывать цикличность в изменении института отечественного образования и

интегративную роль ключевого фактора изменений в образовании – власти» [178, с.12].

Выявление социального «самочувствия» различных групп в сфере образования, факторов социального комфорта и дискомфорта, готовности людей продолжать образовательную деятельность позволяют проводить более полно отвечающую запросам большинства социальную политику в сфере образования, включая разработку федеральных и региональных образовательных программ в сферах модернизации определенных уровней образования, непрерывного образования, информатизации и пр. Это особенно актуально, учитывая, что, как отмечается в Концепции развития российского образования до 2020 (утвержденной Правительством РФ в 2014 г., № 2765–р), основой современной образовательной политики государства являются социальная адресность и сбалансированность социальных интересов. Субъектами образовательной политики должны стать все россияне, «семья и родительская общественность, федеральные и региональные институты государственной власти, органы местного самоуправления, профессионально – педагогическое сообщество, научные, культурные, коммерческие и общественные институты» [94].

Понимается, что достижение целей модернизации образования может быть осуществлено в процессе консолидации и взаимодействия представителей различных сфер деятельности: экономики, науки, культуры, здравоохранения, общественных организация, родителей, работодателей и т.д. [2].

Любое реформирование, в том числе и образования, концептуально должно быть согласовано с законами социогенеза: без изменения социальной культуры, определяющей социальное поведение людей, невозможно никакое реформирование. Успех реформы связан, прежде всего, с этими изменениями. Социальная культура – это сложная совокупность, взаимодействующих между собой форм культуры–политической, экономической, правовой, нравственной, религиозной, научной, технологической и др. Именно ею определяется социальное поведение людей. Качество социального капитала, в конечном счете, и определяет успех реформ, так, как, по сути, социальная реформа есть изменение

социальной культуры и социального поведения. Эффективность функционирования любых социальных и государственных институтов определяется отмеченными поведенческими изменениями.

Таким образом, любая настоящая реформа – это, собственно говоря, изменение социальной культуры людей, которая и обеспечивает изменение их социального поведения, а значит – изменения в обществе. Примеры, очевидны. Это и преодоление Великой депрессии в США, и «японское чудо», и модернизационный прорыв «азиатских тигров». Сложность реформ в изменении «человеческого фактора».

Развитие высшего образования на рубеже XX и XXI веков проходит под влиянием, как новейших мировых тенденций, так и внутренних факторов. На первый план выдвигаются вопросы проведения реформ системы образования, обеспечения равных возможностей в получении образования всеми гражданами, обеспечения соответствующего места высшего образования в системе производственных сил общества и т.д.

Политика в сфере высшего образования является особой областью политики государства. «Политика в области образования» – комплекс законодательных актов и практических мероприятий в сфере образования и воспитания подрастающего поколения, а также непрерывного образования взрослых. Государственная политика претворяется в практическую деятельность органами управления образованием, образовательными учреждениями, а также другими государственными и общественными организациями, решающими общеобразовательные и воспитательные задачи. При этом негосударственные образовательные учреждения также обязаны соблюдать основные направления государственной политики в области образования.

Помимо этого такая политика, включает в себя образовательные компоненты и образовательное воздействие других направлений внутренней политики (экономической, социальной, информационной и т.п.).

Перспективой политологического исследования реформ высшего образования нам представляется работа по выявлению и обоснованию форм и

механизмов сотрудничества в этой сфере институтов государства, профессионального сообщества, гражданского общества, акторов международных отношений.

Резюмируя определение сферы политического, О.Ф.Шабров включает в него наличие трех необходимых критериев: государство, значимые социальные группы, несовпадение интересов.

Первый критерий – «причастность государства к тому или иному фактору – представляется первым необходимым признаком того, что явление это относится к сфере политического. Все политическое так или иначе связано с государством, а под политической властью понимается власть, прежде всего, государственная или реализуемая посредством государства» [199].

Главным субъектом современной образовательной политики пока еще является государство. И именно государство является субъектом реформирования национальных образовательных систем. Субъектность государства обуславливается тем, что именно оно обеспечивает социокультурные и ментальные основы образовательного процесса, определяет основные императивы, приоритеты, принципы образовательной политики и направления их реализации [50].

Даже в тех странах, где значительно влияние частного и общественного секторов на развитие высшей школы, роль государства далеко не второстепенна.

В тоже время взгляд на образовательную политику не ограничивается к восприятию ее только как «продукта» деятельности государства [183].

При оценке образовательной политики авторы часто прибегают к бихевиористскому подходу. Данный анализ сосредоточен на исследовании различных аспектов поведения акторов политического процесса. А. Бентли, обосновывая применение идей бихевиоризма, призывал изучать поведение заинтересованных групп в политическом процессе. В процессе изучения «общественных давлений» он пришел к выводу, что несовпадение интересов групп побуждает акторов оказывать давление на принятие политического решения [177].

В ретроспективном плане образовательная политика представляет собой политическую историю образования, которая строится в системе трех координат – образование, общество, власть. Это история формирования и реализации политических и социальных идей (доктрин, концепций), политического и социального курса, определяющих цели, характер и направленность развития образования [62].

Как правило, под реформой подразумевается нововведение любого содержания. В политической же теории и практике под реформой обычно подразумевают более или менее прогрессивное преобразование.

«Политическая реформа образования» представляет собой масштабную деятельность, по реализации выработанной модели в жизнь. Это социальный проект по изменению структуры, содержания, методов, форм образования. Обычно эта деятельность носит государственный, а в последнее время межгосударственный, международный характер.

Таким образом, под понятием «политики реформирования системы высшего образования» мы понимаем качественное изменение основных показателей системы, вызывающее трансформацию ее в новое состояние адекватное вызовам времени.

К числу субъектов реформирования образования, помимо государств, на государственном и международном уровне относятся:

- международные органы проведения политики в области образования (ЮНЕСКО и др.);
- региональные политические структуры, действующие на основе межгосударственных соглашений (ЕС и т.п.);
- государственные органы регулирования образовательного процесса (органы законодательной, исполнительной и судебной власти);
- институты гражданского общества (в том числе международные);
- местные (муниципальные) органы управления и самоуправления [146].

Большинство стран мира выработали новый подход к стратегии развития своей государственной образовательной политики, отвечающий перспективам

постиндустриальной цивилизации. Складывающееся информационное общество знаний, детерминировано перемещением источников и движущих сил социально-экономического прогресса из материальной в интеллектуальную сферу [67].

Сегодня мир стоит на пороге шестого технологического уклада. Его сущность впервые охарактеризовал учёный – Н. К. Кондратьев, который изучая историю капитализма, пришёл к идее существования больших — протяжённостью в 50-55 лет – экономических циклов, для которых характерен определённый уровень развития производительных сил («технологический уклад»).

Пятый уклад опирается на достижения в области микроэлектроники, информатики, биотехнологии, геномной инженерии, новых видов энергии, материалов, освоения космического пространства, спутниковой связи и т.п.

Шестой технологический уклад характеризуется развитием робототехники, биотехнологий, основанных на достижениях молекулярной биологии и геномной инженерии, нанотехнологии, систем искусственного интеллекта, глобальных информационных сетей, интегрированных высокоскоростных транспортных систем [129].

Контур шестого экономического уклада начинают складываться в развитых странах мира, в первую очередь в США, Японии и КНР, в то время как в

В частности, «в США доля производительных сил четвертого технологического уклада составляет порядка 20 %, пятого – 60 % и около 5 % относится к шестому укладу» [142].

По мнению, С.Б. Переслегина, шестой технологический уклад выдвигает новые преобразования, а преобразования в мире и есть требования к образованию [143].

Высшая школа государства, стремящегося к поступательному развитию, должна отвечать некоторым общим мировым требованиям, чтобы соответствовать тем условиям, которые возлагает на образование и новая система экономики, и новая система международного устройства, и потребности самого государства.

Если охарактеризовать образовательный процесс как технологию реализации функций (политика) государства и гражданского общества в сфере высшего образования, то в этом случае задачи образовательного процесса можно сформулировать следующим образом:

- формирование целей и задач институтов образования;
- создание институтов, организаций высшего образования;
- разработка, принятие и исполнение решений в сфере образования;
- поддержка функционирования образовательных институтов и организаций;
- контроль функционирования и развития образовательных институтов и организаций.

Основной начатой трансформации в эпоху глобализации явились мировые тенденции, которые через модернизацию системы высшего образования должны изменить и представление общества о высшем образовании, его роли в этой сфере и назначении университетов.

Глобализация высшего образования и ее основные направления нуждаются в классификации, осмыслении, анализе всех возможных положительных и отрицательных последствий, а также в обосновании целесообразности преобразований. Логично могут выступать потребности государства в сфере высшего образования.

Более того, выявление этих направлений, их характеристик и особенностей, будет способствовать прояснению терминологической составляющей понятия глобализации в сфере высшего образования, поскольку в этом аспекте существует путаница и неправомерное замещение одних определений другими в силу неясности и размытости понятийного аппарата [145, с.17].

За сменой терминов скрывается существенное изменение происходящих в масштабе земного шара процессов. Начиная с XVI в. шел процесс формирования всемирной системы социо–исторических организмов и всемирного исторического пространства.

В конце XX века процессы глобализации стали активно обсуждаться научным сообществом. Глобализация стала объектом изучения как отечественных,

так и зарубежных исследователей. Все социальные процессы стали оцениваться с учетом процессов глобализации. Специфика глобализации заключается в усилении самых разных связей, порой даже противоречивых феноменов.

Среди множества существующих определений глобализации, особый интерес представляет подход доктора философских наук, В.И. Добренькова – «глобализация (в широком значении) – это объективный естественный процесс интеграции человечества в единое целое. Глобализация проявляется в том, что социальные процессы в одной части мира во все большей степени определяют происходящее в других частях мира. Происходит сжатие пространства, время спрессовывается, географические и межгосударственные границы становятся все более легко преодолимыми. Глобализация (в узком смысле) (либеральная глобализация) – это род геополитики, направленный на распространение своего культурного влияния со стороны какой-либо страны или нескольких стран на весь мир» [63, с.3–4].

Как видим, здесь очень четко различается глобализация как объективно протекающий процесс и геополитический проект глобализации, навязываемый США, конечная цель которого – доминирование в мире.

Если развитие новых технологий и знаний как основного ресурса являются ключевыми характеристиками современного мира, то, очевидно, это не могло не сказаться на образовании. Образование в эпоху глобализации стало своего рода центральным узлом, той точкой, где сходятся преимущества и противоречия, порождаемые современной эпохой, той областью, которая, по сути, формирует мир XXI века – принципиально отличного от мира классического капитализма.

Таким образом, анализируя политику реформирования системы высшего образования, мы не можем избежать исследования такого феномена как глобализация. И наоборот, система высшего образования в условиях глобализации и мировых вызовов находит свое существенное и важное место в политике.

Теория «конца глобализации», понимаемого скорее как конец глобализации по Западному образцу только в течение последних нескольких лет, получила свое

отражение в ряде работ таких авторов как Б. Эммотт, Стивен Д. Кинг, Ф. Ливеси и др.

Безусловно, общий тезис «конца глобализации», заключается в том, что система экономической и политической открытости, полученная после окончания Второй мировой войны и продленная с момента распада Советского Союза, теперь находится под беспрецедентной угрозой. Кризис уверенности в сложившихся политических движениях, вызванный глобальным финансовым кризисом и усугубленным экономическим неравенством, привел к росту популизма и отказу от либеральных ценностей, лежащих в основе западного проекта глобализации.

Стивен Д. Кинг и Билл Эммотт подчеркивают, что главенствующая мировая роль США оспаривается как минимум такими государствами, как Китай и Россия. В книге «Судьба Запада: битва за спасение самой успешной политической идеи в мире» [212], Б. Эммотт отмечает, что Запад все чаще рассматривается как «деморализованный, декадентский, демографически оспариваемый, разделенный, дезинтегрирующийся, дисфункциональный, снижающийся». Или, как заключает экономический советник Палаты общин парламента Великобритании Стивен Д. Кинг в работе – «Конец глобализации, возвращение истории» [225]: «Для тех из нас, кто живет на Западе – мы слишком торопливо утверждаем, что наша собственная удача будет продолжаться и что со временем она неизбежно распространится повсюду. Пришло время пробудиться и окунуться в реальность».

Сместив акцент предполагаемой смерти глобализации с политического на технологический, доктор политических наук Кембриджского университета Ф. Ливеси в книге «От глобального к местному: создание вещей и конец глобализации», дает свое представление о конце глобализации вследствие развития «безличных» технологий [227].

За последние 30 лет глобализация производства, особенно в отношении Китая, была обусловлена трудоемкой продукцией с минимальной заработной платой. Рост поставок «Фабрики Азии» для электроники в 1990–х годах был эффективным в рамках снижения импортных тарифов на товары и для

улучшения связи. Теперь, когда роботы становятся все дешевле и эффективнее, и как утверждает автор, могут заменять даже дешевых рабочих, производство может «приблизиться» к местам, где эти продукты будут потребляться, в страны с развитой экономикой. Таким образом, мировая экономика будет деглобализироваться [227].

В свою очередь, критики теории «деглобализации» называют такой прогноз поспешным, ведь торговля промышленными товарами является лишь одной из форм глобализации. Трансграничные перемещения информации и услуг также приобретают все большее значение, совершенствование технологий на данный момент в большей степени продвигается в сторону внешней торговли, а робототехника не развита еще на столько, чтобы полностью заменить человеческий ресурс.

Сторонники опровержения всех форм антиглобализации и упадка либерализма, не видят перспектив развития этих тенденций в ближайшем будущем. Они ссылаются на то, что упадок рыночной экономики и демократии предсказывался уже много раз, но прошел испытание двух мировых войн и Великой депрессией, и все же они продолжают свое существование [209].

Тем не менее, теоретический аргумент в сторону деглобализации, очевидно, все же остается справедливым в теории.

Учитывая ранее обозначенный нами объективный характер глобализации, протекающий наряду с уравнивающими ее процессами, такими как, регионализация, а также нарастание актуальности антиглобализационных теорий, мы приходим к выводу (и в этом плане разделяем мнение В.Б. Кондратьева), что, по всей видимости, «сегодня правильнее говорить не о конце глобализации, а о совершенно новой ее стадии, характеризующейся переформатированием всех сложившихся ранее пропорций. Результатом может стать более фрагментированный, местный, «провинциальный» тип капитализма – вполне вероятно, менее эффективный, однако с более широкой общественной поддержкой. И страстное увлечение глобальными компаниями и глобализацией будет рассматриваться скорее как преходящий эпизод в развитии» [90].

Выводы по первой главе:

Подводя итоги рассмотрению теоретических оснований исследования мировых трендов в современной образовательной политике и реформирования высшего образования, отметим следующее:

1. «Образовательная политика выходит за рамки «просвещения», становясь одной из составляющих внешнеполитического инструментария государств, а высшее образование приобретает политобразующую функцию» [48]. Складывающееся глобальное информационное общество, как и лежащая в его основе экономика знаний, детерминированы перемещением источников и движущих сил социально–экономического прогресса из материальной в интеллектуальную сферу, что делает образование не производным, а определяющим фактором общественного развития, которое призвано уже не просто удовлетворять общественные потребности, сколько формировать будущие общественные возможности в масштабах глобального мира.

2. Сохраняют определяющее воздействие на мировое развитие такие факторы, обозначившиеся на рубеже XX–XXI вв., как: подъем новых экономических гигантов, прежде всего Китая; поиск новой идентичности, основанной на возвращении к национально–культурной самобытности; неравномерность развития производства, доходов и уровня жизни, поляризация бедного большинства и благоденствующего меньшинства; стремительный рост численности населения планеты в абсолютном выражении (при замедлении темпов его прироста); смещение в результате растущей международной миграции колоссальных масс населения в зоны чуждых им цивилизационных канонов; конфессиональное разобщение человечества, осложняемое стиранием территориальных границ между религиями и религиозными конфессиями под воздействием глобализационных процессов; усиление соперничества за контроль над ресурсами в связи с оскудением планетарных ресурсов; впечатляющее развитие науки и сокращение продолжительности технологических циклов.

Эти факторы (тенденции) следует дополнить такими, как ускорение темпа социального развития; формирование сетевого пространства и виртуализация планетарного человеческого сообщества; деглобализация и столкновение импульсов, порождённых глобализационными процессами XX в., с альтерглобалистскими и антиглобалистскими тенденциями XXI в. Среди них тенденция деглобализации представляется определяющим фактором мирового развития на среднесрочную перспективу.

При этом некоторые характерные для начала XXI в. тенденции мирового развития утрачивают актуальность и модифицируются: так, сегодня ставится под сомнение бурный рост экономики в индустриальном треугольнике Северная Америка – Западная Европа – Восточная Азия (как и само его наличие в прежнем качестве); кроме того, на волне деглобализации государства предпринимают усилия по сдерживанию и обращению вспять разрушительного хаоса, вызванного глобализационными процессами и связанным с ним усилением роли негосударственных организаций и транснациональных корпораций.

3. Современные факторы мирового развития определили следующие тренды высшего образования: завершение «однополярного момента» и переход к полицентричной модели мироустройства обусловили усиление глобальной цивилизационной конкуренции, охватившей мировое образовательное пространство. Этот процесс сопровождается переходом к деглобализации и стремлением национального государства восстановить контроль над социально-экономическими процессами. При этом в сфере образования сохраняются тенденции глобализации, транснационализации, интернационализации и регионализации, цифровизации и виртуализации, а массовизация высшего образования сочетается с неравным доступом к качественному образованию.

4. Мировые тренды развития, определяя ведущие тенденции развития в сфере образования, вместе с этим порождают вызовы системе высшего образования. Проведенный анализ трендов и вызовов, свидетельствует о том, что образовательная политика должна найти на них адекватные ответы. В условиях, когда мир стоит на пороге шестого технологического уклада, зависимость сферы

образования от логики смены технологических и экономических укладов становится очевидной. При всей ее автономности трудно представить, что достойные ответы возникающим вызовам удастся найти без участия государства.

Глава 2. Внешнеполитический эффект трансформации высшего образования в контексте современных образовательных реформ

2.1. Феномен «мягкой силы» как критерий оценки внешнеполитического эффекта трансформации высшего образования

Новый взгляд на современное высшее образование, формирующийся в XXI в. – взгляд сквозь призму политики безопасности. Национальная безопасность «не сводится только к внешней и военно–силовой составляющей, хотя этот компонент, особенно в современном мире, для России крайне важен. Очень многое в комплексном обеспечении национальной безопасности зависит от невоенных аспектов, факторов «мягкой и умной силы» [78]. В ряду таких невоенных факторов значимое место занимает образование, рассматриваемое как важный инструмент продвижения национальных интересов и распространения своих ценностей.

Сфера образования представляет собой среду, в которой происходит социализация личности, становление ее мировоззрения, где формируются и непрерывно актуализируются интеллектуальный, нравственный и трудовой потенциал общества, его способность обеспечить собственное развитие и безопасность перед лицом внутренних и внешних вызовов. Качество образования, включающее уровень просвещения и воспитания гражданина, является важнейшим фактором жизнеспособности общественного организма, а значит – одним из основных аспектов национальной безопасности. Это касается в том числе и защиты духовных и нравственных ценностей общества, и сохранения коллективной исторической памяти, и воспроизводства национальной (гражданской и этнической) идентичности общества, составляющих его индивидов и групп, и формирования отношения к внешней, международной среде и исходящим из нее вызовам. В силу этого подход к политике реформирования системы образования должен определяться ее соответствием требованиям безопасности личности, общества, государства и шире – цивилизации, частью

которой они являются. Такой подход является отражением происходящей секьюритизации образования.

Американский политолог Дж. Най, впервые сформулировавший понятие «мягкая сила» в одноименной статье в журнале «Foreign Policy» (1990, №1) а затем представивший соответствующую концепцию в работе «Обязанные лидировать: Изменяющаяся природа американской власти» (1991) [235], выделил в этих и последующих своих работах ряд аспектов «мягкой силы», это «способность привлекать, способность заставить других хотеть того же результата, способность стран получать желаемые результаты в мировой политике» и т.д. [120].

Ресурсами «мягкой силы» являются стратегия развития государства, авторитет его идеологии и системы ценностей, притягательная сила его общественного строя, образа жизни и модели развития, способность государства мобилизовать силы нации на осуществление стратегии развития, творческая сила нации, обаяние культуры и сила влияния в международных делах. Стоит отметить, что концепция «мягкой силы» непосредственно перекликается с концепцией секьюритизации в том смысле, что как первая рассматривает невоенные факторы силы, так вторая – невоенные факторы безопасности.

Концепция «мягкой силы» была задумана Дж. Наем как поправка к американской внешней политике, которая стала слишком заиклена на стратегии ядерного устрашения СССР. Она учитывала как исследования американских и советских ученых, обосновавших концепцию «ядерной зимы», в которой доказывалось, что в глобальной ядерной войне не будет победителей, так и провозглашенную советским руководством во главе с М.С. Горбачевым политику «нового мышления». Именно благодаря выдвижению теории «ядерной зимы» США смогли установить повестку дня и добиться радикального изменения позиции СССР в важнейшем стратегическом вопросе, как масштабное сокращение ядерных вооружений. Именно в этом контексте он противопоставил «жесткой, или командной, силе приказанья» «приобщающую, или мягкую силу»

убеждения, примера и привлекательности, которая порой может быть более эффективной, чем первая.

Однако следует учитывать и то, что жесткая и мягкая силы не только противоположны, но и представляют собой две стороны диалектического единства – материальное и духовное измерения государственной мощи. Как отмечает китайский международник, профессор Лю Цзайци, «если “твердая сила” составляет материальную базу совокупной государственной силы, без которой ничего нельзя сделать, то “мягкая сила” представляет собой мудрость и стратегию государства в развитии и использовании “твердой силы”» [194, с.149]. Единство, взаимозависимость двух сил проявляется еще и в том, что даже при относительном укреплении «твердой силы» совокупная государственная мощь может сокращаться из-за ослабления «мягкой силы», тогда как укрепление последней способно компенсировать снижение первой.

Главным достижением Дж. Ная стало не только концентрированное и емкое описание природы и значения «мягкой силы», которая сыграла определенную роль в холодной войне, но и определение ее возможностей, которые в XXI веке, веке информационных технологий и когнитивных войн, кажутся поистине неограниченными [44].

Однако на практике «мягкая сила» обладает существенным ограничителем, связанным с тем обстоятельством, на которое обратил внимание С. Хантингтон в своей знаменитой книге «Столкновение цивилизаций»: «Распределение культур в мире отражает распределение власти. Торговля может следовать за флагом, а может и не следовать, однако культура всегда следует за властью» [193, с.132]. Это означает, что, поскольку в культуре видят прежде всего корень материального успеха и влияния, ослабление военной мощи («жесткой силы»), экономического потенциала и политического влияния государства неизменно ведет к снижению привлекательности его культуры и, как следствие, к ослаблению возможностей его «мягкой силы», включая способности навязывать другим цивилизациям свои политические представления.

Так, после победы в трех войнах подряд – японо–китайской, русско–японской и Первой мировой, Японская империя заявила о себе как об освободителе азиатских народов от белого колониализма и выдвинула привлекательный в глазах значительной части населения Восточной и Юго–Восточной Азии проект «Великой восточноазиатской сферы процветания», что, в свою очередь, позволило ей победить в ходе стремительной военной кампании 1941 г. Потерпев поражение на заключительном этапе Второй мировой войны, Япония ощутила себя слабой, зависимой страной и обратилась к западным ценностям, стремясь с их помощью создать культурное основание будущего возрождения японской нации. В том числе была осуществлена существенная вестернизация системы образования. Когда же Япония пережила «экономическое чудо», в ее обществе вновь получили распространение идеи «азиатизации Азии», а по мере ослабления американского контроля над политической системой страны стал нарастать культурный национализм, соединенный с антиамериканизмом.

В долгосрочном, стратегическом плане не может обладать превосходством «мягкая сила» государства со снижающимися организационным ресурсом политико–дипломатического влияния, весом в мировой экономике и совокупной военной мощи. Ведь из опыта мировой истории, очевидно, что такие государства будут испытывать растущую неуверенность в своих силах, переживать кризис идентичности и как следствие – стремиться найти в других культурах ключи к восстановлению утраченных позиций. Поэтому С. Хантингтон обоснованно отмечал, что с упадком американской гегемонии будет неизбежно происходить свертывание влияния западной культуры в мире и возрождение незападных культур. Хотя нельзя не признать, что между этими процессами в силу инерции или в силу предпринимаемых сегментарных усилий может сохраняться временной лаг.

Тем не менее, не случайными являются грандиозные темпы роста влияния китайской культуры на внешний мир, отражающие тенденцию укрепления его экономического лидерства и политического авторитета в современном мире. В том числе это проявляется в стремительном росте спроса на изучение китайского

языка по всему миру. К 2017 г. 67 государств законодательно включили китайский язык в систему народного образования. Более чем в 170 странах введен либо учебный предмет «Китайский язык», либо открыта специальность «Китайский язык» [1].

Однако существенными препятствиями на пути успешного проецирования «мягкой силы» Китая за рубежом являются ограниченность возможностей влияния специфического китайского социализма и обновленного конфуцианства за пределами ареала синской цивилизации, при сохраняющемся сильном влиянии западных (особенно американских) ценностей, стандартов поведения и развлечений, особенно на китайскую молодежь, забвении значительной частью китайского общества традиционных конфуцианских ценностей и революционных традиций XX в., ослаблении веры в социалистические идеалы. Очевидно, что успехи Китая на международной арене будут невозможны без решения задач внутренней консолидации китайской нации на основе сплочения общества вокруг Коммунистической партии Китая. Также очевидно, что экспортируемые китайские ценности, элементы модели развития и образа жизни не смогут оказывать позитивное влияние за рубежом, пока они не станут привлекательными для самих китайцев.

Соотношение сильных и слабых сторон американской, китайской, а также европейской «мягкой силы» открывает определенные возможности для осуществления глобального проецирования «мягкой силы» России, которая, в отличие от США, не переживает периода упадка своего мирового лидерства, кризиса международного авторитета и влияния и связанной с ними социально–психологической фрустрации, и при этом, в отличие от Китая, имеет исторический опыт выработки и продвижения глобального индигенизационного проекта [201].

Современная международная практика показывает, что в нынешних условиях глобальной цивилизационной конкуренции «образование, в особенности высшее, начало приобретать «политикообразующую» функцию» [108, с. 6-10]. Экономика знаний стала фактором глобального влияния, «силы» для ряда

государств. В этих условиях, как подчеркивает российский аналитик, президент фонда «Новая Евразия» А.В. КОРТУНОВ, «важно активизировать роль образования как инструмента внешней политики государства. Интернационализация образования должна стать одним из способов преодоления конфликтов, недоверия, развития сотрудничества. Это важный ресурс оптимизации международной системы в этом веке, не использовать его, по меньшей мере, неразумно» [31].

Что касается воссоздания разрушаемого российского социокультурного пространства, то в этом случае речь должна идти о втором уровне базирования России в современном геополитическом пространстве – территории бывшего Советского Союза. Первый уровень базирования – это собственно территория нынешней Российской Федерации. Только должным образом организованное обустройство Русского мира на двух своих базовых уровнях может обеспечить выполнение потребной современному человечеству геополитической миссии России – имперскому ограничению империалистических посягательств на мировое господство, исходящих, главным образом, от США. Эти два уровня должны обеспечить переход на третий, функциональный, геополитический уровень позиционирования России в мировом устройстве XXI века [186].

Вузовский ландшафт немыслим вне международного сотрудничества. Как инструмент «мягкой силы» высшее образование сегодня активно применяется во внешней политике стран, которые пытаются создать благоприятный имидж и повысить конкурентоспособность своего вуза на международной сцене.

Большая традиция научного сотрудничества и академической мобильности дополняется инновациями научных исследований и политических сетей, международными образовательными центрами, совместными программами. Концепция международного научно-академического сотрудничества вуза включает постановку целей и задач, внутренней и внешней анализ факторов сотрудничества, позволяющей оценить конкурентную ситуацию в стране, регионе, в мире: выбор стратегии, миссии и направлений развития, а также создание механизма ее реализации.

Одним из важнейших инструментов «мягкой силы» является предоставление образовательных услуг иностранным студентам. В связи с этим активно стимулируется международная образовательная миграция, связанная с получением образования и ученой степени, научно–педагогическими стажировками и повышением уровня квалификации. Общее число учебных мигрантов в мире за последние полвека стремительно возрастало: в 1970–х гг. их было 500 тыс., в 1980 г. – уже почти 1 млн, в середине 1990–х – более 1,5 млн., а в 2011 г. – 3,7 млн. чел., составив 1,7% мирового объема миграции [254, Р.121].

Осознание важности образования как инструмента «мягкой силы» способствовало тому, что многие государства стали формировать целенаправленную образовательную политику, направленную на привлечение талантливых иностранных студентов и аспирантов, а также проводить специальные «маркетинговые» исследования, призванные повысить эффективность экспорта образования.

Проанализировав опыт обучения иностранных студентов в США, американские исследователи выявили три характерные для них модели самоидентификации, позволяющие определить мотивацию их выбора в пользу получения высшего образования за рубежом. Первая модель – «модель свободного рыночника» (free marketeering), предполагающая, следующее этой модели студенты делают акцент на предоставляемых зарубежным образованием возможностях для личной карьеры в глобальной среде, отодвигая на второй план мотивы ответственности, долга перед своим собственным государством.

Вторая – «модель глобально информированного националиста» (global informed nationalist), предполагающая, в противоположность первой акцент на ответственности перед родной страной, при одновременном стремлении лучше ориентироваться в международных, глобальных процессах, приобрести личный опыт международного общения и т.д., что в дальнейшем может быть использовано с учетом национальных интересов.

Третья модель – «модель глобального гражданства» в рамках которой разделяющее ее студенты, «в корне удаленные от связи с модерновой

территориальной нацией–государством», и видят смысл в принадлежности и обязательствах перед глобальным сообществом [16].

Однако данная модель представляется не полной и нуждающейся в дополнении. Наряду с обозначенными тремя моделями следует выделить еще ряд специфических моделей и классификаций иностранных студентов, что позволит более полным образом раскрыть спектр мотиваций студентов, отдающих предпочтение получению образования за рубежом.

Четвертая модель – это модель «религиозного транснационалиста» в сознании, которого на первый план выступает не индивидуалистическая (коммерческая) или национально–патриотическая мотивация, а религиозные чувства и устремления, не связанные с национальными и политическими границами, но реализуемая через конфессиональные сети учебных заведений транснационального характера (в основном исламские и католические).

Пятая модель – модель т.н. «агента вестернизации», который в отличие от модели глобального гражданства, ориентирован на приобщение к западной системе ценностей, и основанному на ней образу жизни, в связи с чем стремится, с одной стороны, получить полноценное именно западное образование, а с другой – возвращаясь на историческую родину, оказывается в роли транслятора западных идей, установок, или, иными словами, превращается в носителя и распространителя описанных еще Н.Я. Данилевским бацилл «европейничанья», названного русским мыслителем «болезнью русской жизни» [58].

Шестая модель – модель т.н. «агента ориентализации», возникающая преимущественно в Восточной и юго–восточной Азии и связана с усилением процессов т.н. «азиатизации Азии» (термин Тоичи Фунабаши, обозначающий нахождение своего лица Азией и ее ответ на вызов Запада). Ее носители ориентированы на получение образования в Азиатских странах и, как правило, для них характерно развитое регионалистское самосознание, коренящееся в чувстве азиатского превосходства и проявляющееся в убежденности, что «ветер с Востока» уже начинает подавлять «ветер с Запада». В нем чувствуется также

некий «привкус антиколониализма» в соединении с повседневным прагматизмом и равнодушием к гражданским свободам.

Седьмая модель – модель «жертвы гражданского конфликта». Как правило, ее носители – это выходцы из семей так или иначе пострадавших от различных внутренних, в том числе вооруженных конфликтов на территории своих стран, в связи, с чем они стремятся покинуть свою родину в поисках лучших условий жизни. При этом последняя модель самоидентификации может дополняться в дальнейшем элементами мотивации относящимися преимущественно к первой, второй или четвертой моделям.

Ставка на использование образования как ресурса «мягкой силы» во многом проистекает из убежденности в том, что «иностранные студенты, прошедшие обучение в стране, возвращаясь на родину с новым багажом накопленных знаний, связей, симпатий и новых друзей, как правило, становятся эффективными проводниками культуры той страны, где они учились» [174].

Благодаря успешной реализации государством политики «мягкой силы» через образование, «страны–носители определенных ценностей при демонстрации остальному миру своих успехов могут продвигать свои интересы и правила игры, которые не будут вызывать отторжения. Высшее образование служит площадкой для привлечения потенциальных сторонников местных обычаев и традиций. Поэтому от его качества зависит степень лояльности иностранных воспитанников» [114].

Проводниками политики «мягкой силы» являются традиция научного сотрудничества и академической мобильности, инновационные научные исследования и политические сети, международные образовательные центры, совместные международные программы, мировые и бинациональные университеты, которые в значительной мере способствуют также укреплению международных связей между странами и регионами.

Со времен «холодной войны» вместе с «жесткой силой» (т. е. силой военной, политикой насильственного характера) широко применялись инструменты и «мягкой силы». Уже с 1947 г., когда под эгидой Женевской

международной студенческой службы и Гарвардского студенческого совета был открыт т.н. Зальцбургский семинар, США стали активно использовать образовательные программы для укрепления своего лидерства в Западном мире или Североатлантическом сообществе в противостоянии т.н. «Восточному блоку». Образование было обозначено одним из приоритетных направлений американской помощи в целях развития, что нашло отражение в принятом в 1961 г. в рамках реализации политики «новых рубежей» Акте внешней помощи (The Foreign Assistance Act). В том же году был принят закон Фулбрайта – Хейси (Mutual Educational and Cultural Exchange Act), установивший правовое регулирование зарубежных образовательных и культурных программ, направленных на «развитие дружественных и мирных отношений между США и другими государствами».

В дальнейшем была создана разветвленная инфраструктура государственных и частных, коммерческих и некоммерческих организаций, обеспечивающих политическое и культурное влияние США через образование. Среди наиболее известных инструментов американской политики «мягкой силы» в этой сфере – программы Фулбрайта, Хэмфри, Маски, Франклина и др. образовательные программы, «Американские уголки», образовательные центры Education–USA, центры американских советов по международному образованию и т.д.

При этом имевшиеся академические и культурные обмены между США и СССР в 1950–х гг. также сыграли большую роль в развитии американской «мягкой силы». Так, например, будущий академик РАН Александр Яковлев в 1958–1959 гг. стажировался в знаменитом Колумбийском университете (США). Научным руководителем А.Н. Яковлева в США был один из авторов концепции политического плюрализма – Дэвид Труман. Среди лекторов А.Н. Яковлев выделял автора доктрины сдерживания коммунизма и одновременно критика внешней политики США – Джорджа Ф. Кеннана, а также участника Потсдамской конференции, директора Русского института, еще одного из идеологов «холодной

войны» Филипа Мосли. Со временем А.Н. Яковлев стал одним из главных идеологов, «архитекторов» перестройки [205].

После распада СССР апробированные за предыдущие десятилетия в странах «третьего мира» формы и методы политики «мягкой силы» стали применяться на постсоветском пространстве. Практически сразу, в мае 1992 г., сенатор Б. Брэдли инициировал принятие т.н. «закона об обмене свободой» (Freedom Exchange Act), предусматривавшего создание образовательных программ для новых независимых государств на постсоветском пространстве.

В настоящее время Соединенные Штаты все еще успешно применяют «мягкую силу» в мировом масштабе, хотя эйфория «победы» в «холодной войне» и превращения в единственную сверхдержаву привела к свертыванию финансирования международных образовательных и культурных программ и помощи в целях развития, начиная с 1993 г. Доступ к участию в образовательных программах США затруднился после террористических актов 11 сентября 2001 г., особенно для выходцев из мусульманских стран.

В 2015 г. результаты исследования «Soft Power Survey», опубликованного международным журналом «Monocle», показывали, что США по-прежнему занимают первое место в международном рейтинге по использованию «мягкой силы» [247]. Однако уже в 2017 г. США переместились на третье место. Этому способствовали как внутривнутриполитический конфликт в период президентства Д. Трампа, сопровождающийся медийными «войнами», так и свертывание государственной поддержки программ, основанных на применении «мягкой силы» (расходы на эти цели за три года сократились с 50,3 до 39,3 млрд долл.). На международном авторитете и влиянии США сказалась, собственно, и сама националистическая и унилатералистская политика администрации Трампа, руководствующаяся мышлением в духе «игры с нулевой суммой» и направленная на то, чтобы «сделать Америку снова великой».

Правда, в сфере образования США все еще опережают остальные страны мира, здесь сохраняется рост числа иностранных студентов. Согласно отчету «Открытые двери», подготовленному Институтом международного образования

совместно с Бюро Государственного департамента США по делам образования и культуры и Бюро переписи населения США, в 2017/2018 учебном году в американских вузах обучались 1 094 792 иностранных студента, что на 1,5% больше, чем в предыдущем году [223]. Многие исследователи и политики соглашаются, что именно американское высшее образование является одним из наиболее влиятельных инструментом «мягкой силы» США [244, p.9].

Возможно, сохраняющаяся высокая привлекательность американского высшего образования в глазах иностранных студентов объясняется тем, что разрушить авторитет брендов Гарварда, Йеля или Стэнфорда гораздо сложнее, чем подорвать репутацию США как государства. К тому же американское образование, подвергнувшись транснационализации, с превращением ведущих университетов в аналоги ТНК, теперь в меньшей степени ориентируется на колебания национального политического курса (большинство крупных университетов является оплотом противников политики Д. Трампа).

С 2015 г. исследовательским центром международных отношений Университета Южной Калифорнии США и британским пиар-агентством Portland разрабатывается «Глобальный рейтинг мягкой силы». Он формируется по шести объективным показателям (правительство, культурное влияние, образование, степень вовлеченности в решение глобальных проблем, бизнес-климат и цифровизация), а также с учетом опросов общественного мнения. В 2015–2016 гг. самым влиятельным государством мира по использованию «мягкой силы» считались США, в 2017 г. их потеснила Франция, а в 2018 г. первое место заняла Великобритания.

Несмотря на то, что «Брекзит» спровоцировал политическую и экономическую нестабильность внутри этой страны, авторы «Глобального рейтинга» полагают, что это не повлияло на «мягкую силу» Великобритании. Она опирается на инфраструктуру Всемирной службы Би-Би-Си и Британского совета, стипендиальные программы для иностранных студентов, масштабную деятельность по развитию туризма и по содействию международному развитию, а также, собственно, на активное участие в разработке самих международных

рейтингов и задаваемых ими «правил игры». Все эти факторы в совокупности обеспечивают формирование благоприятной для реализации интересов Лондона международной среды. Правда, ни по одному отдельно взятому параметру «мягкой силы» Британия не занимает первую позицию, ее максимумы – второе место по степени вовлеченности в решение глобальных проблем и по культурному влиянию).

За Великобританией (индекс 80,55) в первой пятерке были расположены Франция (индекс 80,14, первое место по степени вовлеченности в решение глобальных проблем, второе – по цифровизации и третье – по культурному влиянию), Германия (78,87), США (77,80) и Япония (76,22), а в первой десятке – Канада, Швейцария, Швеция (первое место по показателю «правительство»), Нидерланды и Австралия. Примечательно, что занявший 21-ю строчку в «Глобальном рейтинге» Сингапур при этом лидирует в нём по показателю бизнес–климата [247, Р. 30].

В контексте нынешнего характера отношений России с Британией и США не удивительно, что создатели этого британо–американского рейтинга отнесли Россию лишь на 28-е место (индекс 51,10), с тенденцией к снижению по сравнению с предыдущими годами (27-е место в 2016 г. и 26-е место в 2017 г.). По отдельным параметрам «Глобального рейтинга» Россия занимает следующие позиции: правительство – 29-е, бизнес–климат – 27-е, культура – 21-е, образование – 18-е, степень вовлеченности в решение глобальных проблем – 13-е, и цифровизация – 13-е место. Критерии такого рейтингования, как и динамика изменения индексов, порой труднообъяснима. Например, трудно понять, каким образом, находившись в 2017 г. по параметру «культура» на 12-м месте, в 2018 г. Россия оказалась на 21-м [247].

Китай занял в «Глобальном рейтинге» соседнее с Россией 27-е место (индекс 51,85), но по степени культурного влияния и вовлеченности в глобальные проблемы Китай включен в первую десятку стран (9-е место), а индекс Китая по параметру «образование» заметно вырос (13-е место). Что же касается США, то, несмотря на снижение оценки США в опросах общественного мнения, все же по

таким показателям, как образование, культура и цифровизация, США по-прежнему занимают первое место в мире.

По индикатору «образование» следом за США в «Глобальном рейтинге мягкой силы – 2018» идут Германия, Великобритания, Нидерланды, Франция, Австралия, Канада, Бельгия, Италия, Япония. Все эти страны (в политическом смысле и Япония) принадлежат к т.н. «коллективному Западу», причем среди них – четыре страны англосаксонского мира. Такое индексирование призвано закрепить статусное превосходство и доминирование западной модели образования. Россию расположили лишь на 18-м месте, между Австрией и Финляндией. При этом в 2016 г. нашей стране отводили 20-е, а в 2017 г. – 15-е место [247].

При оценке объективности такого рейтингования следует учитывать, что еще в 2014–2015 учебном году доля иностранных студентов от общего количества студентов в российских вузах (5,4%) более чем вдвое превысила аналогичный показатель СССР (2,6%), а доля России в общемировом контингенте иностранных студентов выросла с 2% до 3,7%, т.е. почти удвоилась (по разным оценкам, 4–5 место в мире), что само по себе говорит о параметрах интернационализации и экспорта современного российского образования.

Несмотря на сохраняющееся лидерство США в сфере международного образования, Китай в последнее время весьма активизировал свою международную образовательную политику. Разработчики рейтинга поместили его на 13-ю позицию по параметру «образование», между Данией и Швейцарией. Однако именно Китай обладает наибольшим историческим опытом использования «мягкой силы», который восходит к истокам стратеминого мышления [69]. В течение 90-х гг. он испытывал на себе мощное идеологическое наступление со стороны Запада, пытавшегося создать «единый фронт» морального осуждения Китая, но затем сам начал подготовку к переходу в контр наступление. За последние двадцать лет численность обучающихся в вузах Поднебесной иностранных студентов увеличилась в пять раз, при том, что в этот

же период удельный вес США в экспорте высшего образования, напротив, стал снижаться.

На XVII съезде КПК в октябре 2007 г. политика «культурной мягкой силы» была объявлена одним из приоритетов внешней политики страны, а через четыре года, в октябре 2011 г., на шестом пленуме ЦК КПК 17-го созыва, впервые в истории КПК и КНР специально рассмотревшем вопросы культуры на столь высоком уровне, было принято Постановление ЦК КПК «О некоторых важных вопросах углубления реформы культурной системы, содействия развитию и процветанию социалистической культуры».

В постановлении говорилось о растущем значении «мягкой силы» в соперничестве между странами, признавалось, что в «выходе за пределы» китайская социалистическая культура еще очень слаба, так что сила международного влияния китайской культуры нуждается в постепенном усилении. Была сделана ставка на превращение культуры в важнейший источник творческой силы и ключевой фактор конкурентной борьбы за совокупную мощь государства. Реализацию этой политики призвана обеспечить «подготовка большого отряда специалистов в области культуры, создание кадровой опоры для великого развития и великого расцвета социалистической культуры», а также «усиление и изменение руководства культурной работой со стороны партии» [198]. Руководить всей этой деятельностью стали созданные ЦК КПК Центральная комиссия по руководству деятельностью в области укрепления духовной цивилизации и Центральная руководящая группа по пропаганде и идеологической работе.

Будучи наиболее систематически планируемым аспектом политики «культурной мягкой силы», образовательная политика Китая призвана усилить влияние страны в важных для нее геополитических регионах – Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии, Ближнем и Среднем Востоке, Африке и Латинской Америке. Важным институциональным механизмом реализации этой политики стали институты Конфуция, первый из которых был создан еще в 2004 г. в Южной Корее. По данным агентства Синьхуа, на сентябрь 2017 г. в мире

действовало 516 институтов Конфуция и 1076 классов Конфуция, в 142 странах и регионах мира общее количество слушателей достигло 7 млн. человек [1].

США, Китай и другие ведущие державы современного мира продолжают рассматривать образование как важнейший инструмент распространения своего влияния, реализуя многочисленные программы и продвигая образовательные проекты по всему миру. Однако использование образования как инструмента политики «мягкой силы» содержит и известные риски, описанные С. Хантингтоном в книге «Столкновение цивилизаций».

Речь идет о «феномене индигенизации второго поколения» (термин Ричарда Дора), согласно которому «первое «модернизаторское» поколение (например, борцы против колониализма, отцы независимости во многих странах Азии и Африки) зачастую получало образование в западных университетах на западном космополитичном языке, глубоко воспринимая западные ценности и стиль жизни, но уже большинство представителей второго поколения, получая образование дома, на родном языке, в университетах, основанных первым поколением, испытывают куда менее тесный контакт с миром западной культуры. Поэтому среди них всех сильнее распространяются антизападные настроения и возмущение по поводу засилья предыдущего, обученного на Западе поколения.

Между тем С. Хантингтон обращает внимание на то, что индигенизации могут подвергнуться и «талантливые, проницательные и легко приспосабливающиеся лидеры первого поколения» [193, с.134]. Получив образование в лучших западных университетах, став полностью вестернизированными членами местных элит, они нередко демонстрировали способность вернуться к культуре своих предков и в процессе этого временами меняли идентичность, имена, одежду и веру (например, выпускник Лондонского университета Махатма Ганди сменил европейский костюм на индийскую национальную одежду, а выпускник Кембриджского университета Гарри Ли превратился в Ли Куан Ю).

Данный феномен обнаруживает определенную проблему, связанную с экспортом образования. Привлекательность культуры соответствующей державы,

ее доминирующие позиции в мире способствуют формированию своего рода политической лояльности выпускников ее вузов, но в условиях кризиса международного лидерства и упадка культурной привлекательности обучение иностранных студентов в университете этого государства может способствовать выработке у них комплекса отчужденности и даже враждебности в отношении ее политических и культурных ценностей, и тогда в дальнейшем, став членами национальной элиты своей страны, эти выпускники станут проводниками оппозиционного внешнеполитического курса. В этом смысле очевидны различия между политическим эффектом подготовки иностранных студентов, обучавшихся в СССР/России во второй половине 40–х – 70–х гг. и в середине 80–х – начале 2000–х гг.

Таким образом, внешняя политика посредством «мягкой силы» несет в себе как возможности, так и вызовы для национальной безопасности. Существующий в настоящее время имидж и национальный бренд США были бы невозможны без реализации грамотной стратегии «мягкой силы», опирающейся на их способность устанавливать и поддерживать международные нормы, создавать и поддерживать эффективность внутренних и международных институтов, порождать эффект укрепления легитимности и моральности в мировой политике. Благодаря этой способности вся история XX в. постоянно доказывала, что США нашли способ заставить других хотеть того же, что и Соединенные Штаты Америки, утверждая: «что хорошо для Америки, то хорошо для всего мира». Однако системный кризис, в который погружаются США в 2010–е гг., начинает все больше сказываться на действенности их политики «мягкой силы».

Рассматривая «мягкую силу» в качестве критерия оценки внешнеполитического эффекта трансформации высшего образования, следует отметить, что основным параметром оценки внешнеполитического эффекта трансформации высшего образования в контексте обеспечения его способности проецировать «мягкую силу» государства является, прежде всего, само качество высшего образования, включающее: качество преподавания, подготовки и исследований, что означает качество соответствующего персонала, гарантируемое

высокой академической квалификацией преподавателей и научных сотрудников; и качество обучения, обеспечиваемое сочетанием преподавания и исследований, их соответствием общественному спросу, включая качество инфраструктуры и «физической образовательной среды» вузов, охватывающее всю совокупность условий их функционирования, включая компьютерные сети и современные библиотеки. Согласно проводимым опросам, именно критерий качества образования является определяющим для большинства иностранных граждан, желающих получить высшее образование в России.

Условиями эффективности проведения тем или иным государством политики «мягкой силы» являются лидерство в ведущих тенденциях в сфере образования, наличие взаимозависимых отношений в этой сфере, ограничения на применение «жесткой» силы или нежелательность ее применения.

2.2. Международный опыт повышения эффективности образовательной политики как способа проецирования «мягкой силы»

Сегодня ни одна страна не может обеспечить высокий уровень своего развития и существования, свою политическую и экономическую независимость без отлаженной системы высшего образования и организации научных исследований. По этой причине все страны заинтересованы в процессах построения адекватных национальных систем высшего образования. Таким образом, реформа образования становится общенациональной задачей.

В условиях глобальных изменений, цифровизации и выдвижения образования на мировой рынок услуг университет вынужден вновь доказывать свою целесообразность и эффективность, вопрос конкурентоспособности университета становится особо актуальным. Большинству университетов приходится определяться с моделью своего развития. Современная стратегия образования и политика в этой области во многом исходят из логики международной конкурентоспособности. Несмотря на необоснованность некоторых критериев рейтингов и субъективность оценок, такой способ

ранжирования учебных заведений как международные рейтинги, играет важную роль в определении мировым сообществом лучших университетов.

Президиум Российской Академии политической науки (РАПН) констатировал: «За последние четверть века образование в России утратило лидирующие позиции в мире» [132]. В подтверждение этих слов, сегодня лишь единицы российских высших учебных заведений занимают высокие позиции в международных рейтингах.

Повышение конкурентоспособности университета, т.е. активизация деятельности, направленной на вхождение в так называемое «сообщество лидеров высшего образования» – также новая тенденция в развитии высшей школы. Движение в этом направлении подкрепляется и общегосударственной политикой в области высшего образования [173].

В обзоре национальных стратегий интернационализации в странах ОЭСР, подготовленном на основе доклада «OECD. Internationalisation and Trade in Higher Education: Opportunities and Challenges (2004)» были выделены четыре стратегии, характеризующие политику в этой сфере:

- согласованный подход, опирающийся на долгосрочные политические, культурные, академические цели развития страны, и ориентированный на международное сотрудничество через создание институциональных партнерств в сфере высшего образования, поддержку студенческой и академической мобильности (Япония, Южная Корея, Мексика и Испания);
- стратегия привлечения квалифицированной рабочей силы, в сочетании с принятием соответствующего визового и иммиграционного законодательства (в основном страны Западной Европы и Канада);
- стратегия получения дохода, при которой государство правовыми мерами стимулирует экспорт образовательных услуг, но эти услуги предлагаются на полностью платной основе, а предоставление государственных субсидий не предусматривается (Австралия и Новая Зеландия);

– стратегия расширения возможностей, предполагающая поддержку зарубежной мобильности преподавателей, ученых и обучающихся (Польша, Чехия, Словакия, страны Юго–Восточной Азии) [77].

Международная образовательная политика США основана на сочетании стратегии привлечения квалифицированной рабочей силы в отношении обучающихся, получающих послевузовское образование, и стратегии получения дохода в отношении студентов, получающих высшее образование. В целом же выбор той или иной страны в пользу соответствующей стратегии или комбинации их элементов определяется состоянием национальной системы образования и ее конкурентоспособностью, социально–экономическими и политическими факторами, стратегическими приоритетами, национальными ресурсами, историческим и геополитическим контекстом.

При рассмотрении государственных реформ по повышению эффективности и конкурентоспособности высшего образования обозначим ключевые в данном отношении понятия. Под термином конкуренция (от лат. *concurrere* – «сталкиваться», «соперничать») принято понимать борьбу, соперничество в какой–либо области с получением определенной выгоды [20].

Конкурентоспособность национальной системы образования в конечном счете определяется конкурентоспособностью составляющих ее конкретных университетов. При этом конкурентоспособность университета рассматривается нами как «комплексная характеристика вуза за определенный период времени в условиях конкретного рынка, отражающая превосходство перед конкурентами» [113].

Рейтинги, которые используются для определения конкурентоспособности университетов на мировом уровне – это исследования, где в основном учитываются результаты комбинации статистического анализа деятельности университетов, аудированных данных, а также результатов экспертного опроса представителей международного академического сообщества и работодателей, высказывающих свои мнения об университетах. Различного рода международные

и национальные рейтинги для оценки качества университетов используют как репутационный, так и результативный, и общий подходы.

Не останавливаясь на подробном описании международных рейтингов, перечислим лишь основные из них: ARWU – Шанхайский рейтинг лучших вузов мира; The Times; QS World University Rankings и др.

Любопытен тот факт, что большое значение в отборе лучших университетов мира имеет академическая и научная репутация. Размер ВУЗа и его история также играют значительную роль в оценке. Университеты с долгой и богатой историей привлекают большее количество выдающихся ученых и студентов. К примеру, мировую высшую лигу университетов сегодня составляют старейшие вузы.

В ряде стран (Швеция, Великобритания) в процедурах внешнего оценивания активно участвуют студенты. Устанавливаются связи между Европейским союзом студентов (ESIB) и Европейской сетью контроля качества (ENQA) [119].

В рамках повышения качества и конкурентоспособности, корейские исследователи активно используют показатель индекса цитируемости, чтобы продемонстрировать положительное его влияние на эффективность научных исследований. За последние десять лет количество публикаций корейских ученых в Science Citation Index (SCI) увеличилось почти вчетверо, с 10 739 до 39 843 единиц [160].

Для повышения показателя мониторинга – достижение критической массы ученых – в мировой практике используются меры по объединению и модернизации существующих вузов. Поэтому, размер вуза не редко имеет большое значение в вопросе о конкурентоспособности[160].

Поэтому оценка повышения конкурентоспособности — «непростая задача, по крайней мере, по двум причинам: времени и атрибуции. Модернизация университета занимает много лет, не меньше восьми–десяти» [11].

Вместе с тем существует ряд попыток оценить прогресс, достигнутый даже за короткое время. Так, К. Морман полагает, что «китайские проекты сформировали в местных университетах стандарты выдающегося качества и

позволили ученым получить лучшее представление об уровне международной конкуренции и конкурентоспособности» [122].

При рассмотрении факторов повышения конкурентоспособности университета нами были взяты во внимание работы ведущих экспертов в области глобального высшего образования (В.М. Филиппова, И.Д. Фрумина, Джамиля Салми и др.). Так, В.М. Филиппов в своих работах рассматривает направленность преобразований, осуществляемых в системах высшего образования развитых стран в условиях интернационализации образования. Последняя рассматривается им как один из факторов обеспечения международного образовательного сотрудничества, происходящего в условиях все возрастающей конкуренции на мировом рынке образования. В свою очередь, Дж. Салми и И. Фрумин анализируют реализованные в течение 15 лет в разных странах мира инициативы по достижению выдающихся результатов в секторе высшего образования.

Мы проанализировали конкурентоспособность современного университета с учетом международного опыта, выявили в этом опыте общее и особенное, что в дальнейшем войдет в нашу матрицу политики реформирования университета.

При рассмотрении инициатив по достижению высоких результатов, мы выделили четыре взаимодополняющие группы факторов, повышающие конкурентоспособность и тем самым, отличающие лучшие университеты.

Факторами, способствующими повышению конкурентоспособности университета, мы назовем:

- 1) *высокую концентрацию талантливых преподавателей и студентов* – ее выделяли Дж. Салми, С. Вегес, С. Маргинсон и др. (см. Приложение №1, табл. 1);
- 2) *ресурсы* – их значение для образовательной политики изучали А. Тейк, Дж. Салми, Х. Хорта (см. Приложение №1, табл. 2);
- 3) *эффективное управление* – его выделяли Дж. Ломбарди, Л. Армстронг, Ф. Альтбах, Б. Кларк, Дж. Салми (см. Приложение №1, табл.3);

4) *«ускоряющие факторы» повышения конкурентоспособности университета»* – их обозначали А. Тейк, Х. Хорта, Дж. Салми, Б. Кларк и др. (см. Приложение №1, табл. 4);

Мы привели ряд практических примеров эффективного содействия государства процессу повышения конкурентоспособности университетов (см. Приложение №1). Из данного анализа следует, что нынешние усилия по развитию университетов мирового уровня призваны решить ряд проблем. Перед современным университетом стоит непростая задача: развитие умственного, духовного потенциала должно сопровождаться наличием конкурентоспособного университета.

Не все инициативы могут быть репродуцированы либо заимствованы любой образовательной системой. Однако они могут служить подспорьем для реформ. Некоторые международные инициативы стали основой и для российских проектов по достижению серьезных результатов.

Опыт разных стран показывает, что национальные правительства оказывают эффективную помощь университетам в их конкурентных усилиях. Международные рейтинги университетов служат ориентиром при разработке образовательной политики. Государства выделяют определенный объем для финансирования лучших университетов, поддерживают перспективные области науки, привлекают специалистов из-за рубежа.

Система высшего образования в России складывается под влиянием собственного исторического опыта и национальных традиций. Поэтому ее нельзя реформировать простым заимствованием тех или иных сегментов зарубежных систем. Тем не менее, следует развивать высшее образование и выводить его на качественно новый уровень, учитывая международный опыт образовательной политики.

При этом ценность изучения зарубежного опыта не ограничивается лишь вкладом в систему знаний о функционировании зарубежного высшего образования. Исследование мирового образовательного пространства, позволяет отечественной образовательной политике минимизировать возможные

негативные последствия и ошибки тех или иных реформ, а также сопоставить собственные политические решения с опытом других и тем самым лучше оценить целесообразность и риски их принятия [105]. Стремительный характер перемен закономерно привел многие страны к глубоким реформам и модернизации систем высшего образования.

В отечественной и зарубежной научной мысли исследованы разнообразные модели высшей школы исходя из ее идеи (миссии), трансформаций в условиях рыночных отношений, исторического развития и т.д. Условно выделяют англо-саксонскую, романскую, американскую, азиатскую, скандинавскую и т.д. модели высшего образования.

С точки зрения приведенных нами критериев (см. Приложение №1) мы выделим три базовые модели высшего образования, использующиеся с той или иной степенью различий в развитых и в развивающихся странах. Это европейская, американская и азиатская модели.

Образование в европейской модели на всех уровнях преимущественно государственное и бесплатное с относительно высокой степенью централизации. Автономия европейских университетов, имеющая глубокие исторические корни, хотя и существует, но значительно меньшая, чем в США. Существенна роль академических кругов в управлении учебными заведениями, в то время как в США эти функции ложатся в большей мере на попечительские советы [35].

В рамках европейской модели отдельно выделяют английскую, французскую и немецкую. Например, специфической особенностью немецкой модели является так называемый «дуальный принцип» (соединение обучения с производством), а для французской – всеобщая бесплатность образования. Британские университеты чутко следят за конъюнктурой рынка и настроениями работодателей, активно вводят новые специализации [35].

Европейская система образования дополняется широкой системой обучения и переобучения рабочим специальностям, в том числе осуществляемой на бесплатной основе органами по труду и занятости населения. Одновременно

существует широчайшая система повышения квалификации кадров востребованная и оплачиваемая в основном работодателями или самими обучающимися [35]. .

Американская модель отличается тем, что наряду с существенной ролью государства в финансировании образования высокую активность в этом проявляет также частный бизнес. Локальные источники резко преобладают над национальными. Начальное и среднее образование в основном бесплатное, а высшее по большей части платное, но имеются при наличии разветвленной системы помощи студентам в оплате образовательных услуг за счет грантов и кредитов [35]. .

Отчисления университету от исследовательских грантов его сотрудников приносят солидный вклад в развитие университетов. Целевые гранты и пожертвования тоже весьма существенны, но могут быть использованы только на указанные в них цели. Хорошему частному университету государство все же дает около 10% бюджета. Большую долю (20 – 30% а то и больше) расходов покрывает фонд, формируемый из благотворительных взносов главным образом выпускников прошлых лет, достигших хорошего положения в обществе [35]. Фактически университеты США – частные корпорации, продающие знания. Любая корпорация может стать квази-государством образования, т.к. становится частным подрядчиком и берет на себя эти функции [197].

В мире всё чаще начинают говорить об азиатской модели образования, которая предоставляет собой синтез восточных и западных, традиционных и современных подходов. В ней органично прижились как характерные для стран Азии, так и заимствованные за пределами этого контингента, в частности, у США, Великобритании и ряда других европейских стран институциональные структуры и элементы управления системой образования [35]. В одном только Китае количество публикаций растет на 70% в год.

По мнению профессора С. Марджинсона «успех азиатской модели высшего образования заключается в следующем: прежде всего, это сильное государство, правительство «с моральным авторитетом», которое поддерживает стабильность

и гармонизирует общество. Преемственность в бюрократической системе — не слабость, а сила в азиатских странах. Лучшие выпускники идут в госструктуры — в отличие от Европы или США, где лучшие выбирают бизнес» [6].

Влияние различных факторов на развитие системы высшего образования в различных странах мира проявляется по-разному. Но складываются и некоторые общие тенденции, которые характеризуют ее развитие и совершенствование.

Исходя из проведенных нами примеров повышения конкурентоспособности вузов (см. Приложение №1), приведем и общие факторы позволившие европейским, американским и азиатским моделям высшего образования повысить свое положение на международной арене. Это:

1. Международная академическая деятельность вуза.

Интернационализация становится в центр ряда инициатив не потому, что в тех или иных странах не хватает своих талантов, а потому, что местные ученые нуждаются во включении в международные сети обмена передовыми знаниями [160]. Важным для привлечения иностранных студентов и специалистов является язык преподавания. Данный фактор рядом специалистов в области образовательной политики отмечен как ускоряющий фактор повышения конкурентоспособности университета, т.е. тот, который в краткосрочной перспективе может способствовать повышению показателей международного мониторинга и повысить репутационную составляющую вуза на мировом рынке образовательных услуг.

Возможно, лидирующая роль английского языка в рамках международного общения исчерпает себя, как только навязываемая на глобальном уровне через этот язык культурная модель не исчерпает себя полностью. Тем не менее, на сегодняшний день разработка программ обучения на английском языке, повышение уровня владения английским языком в академической среде является одним из существенных методов привлечения иностранных студентов. Одним из средств совершенствования качества переводческой деятельности является автоматизация процесса перевода. Сегодня действия направлены преимущественно на развитие навыков письменного перевода и практически не

ориентируют на возможности использования информационных технологий в устном переводе. Новые технологии в сфере устного перевода могли бы способствовать расширению возможностей обучения для иностранных студентов.

2. Инициативы в области финансирования вузов

Большая часть университетов в мире имеет четыре главных источника финансирования: государственный бюджет; доходы от выполнения договоров на исследования; доходы от вкладов и пожертвований; плата за обучение.

3. Эффективное управление и контроль

Как показало проведенное исследование в ряде стран происходит децентрализация управления, предполагающая расширение установки к принятию решений на том уровне, на котором они должны воплощаться в жизнь, автономия высших учебных заведений.

В ряде стран также успешно действует особая система самоуправления и самоконтроля, в которую включены независимые члены, а также кооптируемые члены, сотрудники университета, представители студентов и местных органов управления и т.д., а система оценки качества образования является открытой для общественности.

4. Специализация в узких областях

Многие страны испытывают сложности, чтобы попасть в тот или иной рейтинг, так как отсутствуют вузы, способные конкурировать с ведущими мировыми университетами по числу высокоцитируемых ученых. Также далеко не все вузы могут претендовать на включение в глобальные рейтинги университетов. Многие вузы в этом случае ориентируются на достижение успеха в дисциплинарных глобальных рейтингах.

6. Инновации и коммерциализация разработок

Без инновационной деятельности современного университета у него нет шанса быть эффективным и конкурентоспособным в предлагаемых условиях развития. Следует учитывать, что глобальные рейтинги можно рассматривать как вспомогательный фактор, поскольку их ежегодная публикация создает ошибочное

впечатление, что качество услуг университета может существенно измениться за один год [160].

Все задачи возможно решить, если есть адекватная отмеченным вызовам государственная политика в сфере высшего образования. Очевидно, что такая политика в различных странах представляется не только более системной, адекватной современным вызовам, но и становится в ряд приоритетных.

Под конкурентоспособностью университета мы понимаем его комплексную характеристику, соотнесенную с определенным периодом времени и условиями конкретного рынка. Эта характеристика должна отражать превосходство вуза над конкурентами по финансово–экономическим, маркетинговым, материально–техническим, кадровым, социально–политическим показателям, обеспечивать его стабильное развитие в быстроменяющихся условиях.

При всех недостатках различных рейтингов университетов у них есть важное преимущество. В целом они дают возможность сравнения конкурентоспособности вузов. При этом ключевыми условиями являются высокая концентрация талантливых преподавателей и студентов, инвестиции и ресурсы, эффективное управление, «ускоряющие факторы» повышения конкурентоспособности университета. Очевидно, что эти условия формируются в течение достаточно долгого времени – 8–10 лет. При этом реформаторские усилия должны быть системными и систематическими.

В очерченных рамках глобальных процессов и интеграции происходят одновременно два взаимодействующих процесса – внешнее и внутреннее воздействие на университет. Преодолеть их противоречие возможно только в новой парадигме. Которая вооружает логикой, позволяющей избежать крайности идеализации прошлого опыта и самоуверенности введения новых не апробированных даже на пилотном уровне нововведений.

В дальнейшем выявленные общие принципы и критерии реформирования позволят построить матрицу реформ, которой должна соответствовать любая

национальная концепция реформирования университета при всей уникальности условий, где она развивалась и находится.

Выводы по второй главе:

Рассмотрев внешнеполитический эффект трансформации высшего образования, прежде всего посредством изучения международной образовательной политики сквозь призму концепции «мягкой силы», перекликающейся с концепцией секьюритизации, отметим следующее:

Современное образование – важный фактор национальной безопасности, инструмент продвижения национальных интересов и распространения собственных ценностей. Это обуславливает применимость разработанной Дж. Наем концепции «мягкой силы», как и близкой ей концепции секьюритизации Копенгагенской школы исследований безопасности, при осмыслении логики трансформации высшего образования и характера международной образовательной политики.

Проявлением международной образовательной политики как политики «мягкой силы» является неуклонное усиление конкуренции на мировом рынке образовательных услуг. Осознание важности образования как инструмента «мягкой силы» способствовало тому, что многие государства стали формировать целенаправленную образовательную политику, направленную на привлечение талантливых иностранных студентов и аспирантов, а также проводить специальные «маркетинговые» исследования, призванные повысить эффективность экспорта образования.

Согласно разрабатываемому с 2015 г. исследовательским центром международных отношений Университета Южной Калифорнии США и британским пиар-агентством Portland «Глобальному рейтингу мягкой силы», настоящее время наблюдается ослабление «мягкой силы» США, которых в 2017 г. их потеснила Франция, а в 2018 г. первое место заняла Великобритания. Однако в сфере образования США все еще опережают остальные страны мира, здесь сохраняется рост числа иностранных студентов. По таким показателям, как

образование, культура и цифровизация, составители «Глобального рейтинга» отдают США первое место в мире.

При этом происходит увеличение «мягкой силы» Китая и России, хотя в «Глобальном рейтинге мягкой силы 2018» им отведены лишь 27 и 28 места соответственно. Критерии такого рейтингования, как и динамика изменения индексов, порой труднообъяснима. Примечательно, что по параметру «образование» все страны первой десятки принадлежат к т.н. «коллективному Западу», причем среди них – четыре страны англосаксонского мира. Такое индексирование призвано закрепить статусное превосходство и доминирование западной модели образования, обеспечить ее конкурентоспособность.

Условиями эффективности проведения тем или иным государством политики «мягкой силы» являются лидерство в ведущих тенденциях в сфере образования и наличие взаимозависимых отношений в этой сфере. При этом основным параметром оценки внешнеполитического эффекта трансформации высшего образования в контексте обеспечения его способности проецировать «мягкую силу» государства является, прежде всего, само качество высшего образования.

Конкурентоспособность национальной системы высшего образования является ключевым фактором, позволяющим определить эффективность ее реформирования. В конечном счете, она выражается в конкурентоспособности конкретных университетов. Учитывая параметры, по которым составляются различного рода рейтинги и обозначаются лучшие мировые университеты, определяющими факторами конкурентоспособности являются: образовательная деятельность вуза, научно–исследовательская деятельность вуза, международная деятельность вуза, бренд вуза (репутация вуза), инновации и коммерциализация разработок, объем финансирования государственного и негосударственного и другие параметры по которым можно, так или иначе, отличить успешность одного университета от другого. Конкурентоспособный университет новой эпохи должен выступать как лидер высшего образования; научный, культурный, экспертный центр, средоточие международного сотрудничества, инновационный

центр и интеллектуальный попечитель образовательных организаций, учреждений науки и культуры.

При этом важно помнить, что повышение конкурентоспособности университетов является долгосрочной задачей и для ее выполнения недостаточно «резко запустить процесс преобразований». Однако международный опыт реформирования высшего образования также свидетельствует и о том, что она должна быть соотнесена с той моделью университета, которая реализуется в той или иной стране. В противном случае будет полная рассогласованность между моделью, принимаемыми усилиями и конечными ожидаемыми результатами.

Глава 3. Моделирование политики реформирования высшего образования России в контексте мировых трендов

3.1. Моделирование политики реформирования высшего образования на национальном уровне.

После распада СССР Россия начала осуществлять реформу образовательной системы и интеграцию в мировое образовательное пространство. Императивы этих реформ объективно были обусловлены происходящими в мире процессами глобализации образования. К их числу, в частности, относятся: гуманизация политики в области образования и гуманитаризация самого содержания образования; фундаментализация образования; компьютеризация и информатизация образования; преодоление разобщенности естественнонаучного и гуманитарного образования; обеспечение непрерывности образования и его индивидуализация; многовариантность и многоуровневость образования, его опережающий характер и доступность образования.

В России начало этапа модернизации и реформирования системы высшего образования совпало с социально–экономическими потрясениями 90–х годов прошлого века [104]. В новом значении – в качестве политической программы, нацеленной на создание экономических и политических институтов «как на Западе», – на отечественной сцене появился «либерализм». Период его стремительного взлета пришелся на 1989–1991 гг., когда он представлял собой не слишком внятную, но весьма влиятельную идеологию антикоммунизма [116].

Круг партий и движений, считавшихся либеральными, с самого начала был широким и пестрым, что не способствовало их электоральному успеху. Ни одна из «либеральных» партий даже в период наибольшего влияния не обладала более чем 15% мест в Государственной Думе [116].

Во–первых, в контексте трансформации советского режима «либерализм» был цивилизационным выбором, он предлагал вполне определенную модель

идентичности – проевропейскую и антисоветскую. Как и их дореволюционные предшественники, «либералы» 1990–х годов настаивали на принципиальной возможности модернизации, под которой понималось развитие институтов западного типа [116].

И поэтому в середине 90–х годов в нашем обществе развернулась очень широкая дискуссия о необходимости реформирования (модернизации) отечественной системы образования по западному образцу [104].

Результатом такой дискуссии стало решение правительства России о модернизации системы высшего образования России в соответствии с требованиями Болонского соглашения. И.М. Ильинский, характеризуя реформы отечественной системы высшего образования, пишет, что «большинство рекомендаций означали кардинальную ломку, т.е. уничтожение прежней системы отечественного образования» [104].

Между тем, очевидно, что если уровень развития передовых образовательных систем окажется недостижимым для образовательной системы России, то она не сможет выдержать конкуренции не только на глобализированном рынке образовательных услуг, но и на рынках труда, трудовых ресурсов, финансов, инвестиций. В результате понимания и оценки общемировых тенденций развития образования, общемирового пространства информации, науки и тех альтернатив, которые стоят перед Россией как страной с переходной экономикой, реформы в сфере образования были осмыслены как необходимое условие успешной реализации стратегических ориентиров социального–экономического развития.

Мировые тренды развития и порождаемые ими векторы трансформации высшего образования определяют вызовы и тенденции развития национальной системы высшего образования России, проявляющиеся в следующих аспектах:

1. Инициативы в области финансирования вузов, меры в области эффективного управления и контроля качества.

В России международный современный опыт реформирования системы высшего образования уже используется в разработке образовательной политики.

Так, в рамках повышения конкурентоспособности российских вузов, с 2006 г. стали проводиться достаточно масштабные с точки зрения объемов финансирования программы и меры, направленные на усиление науки в вузах. Появилась амбициозная цель вхождения к 2020 г. пяти российских университетов в топ–100 мирового рейтинга [59].

С этой целью, в 2012 году стартовал проект 5–100 – государственная программа поддержки крупнейших российских вузов. Разработка программы 5–100 в России отчасти ориентировалась на немецкую программу «Excellence Initiative», которая реализуется с 2006 года (в неё входят 15 вузов). С 2011 года похожая программа реализуется также во Франции, где создаются 8 крупных научно–образовательных кластеров. Для программы важен был также опыт Китая (см.таблицы в Приложении №1). Ещё в 1992 году в Китае были отобраны университеты, и два из них уже входят в ТОП–100 [39].

Первые несколько лет реализации Программы показали, что вузы, которые в ней участвуют, развиваются быстрее, чем все остальные. Особенно в области представлений, что такое университет, что в нём должно меняться и как он может работать [39]. Создаются лаборатории с привлечением к руководству ведущих зарубежных и российских ученых; реализовываются программы «двойных дипломов» в партнерстве с ведущими университетами и научными организациями. Выросло количество публикаций, индексируемых в Scopus и Web of Science. Объявляется открытый конкурс на замещение профессорско–преподавательских должностей, и конкуренция стала на порядок выше.

В самой концепции проекта «5–100» подразумевалось, что вузы смогут привлечь в свои ряды талантливых ученых из глобального академического мира, бизнеса и других сфер. Конечно, в последние несколько лет геополитическая обстановка изменилась, но данная задача осталась неизменной.

Кроме того, в таких вузах как, например НИУ ВШЭ уже не один год создаются условия для роста талантливой молодежи – действует программа подготовки кадрового резерва. С одной стороны, это объясняется тем, что данные

вузы сами по себе сильны, но с другой – морально–репутационное давление является более высоким, чем в остальной сфере образования.

Проект «5–100» в России также внес нововведения в управлении вузами. Совершенно новая роль возлагается на Наблюдательные советы. Они имеют возможность активно влиять на процесс трансформации университета. В отношении вузов в рамках Проекта 5–100 Министерство образования уже проводит неформальную политику в отношении выбора ректоров: решение о смене ректора принимают Наблюдательные советы, а министерство фиксирует это решение. В «5–100» уже происходит ротация членов Советов. Кроме того, в этих университетах появился Международный академический совет, в некоторых из них он выполняет функции конкурсной комиссии при отборе проектов для финансирования. Таким образом, фактически меняется модель управления университетами, по крайней мере, в группе вузов «5–100». К традиционным сферам работы университета – наука, образование, связи с промышленностью – у участников Проекта 5–100 прибавилась в качестве такой же обязательной еще одна – интернационализация [133].

Существенная реформа управления высшим образованием произошла в мае 2018 г., когда Президент РФ В. Путин подписал указ «О структуре федеральных органов исполнительной власти», разделив тем самым Министерство образования и науки (Минобрнауки) на министерство просвещения и министерство науки и высшего образования (новое Министерство науки и высшего образования официально получает сокращение, совпадающее с его предшественником – Минобрнауки).

Новое министерство науки и высшего образования создано на базе ликвидированного Федерального агентства научных организаций (ФАНО). Данная реформа – новая попытка выстроить систему управления наукой. Примечательно, что в рамках одного ведомства оказалась связка науки и высшей школы. Это означает, что государство делает серьезную ставку на развитие вузовской и молодежной науки – например, аспирантуры.

В майском указе говорится, что к 2024 г. наша страна должна войти в пятерку ведущих стран мира, осуществляющих научные разработки в сферах, определяемых приоритетами научно–технологического развития. Кроме того, необходимо увеличить финансирование науки «за счет всех источников» (то есть не только государственных), а также сделать работу в России привлекательной для отечественных и зарубежных исследователей и ученых. Для этого будут развиваться проекты «мегасайенс», создаваться научно–образовательные центры, обновляться материально–техническая база научных организаций. Также, должна быть сформирована целостная система подготовки и профессионального роста научных кадров [134].

2. Инновации и коммерциализация разработок

С началом реализации приоритетного национального проекта «Образование» в России явное категорирование вузов было частично заменено подходом, опирающимся на конкурсное финансирование программ вузов. В 2006–2008 гг. это был конкурсный отбор вузов, внедряющих инновационные проекты. С 2008 г. проводится конкурсный отбор программ вузов, в отношении которых устанавливалась категория исследовательских (НИУ). Целью такой категоризации стал отбор вузов, которые могли бы не только организовать эффективный процесс обучения, но и провести его интеграцию с научными исследованиями, реализуемыми в том же вузе.

3. Достижение критической массы ученых посредством мер по объединению и модернизации существующих вузов.

Одним из значимых мотивов слияния университетов в России является улучшение позиций вузов в международных рейтингах университетов. Кроме этого считается, что слияние вузов означает концентрацию и более эффективное использование материальных и человеческих ресурсов, обеспечение более широкого доступа к объектам инфраструктуры, их совместное развитие.

Хотя сокращение общего числа вузов в России путем их укрупнения в целом отвечает государственной политике реформирования высшей школы, следует отметить, что механическое слияние крупных высших учебных

заведений, в случае, если они слабо зарекомендовали себя с точки зрения развития научно–образовательного потенциала, не может автоматически привести к качественным изменениям в системе работы таких интегрированных структур и созданию на их основе федеральных университетов.

4. Развитие международной академической деятельности вузов

Нынешняя политическая ситуация в России не могла не сказаться на международных связях вуза. Влияние санкций на российское образование играет не в пользу решений о выборе России в качестве страны обучения, хотя девальвация рубля, напротив, стимулировала приток иностранных студентов, мотивированных снижением стоимости обучения. Конкурентная борьба за иностранных студентов во всем мире требует поиска отдельных ниш для российских университетов, еще не занятых зарубежными вузами [100].

К настоящему времени Россия является участницей нескольких межгосударственных образовательных пространств, а именно, Содружества Независимых Государств, Евразийского Экономического Сообщества и Шанхайской организации сотрудничества, которые в свою очередь явились следствием создания международных организаций с одноименными названиями.

Важным направлением культурно–образовательной политики России служит распространение русского языка. Русский язык рассматривается в качестве «важнейшего средства интеграции государств – участников СНГ» [138].

Языковая политика является проверенным орудием дипломатии. Работа таких центров является одним из эффективных инструментов повышения позиций России в культурно–образовательном международном пространстве.

5. Укрепление «мягкой силы» в политике в сфере высшего образования в России

Эффективная стратегия экспорта образовательных услуг может повысить конкурентоспособность российской системы образования. Курс на развитие образования как инструмента усиления позиций России в культурно–образовательном международном пространстве реализуется под непосредственным руководством Министерства иностранных дел Российской

Федерации. МИД РФ, в частности, разработал «Основные направления политики России в области международного культурно–гуманитарного сотрудничества» (в области культуры, образования, науки, спортивных и молодежных связей), утвержденные Президентом России 18 декабря 2010 г. В основу данного документа положена «концепция использования «мягкой силы» как важнейшего инструмента взаимодействия России с зарубежными партнерами» [174].

Следует отметить, что не только привлечение иностранных студентов является инструментом «мягкой силы» образовательной политики. Не стоит недооценивать той роли, которую играют международно–практические конференции, семинары, летние лагеря, совместные проекты. В качестве примера, Российский университет дружбы народов ежегодно проводит летние школы для иностранных студентов, в которое помимо обучения включена культурно–досуговая программа, а также международные конкурсы на поддержку научных, инновационных проектов молодых ученых; международные конкурсы на участие в научно–исследовательских проектах в регионах России; на базе кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета в рамках летних школ проходят курсы повышения квалификации по программе «Преподавание русского языка как иностранного», слушателями которого являются, в том числе и иностранные преподаватели.

Для создания конкурентоспособной образовательной стратегии в России, безусловно, есть объективные возможности: мощный интеллектуальный потенциал, опыт и традиции национальной высшей школы, относительно неплохая база. Однако есть и немало факторов, препятствующих этому [174].

Среди последних можно назвать «миф российской самодостаточности», который может привести к идее построения в современных условиях «закрытой» образовательной модели. «Все наиболее перспективные образовательные модели мира основаны на совместной работе в проектах и взаимно признанных нормах и правилах. Изоляционизм, по большому счету, всегда базируется на

предположении, что мы не способны играть по мировым правилам, так же как и не способны участвовать в создании новых правил в образовании» [42, с. 32-34].

Должно быть понимание, что российская высшая школа при всех ее национальных традициях, развивается сегодня в системе координат общемирового образовательного пространства [176, с.117].

6. Секьюритизация российского образования.

Сфера науки и образования обозначена в «Стратегии национальной безопасности России до 2020 г.», утвержденной Указом Президента РФ от 13 мая 2009 г., в качестве одного из приоритетных направлений, на котором сосредоточивают свои усилия и ресурсы силы и средства обеспечения национальной безопасности. Гарантия права на доступное образование и культурное развитие рассматривается в ней как одно из необходимых условий предотвращения угроз национальной безопасности. К стратегическим целям обеспечения национальной безопасности в сфере образования отнесены «повышение социальной мобильности, уровня общего и профессионального образования населения, профессиональных качеств кадров высшей квалификации за счёт доступности конкурентоспособного образования».

В документе признается, что «низкий уровень социальной защищённости инженерно–технического, профессорско–преподавательского и педагогического состава и качество общего среднего образования, профессионального начального, среднего и высшего образования» оказывают прямое «негативное воздействие на обеспечение национальной безопасности в сфере науки, технологий и образования» [167].

Решение задач национальной безопасности в сфере науки и образования, в соответствии с положениями Стратегии, осуществляется, во–первых, посредством создания сети федеральных университетов и национальных исследовательских университетов, обеспечивающих в рамках кооперационных связей подготовку специалистов для работы в сфере науки и образования, разработки конкурентоспособных технологий и образцов наукоёмкой продукции, организации наукоёмкого производства; во–вторых, реализации программ

создания учебных заведений, ориентированных на подготовку кадров для нужд регионального развития, органов и сил обеспечения национальной безопасности; и в-третьих, обеспечения участия российских научных и научно-образовательных организаций в глобальных технологических и исследовательских проектах.

В утвержденной Указом Президента России от 5 декабря 2016 г. Доктрине информационной безопасности отмечается, что «расширение масштабов использования специальными службами отдельных государств средств оказания информационно-психологического воздействия, дестабилизирует внутривнутриполитическую и социальную ситуацию в различных регионах мира, а также приводит к подрыву суверенитета и нарушению территориальной целостности государств. В эту деятельность вовлекаются религиозные, этнические, правозащитные и иные организации, а также отдельные группы граждан, при этом широко используются возможности информационных технологий». Обращается внимание на недостаточность кадрового обеспечения в области информационной безопасности, а также низкую осведомленность граждан в вопросах обеспечения личной информационной безопасности. Эти вызовы определяют приоритеты политики безопасности в сфере образования [64].

Также в Доктрине информационной безопасности констатируется наращивается информационного воздействия на российское общество, в первую очередь на молодежь, в целях размывания традиционных духовно-нравственных ценностей. В связи с этим одним из приоритетов политики информационной безопасности определена нейтрализация этого воздействия, а также информационно-психологического влияния, направленного на подрыв исторических основ и патриотических традиций, связанных с защитой Отечества [64].

Поскольку Россия все более активно интегрируется в мировое образовательное пространство, важнейшей задачей становится сохранение ее самобытности, ее культуры, менталитета и т. д. Как и на каких основаниях

впишется Россия в глобальный мир – это, по сути, вопрос, от решения которого зависит наше будущее [9, с.51].

Представляет отдельный интерес проблема соотнесения логики влияния мировых трендов на развитие высшего образования России с этапами становления и развития внешней политики в нашей стране. Обычно исследователи обращают внимание, прежде всего на внутренние, преимущественно институционально–правовые факторы в качестве критериев соответствующей периодизации. Так, например, в качестве этапов реформирования высшего образования России рассматриваются: этап адаптации (1992–2005 гг.), когда система образования испытывала на себе воздействие рыночных реформ, демократизации, децентрализации управления и других переходных процессов; этап модернизации (2005–2012 гг.), когда происходила интенсивная модернизация национальной системы образования и ее переход на международные (европейские) стандарты образовательной деятельности; этап интенсификации (с 2012 г.) обусловлен поисками ответа на демографический кризис, стремлением сгладить дисбаланс между рынком образования и рынком труда, а также задачами перехода от экстенсивной к интенсивной модели развития модели отечественного образования.

Согласно еще одной периодизации, предложенной Н.Н. Замошниковой, первый этап реформирования охватывает 1991–1992 гг.; второй этап, сопровождавшийся либерализацией и индивидуализацией образования и фактически его массовой имитации – 1993–1997 гг.; третий этап, связанный с изменениями подходов к финансированию и как следствие превращение сферы образования в зону социальной напряженности – 1997–2000 гг.; четвертый этап, отталкивающийся от принятия федеральной программы развития образования и национальной доктрины образования в 2000 г., получивших развития в концепции модернизации российского образования на период до 2010 г. Начало следующего этапа связано с присоединением России к Болонскому процессу в 2003 г. В этот период, продолжавшийся до 2010 г. формируется система профессиональных стандартов и система оценки качества образовательных услуг, в том числе

посредством участия в организации и проведения международных сравнительных исследований. Начало шестого этапа реформирования системы образования в России, Н.Н. Замошникова относит к 2010 г., полагая, что он продолжался и на момент публикации ее статьи, в 2016 г. Она отмечает, что в это время «глобальная конкурентоспособность российского образования стала главной целью образовательной системы» [70, с. 59 С], но при этом «главной проблемой остается социальная дифференциация и неравный доступ к качественному образованию» [20, с. 49–60].

Между тем, данные периодизации, отраженные в частности в работах Н.А. Луневой, Н.Н. Замошниковой [112, с. 17–20], хотя отчасти и учитывают воздействие факторов международной среды на образовательный процесс в России, тем не менее, определяются, прежде всего, датами принятия ключевых нормативных документов, таких как: Закон РФ «Об образовании» от 1990 г. и Закон «Об образовании в Российской Федерации» от декабря 2012 г. и др., однако логика воздействия мировых трендов на развитие образовательного процесса оказывается более сложной, а формальное принятие того или иного нормативного документа отнюдь не всегда свидетельствует о качественных сдвигах в процессах реформирования системы. Так например, формальное присоединение к Болонскому процессу далеко не сразу оказало прямой эффект на характер функционирования российского высшего образования, который стал проявляться лишь к 2008 –2010 гг., когда внутри самого Евросоюза, с одной стороны стал очевидным финансово–экономический и институциональный кризис, а с другой стороны усилилась критика в отношении собственно Болонской системы.

Дальнейшее нарастание деглобализационных процессов, импульсом к развитию которых стал кризис 2008–2010 гг., также сразу не отразился на образовательном процессе в России. Стоит обратить внимание, что уже на рубеже первого и второго десятилетий XXI в. отчетливо обозначилось расслоение в сфере учреждений высшего образования на явное меньшинство вузов, реально интернирующихся в европейское образовательное пространство и остающееся за

бортом этого интегрирующего процесса, большинство (речь идет, прежде всего, об основной массе региональных вузов, не имеющих возможности получить доступ к преимуществам интеграции, прежде всего из-за дефицита финансовых ресурсов). Тем не менее, несмотря на всю противоречивость участия России в Болонском процессе, вплоть до 2016 г. в образовательной политике доминировали либерально-глобалистские установки.

В условиях укрепления международной оппозиции однополярному гегемонизму США, особенно в период с 2014–2016 гг. внутри образовательной системы России происходят сложные, противоречивые процессы. С одной стороны государственная политика в сфере образования направлена на развитие патриотического воспитания, ограничение негативных внешних воздействий на образовательный процесс со стороны иностранных агентов и т.д. С другой стороны усиливается политическое противоборство между «глобалистами» внутри российского образования, отстаивающими прежний курс на неограниченную интеграцию в мировое образовательное пространство и их оппонентами, настаивающими на принципиальном изменении стратегических приоритетов, формировании независимой национально-ориентированной государственной образовательной политики и отказе от псевдореформаторской и псевдоинновационной деятельности, в немалой степени характерной для всех предыдущих этапов развития российской системы образования.

Учитывая вышеизложенное следует констатировать, что в 2016–2018 гг. российская образовательная система вступила в новый этап, сопровождающийся обострением политических противоречий, конкуренции интересов различных групп по вопросу дальнейшего пути реформирования высшего образования. Эта политическая борьба происходит в условиях западного санкционного давления на Россию, общего обострения международной напряженности и его преломления во внутривнутриполитической ситуации в стране. В этом контексте ситуация в процессе реформирования российского высшего образования остается весьма противоречивой, а ее развитие будет определяться результатами геополитического и геоэкономического соперничества России и Запада.

Согласимся с Д. Сорокиным, обратившим внимание на то, что «необходимо определение цивилизационной принадлежности России, так как любое национально–государственное образование может сохранить себя как особую целостность лишь в рамках той или иной цивилизационной самоидентификации» [165]. В этом контексте «России необходимо выработать такой путь развития, который соответствовал бы как объективным предпосылкам, так и интересам населения страны» [165].

Выявить возможности реализации подобного пути можно с помощью учения евразийцев. В соответствии с теорией евразийства, Россия – самостоятельная цивилизация, отличная от европейской (западной) и азиатских цивилизаций, и поэтому она должна развиваться на собственной основе. Между тем данный взгляд оспаривается современными «западниками», утверждающими, что Россия – часть (западной) европейской цивилизации, и она должна развиваться на этой цивилизационной основе. Определенную оппозицию евразийству составляет и «неославянофильство», с точки зрения приверженцев которого Россия – составная часть (ядро) особой славянской цивилизации, и она входит в цивилизационную орбиту государств с преимущественно славянским населением. Эти интеллектуальные и политические споры, уходящие корнями в XVIII–XIX вв., находят отражение и в различных подходах к вопросу о путях реформирования современного российского образования.

Вне зависимости от текущего соотношения сил между лагерями «западников», «евразийцев» и «неославянофилов», современная международная образовательная политика России определяется приоритетами внешней политики России в целом. А главным среди них является «постсоветское пространство и поддержка соотечественников за рубежом, в том числе создание благоприятных условий для поддержания партнерских отношений с Белоруссией и Казахстаном, развитие экономической интеграции в рамках ЕврАзЭС и ШОС, сопряжение интеграционных процессов в ЕврАзЭС с китайским проектом «Один пояс – один путь» и т.д. В этом контексте углубление евразийской интеграции призвано усилить роль России как «центра притяжения» в региональном образовательном

пространстве. Именно в этом регионе Россия обладает существенным преимуществом для привлечения иностранных учащихся (соотношение цены и качества образования, язык обучения, репутация университета, географическая близость)» [174].

Надо отметить, что у России есть положительный опыт в области академического сотрудничества в данных международных пространствах. К примеру, создание в 2008 г. сетевого университета стран СНГ, Шанхайской организации сотрудничества, где на паритетных началах ведется совместная работа между российскими, китайскими и казахстанскими университетами [174].

Сетевой университет БРИКС (СУ БРИКС) – был учрежден в ноябре 2015 года как объединение ведущих вузов стран участниц БРИКС для совместной реализации актуальных образовательных программ, подготовки преподавателей и ученых и проведения совместных научных исследований. Университет БРИКС создавался по схеме уже существующих университетов СНГ и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Одним из важнейших глобальных процессов является вхождение России в общеевропейское образовательное пространство. Этот процесс должен быть стратегически определен и осмыслен. Решение России о вступлении в Болонский процесс имело международно–политическое значение и фиксировало развитие европейского вектора России. Цель заключалась не только в модернизации российской системы высшего образования, но и во включении страны в европейскую образовательную инициативу.

Суммируя международные «за» и «против» участия России в Болонском процессе, М.А. Чепурина рассматривает данные параметры в трех измерениях: национальном, институциональном и индивидуальном [196]. На национальном уровне автор выделяет выгоды, которые получила Россия от вступления в Болонский процесс. Это «нахождение ответов, совместно с европейскими партнерами на вызовы глобализации в сфере образования, а также использование их опыта при реформировании российской системы; студенческая и академическая мобильность, а также приложение к диплому единого образца,

система академических кредитов ECTS и т.д., что способствует большей интернационализации, повышает конкурентоспособность российских вузов в мире; дипломы, понятные в большинстве стран; двойные дипломы и т.д. [196].

На институциональном уровне:

- повышение автономности вузов, уменьшение зависимости от Министерства образования;

На индивидуальном уровне:

- возможность формирования собственной траектории обучения посредством выбора предметов, сроков обучения и т.д. [196].

Мы считаем, что сегодня ни одна из перечисленных «выгод», полученных от участия России в Болонском процессе, не состоялась в полной мере.

Во-первых, сама модель ЕС имеет свои ограничения. Она не может играть роль по стабилизации мира во всём мире, поскольку международные организации оказались недостаточно эффективны. Поэтому понятие «силы» опосредуется современными вызовами, с которыми ни одна сверхдержава не в состоянии справиться в одиночку. Чтобы обратить его себе на пользу, университеты по обе стороны разделительной линии должны идентифицировать и устранить барьеры, мешающие естественным и достойным отношениям между Россией и ЕС [28].

Что касается поиска ответов на глобальные вызовы в сфере образования, то России действительно есть смысл использовать в своей образовательной политике элементы положительного зарубежного опыта, эффективные международные инициативы по достижению выдающихся результатов и повышению конкурентоспособности вузов. Опыт использования зарубежного опыта реформирования системы высшего образования был нами рассмотрен во второй главе данного диссертационного исследования. Из данного анализа, очевидно, что процесс разработки российской образовательной политики на государственном уровне не ограничивается использованием опыта европейских стран.

Масштабная академическая мобильность в рамках европейского пространства также не состоялась. Потенциал данной программы в России не удается использовать в полную силу по причине событий и конфликтов,

разворачивающихся за пределами академического мира. Начавшаяся в 2014–2015 гг. санкционная политика по отношению к России не могла не сказаться на международное сотрудничество в области высшего образования.

Динамика мобильности российских студентов в вузы стран Европы, начиная с 2000–х гг. претерпевала изменения, и на сегодняшний день обмены студентами и преподавателями из России проходят ассиметрично по отношению к коллегам из-за рубежа (см. приложение №2). «В общенациональном масштабе высшее образование в Российской Федерации получают более 226 000 иностранных студентов, что соответствует 3% от общего числа студентов вузов страны. В то же время, по сравнению со странами ОЭСР (6%) лишь 0,8% российских студентов обучаются в зарубежных вузах» [162].

Произошли изменения в структуре направлений экспорта российского образования, что характерно иллюстрируют диаграмма:

Рисунок 1. Численность иностранных граждан, обучавшихся в российских вузах по очной форме в 2014/2015 академическом году, по странам происхождения, тыс. чел., %

Во времена СССР наибольший поток иностранных студентов мы получали из восточноевропейских и балканских стран (более 33% всего контингента иностранных студентов), сейчас это направление почти утеряно (1,5%) – в

рейтинге регионов–поставщиков студентов для отечественных вузов это направление сместилось с 1–го на 6–е место [18].

Трансформация национальных систем в рамках Болонского процесса определяется также необходимостью предоставить возможность национальным и интернациональным студентам получать документы о высшем образовании, конвертируемые в международном масштабе.

Кроме этого, парадигмальные изменения, которые принес за собой Болонский процесс, вызвал целый ряд вопросов со стороны академического сообщества. В этом случае, мы согласимся с М.А. Чепуриной– от сотрудников российских вузов ожидалась работа на «общественных началах», например по пересчету часов на кредиты, консультированию студентов , составлению индивидуальных образовательных программ и т.д. [196].

Среди ученых разворачивается дискуссия по поводу целесообразности двухуровневой болонской системы, которая, по их мнению, ориентирует на выпуск из бакалавриата специалистов узкого профиля, не владеющих фундаментальными основами специальности, слабо готовых к условиям профессиональной мобильности, к самостоятельному профессиональному росту [104].

С другой стороны, по мнению ректора Высшей школы экономики Я.И.Кузьмина, учитывая сложное состояние, в котором находятся производственные квалификации в нашей стране, нам необходим переход к прикладному бакалавриату. В первую очередь это необходимо для поднятия социального статуса квалифицированных рабочих, их конкурентоспособности [103]. Задача прикладного бакалавриата – сделать так, чтобы вместе с дипломом о высшем образовании молодые люди получали полный набор знаний и навыков, необходимых для того, чтобы сразу же, без дополнительных стажировок, начать работать по специальности.

Скорее всего, следует внимательно отнестись к опыту зарубежных университетов, трактующих степень магистра как высшую ступень

профессиональных компетенций, применимых в реальной практической деятельности, обозначенную направлениями и профилями образования [82].

3.2. Моделирование политики реформирования высшего образования на уровне университета

Сегодня главным субъектом политики реформирования высшего образования является государство. Однако в этом процессе уже активно участвуют и международные организации соответствующего профиля и само гражданское общество. Надо понимать, что сменилась парадигма высшего образования, что не смогло сказаться на новых вызовах университету. Пришло понимание, что реформа – это, собственно, изменение социальной культуры людей, обеспечивающая изменение их социального поведения, а значит в итоге и качественного изменения в обществе. Значимость «социального капитала» и «человеческого фактора» многократно возросла. Это обусловливается тем, что формирующееся информационное, знаниевое общество характеризуется перемещением источников и движущих сил социально–экономического прогресса из материальной в интеллектуальную сферу. Высшее образование вынуждено реагировать на этот процесс и ответить на принципиальный вопрос: оно удовлетворяет общественные потребности или способно на большее – формирует будущие общественные возможности.

Современные реформы высшего образования невозможно осуществлять вне контекста объективно протекающих глобальных процессов. Однако надо отдавать себе отчет в том, что развитые страны предлагают свой проект глобализации, в который вмонтирован и процесс реформирования высшей школы по ими же предлагаемому образцу. При этом возможна потеря не только национального суверенитета, но и культурной самобытности. А ведь система образования как раз и является ключевым механизмом социализации, воспроизводства и развития культуры.

Чтобы сформулировать общие принципы реформ, механизмы их осуществления, определить ключевых субъектов и выгодополучателей, в первую

очередь следует ясно понимать не только общество, в котором намечается проведение реформ, но и общемировой контекст. Это означает выявить новую социальную парадигму, которая, безусловно, предопределяет образовательную парадигму. Без этого сложно сложить матрицу политики реформ современного университета.

Но прежде разъясним, какой смысл мы вкладываем в это понятие. Общее прототипическое значение слова «матрица» — исходная, материнская форма. Именно в этом смысле мы хотим представить результат нашего исследования — матрицу реформ современного университета, как совокупность необходимых предпосылок, условий, требований, субъектов реформ с ясными целями и задачами и механизмами их достижений и реализации.

Мы выбрали образ матрицы как возможную модель политики реформ. Элементы ее мы рассмотрим ниже. Мы осознаем, что они трудно формализуемы. Однако мы и не ставим такую задачу. Как результат нашего исследования мы видим всего лишь качественную модель. Однако она, на наш взгляд, вполне эвристична, то есть открывает возможности дальнейшей формализации и количественного, а не только качественного описания и анализа. Тем более, что такие попытки и достаточно успешно уже используются в наукометрических исследованиях деятельности университета.

Новая парадигма и новый тип университета. Напомним, что новая социальная парадигма задана объективно, и она в первую очередь характеризуется глобализацией и информатизацией. Их мощное воздействие привело к изменению самого общества. Это воздействие по своим последствиям можно сравнить с теми кардинальными изменениями, которые произошли в эпоху Возрождения и Научной революции. Первая внесла идею гуманизма в средневековый университет, а вторая — идею просвещения, которая стала флагом секуляризации, индустриализации и урбанизации Европы. Такие социальные изменения протекают сложно и болезненно, так как ведут к коренным изменениям в обществе.

Но если предыдущие процессы протекали в определенных регионах и постепенно распространялись на другие, то в случае с глобализацией и информатизацией мы наблюдаем качественно иные процессы: транснациональные и динамичные. А уровень заложенных противоречий на порядок выше, так как, с одной стороны в процесс вовлекаются крайне разнородные регионы и страны, а, с другой, сохраняется огромный разрыв между развитыми и развивающимися странами. Одни производят знания и передовую технику и технологию, а другие только потребляют ее.

Трансформация форм социальной коммуникации преобразовало саму социальную структуру. Ее иерархизация, в настоящее время, активно дополняется сетевой формой коммуникации и управления. «Но за университетом сохраняется статус института, обеспечивающего универсальное, целостное образование, и у него есть все основания открыться миру и строить самые широкие и разнообразные коалиции:

- образовательные – сотрудничать с другими образовательными структурами, как по вертикали образовательной системы, так и по горизонтали – входить в различные образовательные ассоциации, сети и холдинги, в том числе и международные;
- исследовательские – формировать самые разнообразные научные группы для реализации конкретных исследовательских проектов;
- социальные – работать с локальным сообществом и общественными организациями;
- экономические – создавать смешанные научно–практические группы для реализации бизнес–проектов;
- политические – для продвижения в социальную жизнь своих гуманитарных и социальных ценностей, лоббирования своих институциональных интересов;
- культурные – как для развития и презентации своей уникальности, так и для кросс–культурной адаптации разных культурных групп прямо или косвенно включенных в образовательный процесс» [48, с. 15].

Государство, привыкшее к первой форме, активно ищет возможности адаптации к новым условиям. Отсюда потребность взаимодействия с гражданским обществом. Применительно к реформам университета – это трансформация в коллективный субъект политики в этой сфере: государство, бизнес, гражданское общество, международные организации.

Изменяется и внутренне содержание самого общества. Оно становится не только постиндустриальным, то есть преодолевающим индустриальный тип производственных отношений, но, что куда важнее, информационным. У него появляется новое содержание, которое качественно другое, хотя бы по тому, информация – это принципиально иной ресурс, использование которого не уменьшает, а только расширяет его возможности. Общество, активно использующее этот ресурс, имеет серьезный шанс стать знаниевым. Однако это уже качественно иной уровень развития). Переход к нему не вытекает объективным образом из отмеченных предпосылок. Для этого общество должно быть способным к модернизации и на этом пути реформа университета есть ключевой механизм для достижения отмеченной цели.

Хотя доминирующие позиции государства в социальной сфере современного общества подвергаются диффузии, его ключевая роль в управлении социальной жизнью сохраняется. Аналогичный вывод можно сделать относительно роли университета. Образование, которое он дает, сохраняет свою значимость как социальное благо, несмотря на трансформацию его в форму услуг, сегмент которых динамично растет на глобальном рынке. Наряду с этим моментом, приходит понимание расширенной роли образования. Оно уже не сегмент социальной жизни, а растворено в самой жизни, так как появились новые возможности получения знаний на протяжении всей жизни и эти возможности не ограничиваются формальной системой. Как мы уже отметили выше, ее активно теснит неформальная система. И это тоже характеристика новой социальной парадигмы, которая должна быть учтена в новой образовательной парадигме: университет главный, но уже не единственный субъект на поле предоставления высшего образования. Но в отличие от других субъектов за ним сохраняется

социальная обязанность и ответственность, сохраняя традиции быть проводником инноваций, механизмом обеспечивающим модернизацию общества в широком смысле.

Такая парадигма несет на себе печать постмодернизма с его принципиальной сменой единственной истины, на возможность различных интерпретаций. Шире это значит, что произошла смена одной культурной эпохи – другой (У. Эко). На языке образовательной парадигмы – это означает, что нет «истины» в последней инстанции ни в лице государства, ни университета. Социальное благо должно трансформироваться в социальный капитал гражданского общества, которым может эффективно воспользоваться бизнес для экономического роста, инноваций, партнерских сетей.

Написанное возможно покажется очевидным после проведенного исследования, но это не так по тем результатам, которые мы наблюдаем в реальной практике социальной жизни и реформ. Прямо или косвенно в них доминирует подход экономоцентризма, когда предполагается, что именно рост экономики ведет к прогрессу в других сферах социальной жизни, в том числе в развитии университета как социального института. Новая парадигма свидетельствует о том, что здесь нет первых и последних оснований. Все сферы социальной жизни находятся в перманентном взаимодействии, которое и порождает объективным образом те макрорегуляторы, которые ведут к принципиальным изменениям на всех уровнях социальной, в том числе и экономической, жизни соответственно.

Новая парадигма образования должна, прежде всего, ответить на вопрос о культурной миссии университета. Очевидна, что она изменилась, так как изменилось само общество. Поиск и формулирование этой миссии не столь очевиден, как может показаться на первый взгляд. Однако, то, что миссия важный элемент матрицы реформы университета, положение бесспорное.

В миссии в свернутом виде заложена цель реформы. А она заключается в смене социокультурных параметров, собственно формирования новой культуры

поведения. Миссия университета «в формировании нового образа страны, равно как и образца жизни в ней».

«Мы должны ясно осознавать, что создается не только новый тип хозяйствования, но и тип культуры, и образ жизни. У университета нет выбора. Он не может выйти из игры, которая называется жизнью культуры. В этом смысле можно говорить о гражданской ответственности университета как о его гражданской, государственной, национальной миссии. Университет становится не только местом формирования гражданственности, но важной характеристикой его миссии становится такое влияние на общество, которое придает ему новое качество – быть гражданским» [48].

Миссия университета определяет его стратегию, как движение к обозначенной цели. В свою очередь она дополняется соответствующими программами: научно–исследовательской деятельности; дистанционного образования; создания системы дополнительного образования; маркетинга образовательных услуг; мультикультурного образования; развития научной библиотеки; проектной деятельности и др.

Современный университет в контексте новой парадигмы имеет все шансы стать «пятой властью». «Интеллектуальный город» с функциями социального обслуживания региона имеет все шансы претендовать на такую роль. Здесь вопрос не в скромности или амбициях, а поиска своего места в изменившихся условиях. Любой даже региональный университет имеет шанс изобрести свое ноу–хау и, тем самым, быть интересным «*urbi et orbi*».

Если глобализация бросает вызов университету, самому его существованию, то диалектика столь сложного процесса порождает и возможности ответа на эти вызовы, а именно, регионализацию. Она открывает новые перспективы в формулировании миссии. Университет должен научиться руководствоваться новым принципом в собственной самоорганизации деятельности: мыслить глобально – действовать локально и интернационально.

Проведенный анализ дает возможность выдвинуть методологическое предположение о том, что перспектива развития университета все же не

глобализация, как нивелирование национальных особенностей, а интернационализация, как взаимодействие и сотрудничество университетов на международном уровне. Это методологическое утверждение принципиально. Оно ложится краеугольным камнем в основание новой парадигмы развития университета. Мы уже отмечали, что объективный процесс глобализации преобразован в геополитический англосаксонский проект доминирования навсегда. Чтобы уйти от него, сохранить национальную самобытность университета, функционирующего, прежде всего, на удовлетворение региональных и национальных интересов и потребностей, необходимо уйти от проекта глобализации как единого стандарта университета как корпорации, занятой исключительно зарабатыванием денег на глобальном рынке образовательных услуг.

Именно, интернационализация позволяет сохранить возможность сотрудничества на международном уровне, избежать самоизоляции и отсталости. Она позволяет воспользоваться и возможностями зарабатывания на глобальных рынках и поддерживать высокое качество образовательных услуг за счет корреляции их с качеством образования у своих международных партнеров. Отношения субъектов политики реформ становятся более демократичными и эффективными. Но при этом интернационализация дает возможность сохранить свою национальную самобытность и быть интересным миру.

Векторы будущего развития университета

В настоящее время просматриваются следующие основные векторы развития современного университета. За основу приводимых ниже сценариев нами взяты сценарии развития высшего образования, предложенные секретариатом ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития).

***Вектор 1.* Университет как открытое сетевое взаимодействие.**

Университет рассматривается как открытая сетевая площадка взаимодействия всех заинтересованных субъектов: преподавателей, студентов, государственного аппарата, бизнеса, организаций гражданского общества,

родителей. Этот перечень будет только расширяться, становиться более разнообразным и даже неожиданным. Не исключено, например, что в него войдут творческие союзы. Такое взаимодействие скорее предполагает сотрудничество, чем конкуренцию.

Вектор 2. Университет как центр регионального развития.

Этот сценарий весьма перспективный. Так как в реальности миссия университета коррелируют с потребностями развития региона. Далекая цель университета мирового уровня для подавляющего числа университетов практически недостижима. У них для этого просто нет необходимых ресурсов. Но стать центром интеллектуального, научного, культурного развития региона, местом формирования общественного мнения вполне достижимая задача. Таким университетом, например, в Крыму призван стать Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского.

Университет сегодня начинает выполнять как прежние, так и новые роли. Первая роль: сопоставительный анализ деятельности ведущих отечественных и зарубежных вузов показывает, что университет может стать социально значимой площадкой для обсуждения проблем развития регионов, местом междисциплинарного и широкого общественного диалога, центром долгосрочного прогнозирования [159, с.228]. Указанные тенденции, в свою очередь, приводят к значительным институциональным изменениям и трансформации роли вуза в развитии региона. Вторая функция университета как центра развития региона – генерирование новых знаний, идей и инициатив, «фабрика мысли» и т.д.

Сегодня мы «имеем дело не только с «новым Крымом», но и с «новой Россией». К которой предъявляются и в еще большей степени будут предъявляться качественно новые требования, извне и изнутри, ставиться новые задачи, что предполагает новую политику, средства и методы, кадры (с новыми свойствами и мотивациями), новый образ России» [78].

Третья функция – подготовка, и, что не мало важно, закрепление квалифицированных кадров в регионе. Четвертая – аккумулярование научно-технического потенциала регионов.

Сегодня особенно проблемным в отношении котируемых документов о высшем образовании, является вопрос дипломов, выдаваемых в Крыму. Данная проблема может решаться реализацией программ двойного диплома совместно с российскими вузами. В рамках международной деятельности вузов Крыма, проблема, вытекающая из факта непризнания Крыма как части России, – резкое сокращение возможностей для академической мобильности в рамках европейского пространства, стажировок студентов и преподавателей. Тем не менее, дальнейшее участие Крыма в межгосударственных образовательных пространствах может осуществляться в рамках сотрудничества со странами СНГ, ЕврАзЭС, ШОС и т.д.

Вектор 3. Университет как форма общественно–государственной ответственности.

Университет – место, где не только готовятся высокопрофессиональные кадры, но и формируется гражданственность. В его управлении участвуют все заинтересованные субъекты, так же как становятся разнообразными источники его финансирования. Ищутся новые формы стимулирования деятельности всех субъектов, вовлеченных в учебный процесс.

Вектор 4. Университет как корпорация.

Этот сценарий сейчас в основном разворачивается в англосаксонской модели университета. Но даже она начинает трансформироваться в сторону использования огромного исторического опыта классического европейского университета с ясно обозначенной социокультурной миссией. Глобальная конкуренция на рынке образовательных и исследовательских услуг быстро исчерпывает накопленный ресурс, перенятый у классического университета, и корпоративный университет, успешный на рынке, вынужден будет вернуться к классическим истокам университета или превратится в магазин образовательных услуг.

Каждый из отмеченных векторов отражает одну из ключевых доминант развития университета. Матрица политики реформ, безусловно, вбирает в себя эти доминанты, но вопрос их совмещения, сопряжения остается на выбор субъектов реформирования в реальных условиях конкретной страны. Матрица политики реформ представляет собой всего лишь модель, которой надо придерживаться. Однако конкретные параметры данной матрицы имеют определенный интервал и окончательное значение того или иного показателя зависит от социального, культурного, политического, экономического, контекста реформ в конкретной стране.

Нам представляется, что обозначенные векторы – всего лишь некие идеализации тех или иных важнейших процессов, которые кардинальным образом влияют на его развитие в современных условиях. Конкретные условия реформ в разных странах будут складывать свою композицию параметров преобразований и, как следствие, будет реализовываться свой сценарий развития. Возможно, что он даже в чем-то будет совпадать с обозначенными выше, но скорее всего он будет обрастать своими специфическими региональными особенностями.

Это обусловлено тем, что основная масса университетов сохраняют свой региональный характер. Данное обстоятельство нельзя рассматривать как некую отрицательную характеристику университета. Наоборот именно такие университеты и способны обеспечить массовый характер современного образования.

Мы считаем, что оптимальный путь развития российского университета может состоять из следующей композиции параметров:

1. Вхождение в международные ассоциации, союзы, объединения – настоятельная потребность. Это своеобразный механизм «самонастройки» через приобщение к референтной группе университетов. Политика «изоляции» или «закрытая» образовательная система может иметь отрицательные последствия.

2. Перспективным является взаимодействие в образовательной сфере России на уровне межгосударственных пространств: Содружества Независимых

Государств (СНГ), Евразийского Экономического Сообщества (ЕврАзЭС), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), БРИКС.

3. Несмотря на нецелесообразность введения ряда положений, а также несостоятельность основных положений Болонского процесса (мобильность, признание дипломов, автономия вузов и т.д.) выход из Болонской системы в современной политической обстановке может отрицательно повлиять на имидж страны.

4. Цель создания университета мирового уровня для подавляющего числа российских университетов практически недостижима. Вполне достижимая задача – стать центром интеллектуального, научного, культурного развития региона, местом формирования общественного мнения. Задача университета – мыслить глобально, действовать локально и интернационально.

5. Роль высшей школы – не только обеспечение социального благополучия и конкурентоспособности на международном уровне, но и обеспечение безопасности государства посредством политики «мягкой силы». Задача высшей школы – формирование привлекательного образа страны в условиях глобальной конкуренции, продвижение своих национальных интересов на мировой арене.

6. Международное сотрудничество – приоритетное направление деятельности университета, фактор, играющий значимую роль в современной мировой дипломатии.

7. Необходимо повышение качества образования и образовательного уровня выпускников. Бакалавриат должен выпускать специалистов, владеющих фундаментальными основами специальности, готовых к условиям профессиональной мобильности, к самостоятельному профессиональному росту. Массовость прикладного «бакалавриата» и элитарность «магистратуры» и «аспирантуры» (как уровня подготовки научно–педагогических кадров), возможно, решит проблему «некачественных» и не востребованных на рынке труда выпускников вузов.

8. Инновационная деятельность, узкопрофильная специализация, дисциплинарные научные достижения могут стать рычагом повышения привлекательности российского образования.

Идея корпоративного университета как часть западного образца развития образовательной политики государства превращает его в магазин образовательных услуг и является детищем глобализации, постнационализма, и прежде всего такой ее черты, как ослабление национальных государств. В этом контексте ее следует воспринимать осторожно, и российский университет не должен исключать гуманитарную составляющую, а задача социализации и формирования гражданственности должна оставаться одной из его основных задач.

Мы разделяем точку зрения Т. Иглтона – нуждам общества больше соответствовал бы поиск действительно эффективной модели университета, а не копирование неолиберальных шаблонов в университетской сфере [75].

На пути к решению образовательных сложностей, руководящий орган Российской Академии политической науки (АПН) предлагает, в первую очередь, концептуальное изменение понимания образования, а именно «возвращение образованию статус института не только обучения, но и социализации, пересмотрев, в частности, понимание образования как услуги». Таким образом, предлагается внести изменения в действующий Закон об образовании Российской Федерации – статья 99 ФЗ №273 [132].

Соглашаясь с авторами в их выводах, очевидно также, что университет сегодня как никогда нуждается в политической поддержке. Современное государство встает перед необходимостью менять образовательные системы. Государственная политика призвана к созданию конкурентоспособного образования, и как подчеркивал Э.Тоффлер «образования в будущем времени» [175].

Параметры матрицы университета. Если подводить некоторый итог ранее проведенного исследования, то можно выделить следующие параметры

политики реформирования университета, то есть описать элементы нашей матрицы.

1. Нормативно–правовая организация деятельности университета.

Она должна отражать и учитывать:

- доступность образования любого уровня;
 - приоритет национальных интересов;
 - международные договорные отношения, их системность и единство в гармонизации с внутренними правовыми и нормативными актами;
 - минимизацию норм, регулируемых органами управления государства;
- расширение академических свобод и общественного регулирования образования.

В современную эпоху стратегия реформирования университета как на содержательном, так и на организационном уровне требует новые ответы на классические вопросы: кому учить? кого учить? когда учить? как учить? где учить? чему учить?

2. Обеспечение и контроль за качеством образования. Для этого должна строиться специальная система контроля качества. Она может быть государственной, общественной, независимой профессиональной, смешанной. Главное, чтобы в условиях конкретной страны она была эффективной, и объективный мониторинг подтверждал это.

3. Конкурентоспособность университета. Этот параметр рассмотрен нами достаточно подробно в предыдущих разделах, также как и следующий. Тем не менее, не будет излишним снова отметить необходимость учитывать международные стандарты и тенденции.

4. Академическая мобильность. Мы исследовали данный достаточно подробно в Приложении 2. Одним из наиболее заметных аспектов высшего образования в мире является мобильность академического сообщества. Поток студентов, вовлеченных в процесс обменных программ, является отражением национальных и институциональных стратегий, а также личных решений студентов во всем мире. Университеты и академические системы разработали собственные стратегии, позволяющие им пользоваться преимуществами новой

глобальной среды. Некоторые университеты в неанглоязычных странах ввели у себя программы на английском языке для привлечения студентов из-за рубежа. Университеты установили партнерские связи с учебными заведениями в других странах с целью организации предложения степеней и академических программ, ведения научно-исследовательских проектов и сотрудничества в различных направлениях [20].

Так, значимость академической мобильности в Европейском Союзе увеличивается с каждым годом, и на сегодняшний день является ключевым моментом в стратегии развития образования. Об этом свидетельствует Болонская декларация, одной из основных положений которой является развитие мобильности учащихся и расширение мобильности преподавательского и иного персонала университета. В 2010 году на собрании министров образования в Будапеште и Вене была принята новая стратегия создания единого образовательного пространства до 2020 года. Европейскими министрами, ответственными за высшее образование, была провозглашена следующая задача: «Мы призываем каждую страну повышать мобильность, чтобы обеспечить высокое качество и разнообразить виды и сферы его применения. В 2020 году, по крайней мере, 20% тех, кто получил в европейском пространстве высшее образование, должны иметь возможность пройти стажировку или исследование за рубежом» [89].

Тенденции, проявляющиеся в системе образования России в области академической мобильности не соответствуют передовым европейским системам образования, что наглядно иллюстрирует приведенное нами исследование (см. приложение №2).

Из-за недостаточности средств очень часто в реальной практике реформ этот параметр часто игнорируется или перекладывается на преподавателей и на их личную ответственность. По сути, таким образом, выносятся из политики реформирования вуза, что недопустимо. Все параметры взаимосвязаны, взаимообуславливают друг друга. Ущербность одного неминуемо ведет к ослаблению других. Срабатывает принцип домино.

5. Кадровый потенциал университета. Этот параметр важен тем, что меняется не только роль преподавателя в учебном процессе. Она начинает совмещать в себе две функции: эффективного менеджера, обучающего студентов ориентироваться в быстро растущем объеме знания и практически ими пользоваться, и исследователя, способного показать и научить, как получать новые научные знания самостоятельно. Кроме того, изменившиеся условия дают возможность преподавателю не быть привязанным всю жизнь к конкретному университету. Он мобилен и свободен в выборе университета, где его знания и умения будут достойно оценены и востребованы.

6. Исследовательский потенциал университета. Этот параметр связан с предыдущим в уже описанном отношении, но у него есть и другая важная функция. Он дает возможность университету зарабатывать дополнительные ресурсы для своего развития. Для решения задач развития региона – это вполне практически реализуемая задача. Однако для решения фундаментальных проблем необходима международная кооперация не только университетов, но и государств, так как такие исследования требуют на порядок больший объем финансирования.

7. Управление современным университетом. По сути, директивная система управления университетом уступает атлантической и континентальным моделям, которые все больше конвергируют. И складываются общие фундаментальные принципы существования и управления университетом:

- сохранение феномена университетской культуры, как гуманитарной некоммерческой потребности и миссии;
- плюралистические, основанные на демократии, внутриуниверситетские отношения;
- они обусловлены характером научных исследований, в получении, хранении и трансляции которых заключается особая роль университета как социального института;

- коммерциализация деятельности университета – расширение образовательных услуг на платной основе, что ведет к формированию маркетинговых стратегий;
- развитие внутреннего управления, эффективность которого определяется по объективным критериям мониторинга.

8. Информатизация. «Сегодня коммуникационные технологии становятся средством, формирующим тип хозяйствования, культуры, образа жизни. Университет должен стать источником содержательной информации, чтобы занять свое место в коммуникационном графе. Научный, объективный характер этой информации придает ей ценность, что и позиционирует университет в социальной, политической, экономической, культурной жизни страны и региона. Только в этом случае университет становится интересным населению, а его гражданская позиция способна влиять на формирование проекта совместной жизни в регионе» [47]. Информатизация охватывает весь университет в целом: преподавание, управление всеми подразделениями как единой информационной системой, по сути речь идет о создании информационной среды.

9. Экономика университета. Экономическая стратегия развития современного университета должна учитывать новые условия глобального рынка. Необходима не только диверсификация источников финансирования вуза, но и осознание разнообразия самих этих ресурсов. К ним относятся не только финансовые и материальные, но и символические, имидживые, брендовые. Если с коммерциализацией образовательных и научно–исследовательских услуг университеты знакомы и даже активно осваивают новые формы хозяйствования, то относительно продвижения бренда этого не скажешь.

Бюджетирование университета требует новых подходов. Каким оно станет пока неясно. Используются разные модели, которые еще должны показать свою эффективность. Возможно, что окончательная форма будет смешанной, такие тенденции уже наблюдаются.

10. Мониторинг. Особо следует учесть в матрице реформ такой важный параметр как мониторинг и оценка. Отсутствие соответствующих механизмов

превращает реформу в прожект. В рамках программы «Знания для развития» (KnowledgeforDevelopment – K4D) Всемирным банком разработана методика, дающая возможность оценить готовность конкретной страны к переходу на знаниевую модель развития университета. Эта методика включает сто девять показателей, объединенные в четыре группы ключевых параметров [33, с.37].

Мы считаем, что в различных методиках выбранные параметры могут различаться. Не столь принципиально, какие именно показатели будут задействованы в мониторинге, важно другое – насколько они презентуют объективную позитивную картину перемен.

Таблица 1. Приоритеты международной образовательной политики в структуре матрицы реформирования университета

Параметр матрицы университета	Содержание
<i>Нормативно–правовая организация деятельности университета</i>	– увязка международной образовательной политики университета с положениями Концепции внешней политики, Стратегии национальной безопасности, Доктрины информационной безопасности, другими документами в области внешней политики и политики безопасности; – правовое обеспечение реализации университетской автономии и структурной целостности университета; – договорно–правовое обеспечение развития международных академических связей; – регулярная инвентаризация договорной базы международного сотрудничества; – международно–правовое сопровождение разработки и реализации совместных образовательных программ
<i>Обеспечение и контроль за качеством образования</i>	– совершенствование международных образовательных программ путем непрерывного самообследования и планирования; – создание эффективной системы независимого и комплексного международного контроля качества; – регулярное проведение экспертных оценок качества международных

	образовательных программ и своевременная реакция на результаты экспертиз
<i>Конкурентоспособность университета</i>	– формирование бренда вуза и его продвижение за рубежом; – создание уникальной и выгодной позиции, основанной на осуществлении видов образовательной и научной деятельности, отличных от видов деятельности конкурентов; – глобальное позиционирование университета через эффективную представленность в онлайн–среде; – интеграция в международные университетские сети; – учет региональной специфики при выработке и реализации международной образовательной политики; – обеспечение международного признания дипломов и квалификаций выпускников; – обеспечение доступности международных образовательных программ; – ответственность за процедуры доказательства качества предоставляемых услуг; – вовлеченность в крупные международные научные и инновационные проекты, реализуемые на базе консорциумов вузов и научных центров; – обеспечение системного взаимодействия с иностранными выпускниками по линии ассоциации выпускников
<i>Академическая мобильность</i>	– поиск зарубежных партнеров, заинтересованных в реализации академической мобильности; – организация совместной подготовки специалистов («2+2», «3+1», «двойные дипломы» и т.п.) – своевременный доступ к информации о международной академической мобильности; – обеспечение гибкости проектирования международных образовательных программ;

	– разработка и внедрение методик оценки экономической эффективности академической мобильности
<i>Кадровый потенциал университета.</i>	– привлечение успешных высококвалифицированных преподавателей и исследователей из-за рубежа, с учетом обоснованных прогнозов динамики кадровой ситуации; – развитие международных обменов в области переподготовки и повышения квалификации научно-педагогических кадров; – организация обучения преподавателей иностранным языкам, на уровне, позволяющем обеспечить приемлемые международные контакты
<i>Исследовательский потенциал университета</i>	– стимулирование развития международной кооперации в области фундаментальных и прикладных исследований по широкому спектру направлений, в т.ч. формирования международных научных школ; – участие в подготовке научных кадров высшей квалификации для иностранных государств; – стимулирование международной публикационной активности преподавателей и научных сотрудников; – обеспечение международного признания и защиты интеллектуальной собственности; – подготовка совместных заявок на конкурсы грантов по международным проектам; – обеспечение оптимальной степени академической свободы при проведении исследований
<i>Управление современным университетом</i>	– обеспечение институциональной автономии при управлении, поддерживающем стратегическое лидерство; – развитие внутреннего управления, эффективность которого определяется по объективным критериям мониторинга; – системность планирования и реализации планов международного сотрудничества;

	– стимулирование инициативы преподавателей и сотрудников в разработке международных образовательных программ
<i>Информатизация</i>	– вхождение в глобальное информационное поле; – создание системы эффективного информационного сопровождения и рекламы международной деятельности университета; – обеспечение рационального использования возможностей информационно–коммуникационных технологий в рамках международной образовательной кооперации и экспорта образовательных услуг
<i>Экономика университета</i>	– развитие взаимодействия университета с внешней средой с целью диверсификация источников финансирования вуза; – наращивание доходности международных образовательных программ; – увеличение доли экспорта образования в структуре доходов университета; – обеспечение прозрачности движения финансовых ресурсов; – расчет эффективности внедрения инноваций, направленных как на усовершенствование образовательного процесса и международной деятельности.
<i>Гуманитарная миссия</i>	– сохранение феномена университетской культуры, ориентированной на удовлетворение гуманитарной некоммерческой потребности и миссии; – формирования нравственной, высокоинтеллектуальной и физически здоровой личности, стремящейся к саморазвитию и самореализации – создание условий для опережающей подготовки интеллектуальной элиты на основе интеграции образовательного процесса, фундаментальных исследований и инновационных подходов
<i>Мониторинг</i>	– эффективная внешняя оценка государственными органами и/или

	общественными организациями; – мониторинг соответствия качественных характеристик образовательных услуг, предоставляемых учреждением, запросам потребителей и их представителей; – организация сбора и регулярного обновления статистических данных по иностранным выпускникам и их дальнейшей профессиональной деятельности.
--	--

Очевидно, что нами представлены контуры матрицы политики реформ на уровне университета в описательной форме. Нам видится, что она может быть формализована. Однако на данном этапе и, исходя из целей нашего исследования, мы остановимся на такой форме ее презентации. Она уже позволяет в сравнении с политикой в той или иной стране делать заключения о том насколько они могут быть успешны. Другими словами, матрица есть необходимое, но, конечно, не достаточное условие реформы. Достаточность определяется позитивными ее результатами, то есть самой практикой.

Выводы по третьей главе:

Политика реформирования системы высшего образования – это процесс создания и реализации такой ее модели, которая отвечала бы глобальным вызовам XXI века. Становится все более очевидным, что реформа образования превращается в политическую общенациональную задачу, суть которой в повышении качества человеческого капитала страны и формирование ее будущих общественных возможностей. Рассмотрев политику реформирования высшего образования в России, отметим следующее:

1. Мировые тренды развития и порождаемые ими векторы трансформации высшего образования определяют вызовы и тенденции развития национальной системы высшего образования России, проявляющиеся в следующих аспектах: инициативы в области финансирования вузов, меры в области эффективного

управления и контроля качества; инновации и коммерциализация разработок; достижение критической массы ученых посредством мер по объединению и модернизации существующих вузов; развитие международной академической деятельности вузов; укрепление «мягкой силы» в политике в сфере высшего образования в России; секьюритизация российского образования.

2. «Миф российской самодостаточности», подталкивающий к продвижению идеи построения в современных условиях «закрытой» образовательной модели, в современных условиях оказывается контрпродуктивным». Все передовые образовательные модели мира основаны на совместной работе в международных проектах, и российская высшая школа при всей ее национальной специфике, развивается сегодня в системе координат общемирового образовательного пространства.

3. Приоритетные направления внешней политики России – развитие интеграции в рамках ЕврАзЭС, СНГ, ШОС, БРИКС, создание образовательных пространств в рамках данных регионов.

4. Преимущества участия в Болонской системе не реализованы в полной мере ни на национальном, ни на институциональном, ни на индивидуальном уровне; Тем не менее, следует учитывать, что решение о вступлении России в Болонский процесс в 2003 г. носило политический характер. Сегодня отказ от данной системы, в условиях существенных трансформаций и осложнении международного взаимодействия России с рядом стран может привести к понижению имиджа страны.

5. Свой отпечаток на систему высшего образования положил начатый в 2014 г. санкционный процесс, а также политические события и конфликты, разворачивающихся за пределами академического мира. Особенно остро изменения стали ощутимы для системы высшего образования в Крыму. С одной стороны, принятые государственные решения были направлены на формирование в Крыму крупного конкурентоспособного образовательно–научного комплекса в виде Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, а с другой

стороны – западные санкции сдерживают его развитие и интеграцию в мировое образовательное пространство.

6. России необходима эффективная, открытая, привлекательная на международном уровне, выдающая дипломы, понятные в большинстве стран, система высшего образования, способная конкурировать на мировом рынке образовательных пространств. При этом важнейшая задача России в контексте интеграции в мировое образовательное пространство – обеспечить условия и гарантии сохранения ее самобытности, культуры, менталитета, а также педагогических традиций.

7. Цель реформы – новое качество образования, подготовка профессионально обученного выпускника с личностной позицией, открытого современному глобализированному миру и происходящим в нем изменениям. Очевидно, что университет должен иметь ясное представление модели такого выпускника посредством формулировки совокупности соответствующих компетенций, трансформированных в личный профессиональный и социальный капитал.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стремительные и динамичные глобальные трансформации, происходящие в современном мире, обусловили возникновение целого комплекса мощных вызовов сложившейся системе высшей школы и, в частности, университету как ее главному субъекту. Общие тенденции мирового развития – ускорение темпов развития общества, расширение возможностей политического и социального выбора [139] вызывают необходимость повышения уровня готовности граждан к таким изменениям, как: переход к новому технологическому укладу, что требует переосмысления рациональности существующей структуры общества, определения соответствующих стратегических целей и перспектив в новых условиях [36]; глобально–социальные и цивилизационные трансформации, новые форматы сотрудничества в рамках международного сообщества, что требует формирования современного мышления у молодого поколения; политико–экономические трансформации, которые выдвигают новые требования рынка труда; геополитическая конкуренция за мировое господство, что влечет за собой новые требования к системе образования и ее продукту по содержанию и структуре. На основе данных факторов формируются будущие проекты культурно–образовательных систем и моделей.

Информационно–коммуникационная революция серьезным образом трансформировала принципы, формы и методы социальной коммуникации. Возникшие новые сетевые структуры частично берут на себя функции источника обретения знаний. Происходит виртуализация образования, в процессе которой изменяется сама человеческая ментальность, а сам университет превращается в комплекс информационных сетевых структур. При этом университет теряет свою образовательную исключительность, но возрастает значимость других его функций. «Окно возможностей» университета становится мозаичнее, но он сохраняет свою универсальность. При этом происходит самонастройка университета в быстро меняющемся историческом контексте, где процессы протекают нелинейно. Он становится точкой «сборки» экономических,

социальных, культурных, политических процессов, центром регионального развития. В этом его историческая миссия и шанс продолжить свою славную историю.

Изменения доминирующих парадигм мирового развития привели к трансформации парадигмы развития системы высшего образования. Важным элементом ее явилось то, что изменился состав субъектов политики реформ высшего образования. Кроме государства как ключевого субъекта, он был дополнен организациями гражданского общества, бизнесом и международными организациями. Сегодня интернационализация, как международное взаимодействие и сотрудничество, все чаще заменяется глобализацией как продвижением внешних образцов, доминирующих корпоративных структур, а не проектов национальных государств и их союзов. Укрепление влияния транснациональных корпораций и международных неправительственных организаций, способствующих дерегулированию и «разгосударствлению» образовательного процесса, создает мощный вызов для национальной образовательной системы. Эти тенденции сопровождаются коммерциализацией образования, ведущей к тому, что из образования вымывается гуманистическая составляющая, крайне важная для социализации личности. Данный тезис особенно актуален, когда человечество стоит на пороге шестого технологического уклада, который характеризуется развитием робототехники, генной инженерии, нанотехнологии, систем искусственного интеллекта, глобальных информационных сетей и т.д. Такой уклад превращает человека из субъекта воздействия в объект воздействия, меняя его телесную и духовную оболочку. Объект, лишенный сознания, не способен встать на защиту Родины.

Развитые страны Запада, продвигавшие свой проект глобализации, на протяжении четверти века навязывали мировому сообществу определенный формат новой образовательной парадигмы, однако становится очевидным, что такие попытки «навязывания эталона», с одной стороны, способствуют сохранению отставания незападных стран от Запада и делают невозможным его преодоление, создают «правила игры», предопределяющие безальтернативность

лидерства Запада, а с другой – ограничивают конкуренцию моделей развития систем образования и тем самым сужают возможности мирового развития, обедняют его.

Создание новых региональных и трансрегиональных интеграционных структур, на основе которых создаются пространства образовательного сотрудничества и в которых не представлены США и страны Евросоюза, говорит о том, что в современном мире идет поиск ответа на такой вызов. Это отнюдь не отвергает возможности использования западной модели университета, но оставляет возможность и необходимость вносить серьезные дополнения, учитывающие опыт иных национальных систем и отдельных университетов.

Участие России в системе международных отношений в качестве великой державы актуализирует внимание к системе высшего образования как инструменту «мягкой силы» государства и является пространством для реализации и защиты национальных интересов. Таким образом, роль высшей школы состоит не только в трансляции социального благополучия и конкурентоспособности на мировом уровне, но и в обеспечении безопасности государства.

Решение России в 2003 г. присоединиться к Болонскому процессу в качестве страны–участницы процесса носило политический характер и фиксировало стремление страны стать полноправным членом масштабной европейской инициативы. Необходимость развития каналов политики «мягкой силы», повышения общего имиджа страны и развития уровня интегрированности в мировую образовательную систему должна была осуществляться, в том числе посредством Болонского процесса.

Однако ряд трудностей на пути интеграции российского образования в общеевропейское пространство (вопрос признания российских дипломов, отсутствие достижения массового увеличения мобильности преподавателей и студентов; сложности в понимании и имплементации двухуровневой системы высшего образования бакалавр – магистр, несоответствие значений профессиональных компетенций опыту зарубежных университетов и т.д.) говорит

о том, что главные цели интеграции России в Болонский процесс не достигнуты. Больше того, этот процесс привел к усилению разрыва в уровне развития между меньшинством столичных университетов, реально вовлечённых в процесс интеграции в европейское образовательное пространство, и большинством остальных вузов страны, не имеющих для этого необходимых ресурсов.

Вместе с тем, признание этих трудностей и рисков не означает необходимости самоизоляции от мирового образовательного пространства, так как она может не сказаться отрицательно на развитии национальной системы высшего образования России. Как представляется, опыт участия России в Болонском процессе может быть использован для разработки альтернативной модели единого образовательного пространства (например, в рамках ШОС).

В связи с этим развитие концепции построения образовательной политики должно осуществляться, с одной стороны, опираясь на мировые тренды и вызовы, положительный международный опыт, с другой стороны – обеспечивая сохранение уникальности национальной системы высшего образования, ее достижения и традиции, соединяя процесс глобализации образования с его локализацией. Это позволит сделать российское высшее образование более конкурентоспособным, сохранив при этом роль университета как института патриотического воспитания и формирования гражданственности.

Также это позволит более эффективно использовать образование как инструмент политики «мягкой силы» России. Основными направлениями реализации политики «мягкой силы» в сфере образования, способствующими укреплению привлекательного международного имиджа России, являются:

- интенсификация академических обменов в рамках существующих и новых партнерских связей с зарубежными партнерами;
- содействие расширению международного признания российских дипломов о высшем образовании и ученых степеней;
- работа по активному привлечению иностранных студентов;
- содействие глобальному распространению русского языка;

- поиск и установление связей с зарубежными вузами и международными организациями;
- совершенствование инфраструктурной среды университета в рамках международной деятельности;
- развитие информационной среды в сфере международных связей вуза (в целях повышения эффективности работы необходимо совершенствовать информационную среду университета. Низкое качество информационной политики не способствует привлечению иностранцев на обучение);
- инновационные научные исследования и их вывод на международный уровень;
- участие России в межгосударственных образовательных пространствах в рамках Содружества Независимых Государств, Евразийского Экономического Сообщества, Шанхайской организации сотрудничества и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. 516 Институтов Конфуция созданы в 142 странах мира [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://russian.news.cn/2017-09/30/c_136650568.htm (дата обращения: 02.12.2017)
2. Абрамовских, Н.В. Сущность и особенности социально-педагогической деятельности / Н.В. Абрамовских // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – 2009. – № 102 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-osobennosti-sotsialno-pedagogicheskoy-deyatelnosti> (дата обращения 15.06.2016).
3. Аветисян, П. С. Философия образования как методологическая основа формирования единого образовательного пространства государств-участников СНГ в условиях глобализации / П. С. Аветисян [Электронный ресурс]. - Режим доступа: [http://www.lraber.asj-oa.am/377/1/2007-2_\(42\).pdf](http://www.lraber.asj-oa.am/377/1/2007-2_(42).pdf)
4. Авраменко, О. Спеціалізація “Освітні вимірювання” як необхідне доповнення традиційних педагогічних спеціальностей / О. Авраменко // Науковий часопис Національного педагогічного університету імені М.П. Драгоманова. Серія 5. Педагогічні науки: реалії та перспективи. – Вип. 20: зб. наук. праць / За ред. В.П. Сергієнка. – К.: Вид-во НПУ імені М.П. Драгоманова, 2009. – С. 3-9.
5. Агранович, М.Л., Ковалева Г.С. Российское образование в контексте международных показателей / М.Л. Агранович, Г.С. Ковалева // М.: ИФ «Сентябрь», 2010. – 109 с.
6. Азиатские тигры в образовании: постконфуцианская модель [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.hse.ru/news/edu/79135586.html> (дата обращения: 18.03.2018).
7. Айдрус, И.А. Мировой рынок образовательных услуг / И.А. Айдрус, В.М. Филиппов. - М.: РУДН. – 2008. – 194 с.
8. Академический рейтинг университетов мира [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.shanghai ranking.com/ru/index.html> (дата обращения: 24.03.2014).

9. Акулич, М. М. Образование в условиях глобализации / М. М. Акулич // Глобализация и университет. - 2005. - № 3. - С. 50-57.
10. Альтбах, Ф. Дж. Массовизация высшего образования и глобальная экономика знаний: тянущиеся противоречия / Ф. Дж. Альтбах // Международное высшее образование. – 2015. – № 80. – С. 8–9.
11. Альтбах, Ф. Дорога к академическому совершенству: Становление исследовательских университетов // Ф. Альтбах, Дж. Салми. - М.: Весь мир, 2012. – 403 с.
12. Анализ зарубежного опыта по формированию условий для развития институтов оформления независимой оценки качества образования [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.oko-rf.ru/filedocs/docs236.doc (дата обращения: 21.03.2014).
13. Анализ и оценка состояния и тенденций развития законодательства об инновационной деятельности и науке за рубежом. Информационно–аналитические материалы Государственной Думы РФ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://iam.duma.gov.ru/node/10/4960/20221> (дата обращения: 06.03.2014).
14. Андреева, Л.Г. Политика в сфере образования взрослых: анализ ключевых аспектов на примере России и ЕС / Л.Г. Андреева // Государственное управление и развитие России: модели и проекты сборник статей Международной научно–практической конференции. – М.: ИГСУ РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. 2017. - С. 688–697.
15. Андросова, Д. Н. «Мягкая сила» России на пространстве СНГ. Высшее образование / Д. Н. Андросова. – Актуальные проблемы Европы.- 2011. - №2. – С.203–218.
16. Андрущенко, В.П. Освітня політика (огляд порядку денного) / В.П. Андрущенко, В.Л. Савельєв. - К.: «МП Леся», 2010. – 368 с.
17. Арефьев А. Л., Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации. Статистический сборник. Выпуск 12 / А. Л.

Арефьев, Ф. Э. Шереги. - М.: Центр социологических исследований. – 2015. – 196 с.

18. Арифметика интернационализации /[Электронный ресурс]. - Режим доступа:

http://akvobr.ru/po_chislu_inostrannyh_studentov_rossiya_pobila_rekordy_ssr.html

(дата обращения: 03.12. 2017).

19. Ассоциации инженерного образования России [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.ac-raee.ru/files/moskva-2005/Pokholkov.ppt (дата обращения: 20.03.2014)

20. Байденко, В.И. Основные тенденции развития высшего образования: глобальные и болонские измерения. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2010. – 352 с.

21. Байденко, В. И. Болонский процесс: современный этап /В.И. Байденко // Высшее образование в России. - 2015. - №10. – С. 52-60

22. Барабанов, О.Н. Глобализация и образование в современном мире / О.Н. Барабанов, М.М. Лебедева // Глобализация: человеческое измерение. — М.: РОССПЭН, 2002. — С. 54–77.

23. Баталов, Э.Я. Современные глобальные тренды и новое сознание / Э.Я. Баталов // Международные процессы. – М. – Т.10. №1 (28). – 2012. – С. 4–17.

24. Бек, У. Политическая динамика в глобальном обществе риска / У. Бек // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 5. – С. 10–19.

25. Бжезинский, З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М.: Международные отношения, 2005. – 392 с.

26. Бобыло, А.М. «Мягкая сила» в международной политике: особенности национальных стратегий / А.М. Бобыло // Евразийство и мир. - 2014. - №4. – С.42–56.

27. Богатуров, А.Д. Стратегия разравнивания» в международных отношениях и внешней политике США / А.Д.Богатуров // Мировая экономика и международные отношения. 2001. – №2. – С.20–29.

28. Борковская, И. Университеты как участники и орудия дипломатической деятельности. Потенциал мягкой силы высшего образования / И. Борковская, Э. Деодато. – 2015 / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/valday/Universitety-kak-uchastniki-i-orudiya-diplomaticheskoi-deyatelnosti-Potentcial-myagkoi-sily-vysshego> (дата обращения: 01.04.2019).

29. Браун, Р. Высшее образование и рынок: некоторые мысли и размышления / Р. Браун // Экономика образования. – 2006. – № 2. – С. 93-97.

30. Будущее высшей школы СНГ. Основные тенденции в высшем образовании на постсоветском пространстве, выявленные в ходе исследования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.raexpert.ru/rankings/vuz/vuz_sng/part1 (дата обращения: 10.06.2019).

31. Булгакова, Н. К нашей нише: интернационализация образования поможет России занять достойное место в мире [Электронный ресурс]/ Н. Булгакова // Образование. — 2012. — № 25. — Режим доступа: <https://www.poisknews.ru/magazine/3682/> (дата обращения: 14.06.2019).

32. В чем секрет азиатского экономического чуда? [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.kcci.kharkov.ua/ru/articles/singapur.html> (дата обращения: 10.06.2019).

33. Варшавская, Е.Я. Что сдерживает развитие в России экономики, основанной на знаниях (по данным международного рейтинга экономики знаний) / Е.Я Варшавская // Креативная экономика. – 2012. – № 4 (64). - С.36–41.

34. Василенко, Н.В. Управление образованием: институциональный подход / Н.В. Василенко – СПб.: ГОУ ИПК СПО, 2009. – 300 с.

35. Вахабов, А. В. Мировые модели системы образования / А. В. Вахабов, Ш. Ш. Захидова // Экономика и финансы (Узбекистан). 2013. - №5 / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovye-modeli-sistemy-obrazovaniya> (дата обращения: 25.07.2019).

36. Верденхофа, О.Р. Факторы влияния на рынок образовательных услуг / О.Р. Верденхофа, С.И. Димитрова, М.М. Петрова // International Journal of

Innovative Technologies in Economy. – 2016. – №1(3) / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-vliyaniya-na-rynok-obrazovatelnyh-uslug> (дата обращения: 19.07.2019).

37. Веревкин, О. Л. Использование потенциала российских вузов для подготовки иностранных студентов / О. Л. Веревкин // Социологическая наука и социальная практика 2017. - Т. 5. - № 3. - С. 126-144.

38. Вишневский, А.Г. Мировой демографический взрыв и антропогенное давление на климат: Изменения климата и здоровье населения России в XXI веке/ Под ред. Н.Ф. Измерова, Б.А. Ревича // Сборник материалов международного семинара (5–6 апреля 2004 г.). – М.: Издательское товарищество "АдамантЪ", 2004. – С. 34–43.

39. Волков, А.Е. Современный университет: вызовы для России [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.istu.edu (дата обращения: 22.07.2019).

40. Ворочков, А.П. Институты реализации «Мягкой силы» в современной России / А.П. Ворочков // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2016. – №2(6) / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/instituty-realizatsii-myagkoy-sily-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 18.07.2019).

41. Всемирная декларация о высшем образовании для XXI века. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.sde.ru/files/t/pdf/5.pdf> (дата обращения: 18.10.2018)

42. Всемирный доклад по образованию 2006. Сравнение мировой статистики в области образования – Институт статистики ЮНЕСКО. - Монреаль, 2006. – 187 с.

43. Вся статистика Интернета на 2019 год – в мире и в России [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения 12.03.2019)

44. Габриелян, А. А. История возникновения и развития концепции «мягкой силы»: применимость на евразийском пространстве / А. А. Габриелян /

[Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/491/6436> (дата обращения: 12.07.2019).

45. Габриелян, А.А. Высшее образование в контексте «Мягкой силы» в системе международных отношений / А.А. Габриелян, А. В. Григорян // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Педагогические науки. – 2016. – №2 / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vysshee-obrazovanie-v-kontekste-myangkoy-sily-v-sisteme-mezhdunarodnyh-otnosheniy> (дата обращения: 19.07.2019).

46. Габриелян, А.М. От американской модели глобализации до европейской интернационализации: взгляд на корпоративный университет в контексте мировой образовательной политики / А.М. Габриелян // Вестник Поволжского Института Управления при РАНХиГС. – 2016. - № 2 (53). - С.28–30.

47. Габриелян, О. А. Болонский процесс как инновационная образовательная технология. Украинский вектор. Часть III / О.А. Габриелян // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия Политические науки. – Т. 19(58), № 3. – 2006. – С. 3–14.

48. Габриелян, О. А. Болонский процесс как инновационная образовательная технология. Украинский вектор. Часть I / О.А. Габриелян // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия Политические науки. – Т.18 (57), № 1. – Симферополь. –2005. – С. 14-31

49. Гайков, А. А. Внутренняя мобильность: проблемы и перспективы / А. А. Гайков // Народная украинская академия / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.irf.ua/files/ukr/acadmob_13.pdf

50. Галаган, А.И. Интеграционные процессы в области образования: анализ мировых тенденций / А.И. Галаган // Социально–гуманитарные знания. 2002. - № 5. – С. 72–85.

51. Ганьшина, Г.И. История развития политики «мягкой силы» в Китае / Г.И. Ганьшина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Всеобщая история. – 2016. – №3. – С. 63–72.

52. Гасилин, Н. А. Понятие и сущность «мягкой силы» / Н. А. Гасилин. – Молодой ученый. – 2019. – №22. – С. 399–402.
53. Глобальная конкурентоспособность российского образования. Материалы для дискуссии / И. В. Абанкина, А. А. Беликов, О. С. Гапонова, Ф. Ф. Дудырев, Ю. Н. Корешникова, И. А. Коршунов, С. Г. Косарецкий, Т. А. Мерцалова, А. К. Нисская, Д. П. Платонова, П. С. Сорокин, Б. М. Таловская, И. Д. Фрумин. – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 112 с.
54. Годовой отчет МВФ 2018 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2018/eng/assets/pdf/imf-annual-report-2018-ru.pdf>_(дата обращения: 10.05.2019).
55. Голышенкова, О.М. Построение корпоративного университета / О.М. Голышенкова // Менеджер по персоналу. – 2010. – №5. – С. 30–36
56. Горлова, И. И. Культура как «мягкая сила»: инструменты и точки приложения / И. И. Горлова, О. И. Бычкова // Теория и практика общественного развития. – 2015. - №18. – С. 268–272.
57. Гринин, Л. Е. Глобализация и национальный суверенитет. История и современность / Л. Е. Гринин // Век глобализации – 2005. - № 1. – С. 6–31.
58. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М.: Изд-во Юрайт, 2018. - 538 с.
59. Дежина, И. Создание университетов мирового уровня в России: опять особый путь? / И. Дежина / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://trv-science.ru/2013/01/29/sozдание-universitetov-mirovogo-urovnya-v-rossii-opyat-osobyjj-put/>
60. Делакаров, К.Х. Глобализация и проблемы нелинейности цивилизационного развития / К.Х. Делакаров, Ф.Д. Демидов. – М.: КМК, 2005. - С. 16-24.
61. Делягин, М. Г. Мировой кризис: общая теория глобализации: курс лекций / М. Г. Делягин. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 768 с.
62. Днепров, Э. Д. Образовательная политика как предмет исследования / Э. Д. Днепров // Историко-педагогический журнал. - 2015. - №1 / [Электронный

ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatel'naya-politika-kak-predmet-issledovaniya> (дата обращения: 01.04.2019).

63. Добренков, В.И. Глобализация и Россия: Социологический анализ / В.И. Добренков – М.: ИНФРА-М, 2006. – 447 с.

64. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (дата обращения 12.08.2019).

65. Ейтс, М.Д. Измерение глобального неравенства [Электронный ресурс] / М.Д. Ейтс // Режим доступа: <https://commons.com.ua/uk/izmerenie-globalnogo-neravenstva/> (дата обращения 12.03.2019).

66. Епихина, Ю.Б. Исследование неравенства в образовании в современной российской социологии / Ю.Б. Епихина. – Вестник РУДН. Серия Социология. - 2009, - №4, - С. 73– 84.

67. Жукова, А. П. Государственная образовательная политика и ее влияние на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации : дисс. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / А.П. Жукова [Место защиты: Пограничная акад. ФСБ РФ]. – М., 2008 - 184 с.

68. Жуликова, О.В. Роль знаний и образования в информационном обществе / О.В. Жуликова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2010. - № 10 (90). - С. 174–179.

69. Журавлева, Е.В. Стратегия красоты: теории «мягкой силы» с китайской спецификой / Е.В. Журавлева / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Международные отношения. – 2016. – Т. 16. № 1. – С. 17–31.

70. Замошникова, Н.Н. Реформирование образования в РФ: 1991–2015 годы: от структурно–функционального диссонанса социальной системы к поиску баланса интересов ее субъектов / Н.Н. Замошникова. – Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология, 2016. - №2. – С. 49–60.

71. Запрягаев, С.А. Глобализация и системы обеспечения качества высшего образования / С.А. Запрягаев, Е.В. Караваева, И.Г. Карелина, А.М. Салецкий. - М.:Изд-во МГУ, 2007. – 292 с.
72. Зиновьев, А. А. Глобальный человек / А. А. Зиновьев. – М.: Центрполиграф, 2003. – 459 с.
73. Зиятдинова, Ю.Н. Реформирование систем ВПО Китая и России: конец XX – начало XXI вв. / Ю.Н. Зиятдинова, Р.С. Валеева // Высшее образование в России. – 2012. – № 5 – С. 96-101.
74. Ивановский, З. В. Высшее образование в условиях глобализации / З. В. Ивановский // Знание. Понимание. Умение. - 2006. - № 1. - С. 109–114.
75. Иглтон, Т. Медленная смерть университета. / Т. Иглтон / ПолиСМИ, 2015 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://polismi.ru/politika/evrosoyuz-titanik/1118-medlennaya-smert-universiteta/> (дата обращения 09.09.2016).
76. Иноземцев, В. Л. На перепутье: Россия в мировой системе XXI века / В. Л. Иноземцев // Общественные науки и современность. – 2002. – №4. – С.101–111.
77. Интернационализация высшего образования в странах ОЭСР / Центр ОЭСР – ВШЭ / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://bit.ly/ao92kr5> (дата обращения 06.02.2019).
78. Казеннов, С. Ю. Национальная безопасность РФ: проблема идеологического обеспечения / С. Ю. Казеннов, В. Н. Кумачев // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2015. – №10–11 / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-bezopasnost-ru-problema-ideologicheskogo-obespecheniya> (дата обращения: 25.07.2019).
79. Кара-Мурза, С. Открытость глобальному рынку: экономическая и виртуальная реальность / С. Кара-Мурза // Вестник Московского экономического института. – 2000. – № 1. – С. 35–40.
80. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. - 608 с.

81. Квієк, М. Університет і держава: вивч. глобал. трансформацій / М. Квієк; пер. з англ. Т. Цимбала. –К.: Таксон, 2009. – 380 с.
82. Киселев, В.М. Проблемы высшего образования в России / В.М. Киселев, В.В. Янковская // Экономика знаний: теория и практика. – 2017. - №2. – С.62–72.
83. Муранивский, Б. О глобализации, новом тоталитаризме и России / Б. Муранивский, Б. Ключников // Наш современник. –№5.– С. 6–10.
84. Комлева В.В. Единое образовательное пространство – важнейший фактор интеграции России и Белоруссии / В.В. Комлева / Научно–аналитический журнал «Обозреватель – Observer». - 2019. - № 1 (348). - С. 21–33.
85. Комлева, В.В. Международная конкуренция государственных политик в области высшего образования. Позиции России. / В.В. Комлева // Научно–аналитический журнал «Обозреватель – Observer». – 2018. – №1 (336). – С. 69–87.
86. Комлева, В.В. Международное сотрудничество в сфере высшего образования: перспективы интеграции образовательных пространств стран СНГ / В.В. Комлева // Международная и региональная интеграции: перспективы и вызовы. Сб. науч. тр. - М., 2017. - С. 1–72.
87. Комлева, В.В. Противоречия интернационализации высшего образования / В.В. Комлева // Социально–экономические явления и процессы, 2017. - Т. 12. № 6. - С. 469–477.
88. Комлева, В.В. Россия в контексте новых мировых тенденций интернационализации высшего образования / В.В. Комлева // Среднерусский вестник общественных наук. - 2017. - Т. 12. № 6. - С. 13–34.
89. Коммюнике Конференции европейских министров, ответственных за высшее образование [Электронный ресурс] // Будапешт/ Вена, 11–12 марта, 2010 / Режим доступа: <http://bsac.by/content/bolonskiy-process> (дата обращения: 12.05.2018)
90. Кондратьев, В.Б. «Конец глобализации, или к новому капитализму» / В.Б Кондратьев // Перспективы. - 2017. - №2(10). - С. 5–23.

91. Конференции ЮНЕСКО, посвященные образованию [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.unesco.org/new/ru/world-conference-on-essce/unesco-education-conferences/> (дата обращения: 02.10.2017)
92. Конференции ЮНЕСКО. 40-я сессия Генеральной конференции [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://ru.unesco.org/events/40-ya-sessiya-generalnoy-konferencii> (дата обращения: 12.11.2018)
93. Концепция внешней политики Российской Федерации. Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 16.07.19).
94. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. / Распоряжение от 17 ноября 2008 года №1662-р / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 15.08.2019)
95. Концепция экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011—2020 годов / Национальный фонд подготовки кадров / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: [intpr. ntf. ru>DswMedia/konserciya_draft_24_12.doc](http://intpr.ntf.ru/DswMedia/konserciya_draft_24_12.doc) (дата обращения 08.04.2019).
96. Косачев, К. И. «Мягкая сила» России: теория и реальность / К. И. Косачев // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. - №2, - С.7–9.
97. Косевич, А. В. Экспорт образовательных услуг сферы высшего образования: мировой опыт и российская практика / А. В. Косевич // М.: МИЭП, 2007. – 187 с.
98. Косевич, А. В. Проблемы экспорта российских образовательных услуг в условиях обострения международной конкуренции / А.В. Косевич // Вестник ЧелГУ. – 2011. – №6 / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-eksporta-rossiyskih-obrazovatelnyh-uslug-v-usloviyah-obostreniya-mezhdunarodnoy-konkurentsii> (дата обращения: 04.10.2019).

99. Краевский, В. В. Роль гуманитарных наук в развитии общества / В.В. Краевский // Доклад на парламентских слушаниях на тему «Роль гуманитарных наук в формировании общероссийской идентичности: совершенствование законодательной базы деятельности научно–исследовательских, издательских центров и просветительских организаций» в Государственной Думе. 2008 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kraevskyvv.narod.ru/papers/gum_nauki.htm (дата обращения: 23.07.2019)
100. Краснова, Г. Санкции и российское образование / Г. Краснова / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://tass.ru/opinions/1597457> (дата обращения: 12.04.2019)
101. Краснова, Г.А., Сюлькова Н.В. Опыт базовой организации в области информационного обеспечения сетевого университета СНГ / Г.А. Краснова, Н.В. Сюлькова // Высшее образование в России. - 2012. - № 1. - С. 111–119.
102. Краснова, Г.А., Тесленко В.А. Анализ основных моделей сетевого взаимодействия образовательных организаций / Г.А. Краснова, В.А.Тесленко // Университетское управление: практика и анализ. – 2017. – № 21(4). – С. 30–40
103. Кузьминов, Я.И. Образование в России — тенденции и перспективы. Открытая лекция ректора Высшей школы экономики. 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/video/104273530.html?p=65156> (дата обращения: 04.04.2018).
104. Куприянов, Р.В., Виленский А.А., Куприянова Н.Е. Болонский процесс в России: специфика и сложности реализации / Р.В. Куприянов, А.А. Виленский, Н.Е. Куприянова // Вестник Казанского технологического университета. 2014. №20 / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolonskiy-protsess-v-rossii-spetsifika-i-slozhnosti-realizatsii> (дата обращения: 29.07.2019).
105. Курбонов, А. М. Зарубежный опыт развития профессиональных учебных заведений и его использование в теории и практике профессионального образования Узбекистана / А. М. Курбонов // Молодой ученый. - 2016. - №8. - С. 980–982.

106. Куцых, Д. Е. Мировой рынок образовательных услуг: современные тенденции развития и политика России / Д. Е. Куцых // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – №3 (23). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovoy-rynok-obrazovatelnyh-uslug-sovremennye-tendentsii-razvitiya-i-politika-rossii> (дата обращения: 04.10.2019).
107. Ларионова, М.В. Глобализация, либерализация и интернационализация высшего образования. / М.В. Ларионова, Е.М. Горбунова // М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. – 152 с.
108. Лебедева, М.М. Болонский процесс: проблемы и перспективы / М.М. Лебедева // М.: Оргсервис, 2006. – 208 с.
109. Лебедева, М.М. Глобальные тенденции развития университетов и трансформация российской образовательной политики / М.М. Лебедева, О.Н. Барабанов // Вестник МГИМО–Университета. – 2012. – № 6. – С. 265–269.
110. Лебедева, М.М. Мировая политика. Учебное пособие .– 2–е изд., испр. и доп., под ред. А. Д. Воскресенского. - М.: Аспект Пресс, 2007. – 365 с.
111. Листерман, А. Оффшор Сингапур: залог успеха – инвестиции в научные исследования и инновации / А. Листерман / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://offshorewealth.info/offshore-business-abroad/success-investments-in-science-and-innovation/> (дата обращения: 06.03.2014).
112. Лунева, Н.А. Этапы реформирования системы высшего образования в России/ Н.А. Лунева // Территория науки. – 2013. - №5. – С.17–20.
113. Лучшие университеты Китая – Проект 211 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://ciidv.ru/The_best_universities_in_China.html (дата обращения: 20.03.2014)
114. Лэпин, С. Высшее образование как инструмент «мягкой силы» России и Китая: диссертация ... канд. полит. наук: 23.00.04 / С. Лэпин [Место защиты: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»]. – М., 2018. – 191 с.

115. Малеев, А.А. Национальный язык как инструмент мягкой силы России / А.А. Малеев // Политика и общество. – 2017. – № 3. – С. 143–148.

116. Малинова, О.Ю. Конструирование «либерализма» в постсоветской России. Наследие 1990–х в идеологических битвах 2000–х / О.Ю. Малинова // Политика. 2017. №1 (84). [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruirovanie-liberalizma-v-postsovetskoj-rossii-nasledie-1990-h-v-ideologicheskikh-bitvah-2000-h> (дата обращения: 29.07.2019).

117. Масич, В. А. Наука и образование как инструменты «Мягкой силы» / В. А. Масич // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. - 2015. - №1. – С. 117–125.

118. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Учебник / А.А. Байков и др. – М.: Аспект Пресс, 2014. – 448 с.

119. Методика расчета показателей мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования от 3 апреля 2014 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://bit.ly/R96tc4> (дата обращения: 21.03.2014).

120. Михалев, А.В. Концепция «Мягкой силы»: обзор подходов в зарубежной науке / А.В. Михалев // Дискурс–Пи. 2017. №1 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-myagkoy-sily-obzor-podhodov-v-zarubezhnoy-nauke-1> (дата обращения: 25.07.2019).

121. Момджан, К. Об одном многократно упоминаемом процессе / К. Момджан // Сумерки глобализации. — М.: АСТ; Ерма, 2004. - С. 39-45.

122. Морман, К. Обеспечение качества в Китае: меняющийся контекст / К. Морман [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://ihe.nkaoko.kz/archive/116/1040/> (дата обращения: 25.03.2014).

123. Мотова, Г. Транснациональное образование. Проблема признания диплома / Г. Мотова [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.akvobr.ru/transnacionalnoe_obrazovanie_problema_priznaniya_diploma.html (дата обращения: 02.03.2019)

124. Муравинский, Т. В. Кризис Запада признаёт сам Запад / Т. В. Муравинский // Коммунист. – 2007. – № 5. – С. 121–124.
125. Мушкетова, Н.С. Стратегия продвижения России на мировом рынке образовательных услуг вузов / Н.С. Мушкетова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – №: 5 (242). – 2014. – С. 9–14.
126. Налетова, И.В. Изменение национальных традиций образования в современных условиях / И. В. Налетова // Журнал социологии и социальной антропологии. – Т.VIII . № 4. – 2005. – С.82–90.
127. Наумов, А. О. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века / А. О. Наумов. – М. : Аргмак–Медиа, 2016. – 274 с.
128. Наумов, А. О., Положевич Р. С. «Мягкая сила» и международный имидж стран группы ИБСА [Электронный ресурс] / А. О. Наумов, Р. С. Положевич / Государственное управление. Электронный вестник. 2015. №52 // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-i-mezhdunarodnyy-imidzh-stran-gruppy-ibsa> (дата обращения: 11.05.2019).
129. Начало 7-го технологического уклада [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.energoinform.org/pointofview/prohorov/7-tech-structure.aspx> (дата обращения: 24.07.2019).
130. Нестеренко, В. А. Региональные аспекты применения Россией политики «Мягкой силы» [Электронный ресурс] / В. А. Нестеренко / Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика, 2014. – №1–2 // Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-aspekty-primeneniya-rossiey-politiki-myagkoj-sily> (дата обращения: 01.10.2019).
131. Новикова, И. В. Глобализация, государство и рынок: ретроспектива и перспектива взаимодействия / И. В. Новикова. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2009. – 218 с.
132. О государственной политике в сфере высшего образования [Электронный ресурс] / Постановление Президиума АПН от 17 марта 2017. (CD–ROM)

133. О Проекте 5–100 в ЮУрГУ [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <https://www.susu.ru/ru> (дата обращения: 16.03.19).

134. О разделении и этапах реорганизации Минобрнауки [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.sib-science.info/ru/ras/edinomyshlenniki-25052018> (дата обращения: 14.03.19).

135. Орлова, И.В. Психолого–педагогические аспекты в образовательных стратегиях / И.В. Орлова // Психологическая наука и образование. - 2012. - № 1. - С. 140–150

136. Ортиков, К. С. Система образования как инструмент «мягкой силы» в мировой политики и геополитики / К. С. Ортиков // Молодой ученый. – 2013. – №10. — С. 461–462.

137. Осипова, Е. В. Социально–педагогическая деятельность образовательных учреждений в контексте модернизации отечественного образования / Е. В. Осипова, Л. В. Сафина // Социально–педагогическая деятельность в социуме: теория, практика, перспективы : сборник научных трудов VI Международных социально–педагогических чтений им. Б. И. Лившица: в 2 ч. / Урал. гос. пед. ун–т, Ин–т социал. образования. – Екатеринбург, 2014. – Ч. 1. – С. 136–141.

138. Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно–гуманитарного сотрудничества / МИД России. 18.12. 2010 / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/224550 (дата обращения: 18.07.19).

139. Основные факторы развития и совершенствования системы образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studme.org/>

140. Панарин, А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке / А. С. Панарин. – М.: Алгоритм, 2003. – 560 с.

141. Парвин, Д. Геополитика нового мирового порядка XXI века: основные тенденции и параметры / Д. Парвин / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://newtimes.az/ru/relations/dialogue/3494> (дата обращения: 20.07.2019)

142. Паршин, М. А. Переход России к шестому технологическому укладу: возможности и риски / М. А. Паршин, Д. А. Круглов // Современные научные исследования и инновации. – 2014. № 5 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2014/05/33059> (дата обращения: 19.07.2019).

143. Переслегин, С.Б. Будущее образования. Кризис Болонской системы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=8yP4zVkTaA> (дата обращения: 15.07.2019)

144. Песцов, С. К. «Мягкая сила» в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта/ С. К. Песцов, А. М. Бобыло. – Вестн. Том. гос. ун-та. Серия История. - 2015. - №2 (34). – С.108–114.

145. Петрович, О. Г. Современное российское высшее образование в контексте глобализации: автореферат дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.01 / О.Г. Петрович [Место защиты: Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского]. – Саратов, 2010. – 18 с.

146. Пирогов, А.И. Тенденции развития реформ высшего образования в странах СНГ. Учеб. пособие / А.И. Пирогов, Г.А. Краснова, В.М.Филиппов. – М.: РУДН, 2008. – 180 с.

147. Подберезкин, А.И. Глобальные, процессы и международные отношения [Электронный ресурс] / А. И. Подберезкин // Россия в условиях глобализации: Глобализация – место России. – Режим доступа: http://old.nasledie.ru/global/17_2/article.php?art=19 (дата обращения: 22.03.2019)

148. Положихина, М.А. Цифровая экономика как социально-экономический феномен / М.А. Положихина // Экономические и социальные проблемы России. – 2018. – №1. – С.8–38.

149. Поляков, Н. В. Национальный университет в лабиринте интернационализации / Н. В. Поляков, В. С. Савчук / [Электронный ресурс]. -

Режим доступа: http://www.conf.rudn.ru/internalization/res/polyakov_savchuk.pdf.
(Дата обращения: 15.01.2019)

150. Поляков, Н. В. Университет или не университет: к проблеме определения типа высшего учебного заведения / Н.В. Поляков, В.С. Савчук // Философский век. Альманах. Вып. 29. История университетского образования в России и международные традиции просвещения. Том 2 / Отв. редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. - СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2005. - 320 с.

151. Понарина, Н.Н. Глобализация высшего образования и проблемы интернационализации образовательных систем / Н.Н. Понарина // Общество: социология, психология, педагогика. – 2012. - № 1 – С.42–46

152. Пономарева, Е.В. Сетевая модель сотрудничества университетов как габитус современной системы высшего образования / Е.В. Пономарева // Вестник Поволжской академии государственной службы. - 2008. - № 3. - С. 105–110.

153. Пономаренко, Е.В. Новые модели развития университетов в мире в условиях цифровой революции: теоретические и практические подходы / Е.В. Пономаренко // Государственная служба. - 2017. - Т. 19. № 6 (110). - С. 57–63.

154. Пономаренко, Е.В. Сравнительный анализ современных реформ высшего образования и науки Франции и России / Е.В. Пономаренко, Н. Неновский // Государственная служба. - 2017. - Т. 19. № 5 (109). - С. 86–93.

155. Пономаренко, Е.В. Зарубежный опыт использования «инициатив университетского превосходства» (IDEX) для роста конкурентоспособности университетов / Е.В. Пономаренко, А.А. Оганесян, В. Оддо // Государственная служба. - 2018. - Т. 20. № 5. - С.76–83.

156. Поппер, К. Открытое общество и его враги / К. Поппер. – М.: Молодая гвардия, 1992. – 588 с.

157. Решение о создании «Сетевого Университета БРИКС» [Электронный ресурс]/ Режим доступа: http://obrmos.ru/dop/news/dop_news_brics.html (дата обращения: 28.07.2019).

158. Родионов, Д. Г. Расширение экспорта образовательных услуг в России: организационные и финансовые аспекты / Д. Г. Родионов, О. А. Кушневая, И. А. Рудская // Научно–технические ведомости Санкт–Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. – 2014. – № 4(199). – С. 207–220.

159. Саввинов, В.М. Позиционирование университета в образовательном пространстве региона / В.М. Саввинов // Наука и образование в XXI веке: роль университета в инновационном развитии региона: тезисы докл. междунар. конф., г. Якутск, 25 – 26 окт. 2012 г. - Якутск, 2012. - С. 227–229.

160. Салми, Дж. Как государства добиваются международной конкурентоспособности университетов: уроки для России / пер. с англ. Н. Микшиной // Вопросы образования. - 2013. - Вып. 1. – С. 25–68

161. Семеко, Г. В. Высшее образование в условиях глобализации экономики / Г.В. Семеко // Экономика образования. - 2010. - № 6. - С.39–45;

162. Серова, Е. В. Динамика мобильности российских студентов в вузы стран Северной Европы / Е. В. Серова // StudArctic forum. – 2017. – Выпуск 3 (7), - С. 4–11.

163. Скребец, Е.В. Качественная трансформация имперского дискурса в западной политической мысли в начале XXI века / Е.В. Скребец. – Парадигмы истории и общественного развития. – 2016. – № 4. – С. 68–71.

164. Современные международные отношения: Учебник / Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. - М.: Аспект Пресс, 2012. - 688 с.

165. Сорокин, Д. Е. Россия: проблемы цивилизационного выбора / Д. Е. Сорокин // Общественные науки и современность. - 2002. - № 6. - С.124–134.

166. Стиглиц, Дж. Глобализация: тревожные тенденции / Дж. Стиглиц. – М.: Мысль, 2003. – 300 с.

167. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/424>

168. Сулима, Е.Н. Геоистория как парадигма осмысления международных отношений / Е.Н. Сулима, М.А Шепелев // Международные процессы . – 2018. – Т.16. № 2. – С. 49–59.

169. Телегина, Г.В. Реформа образования на Западе: либеральный консерватизм или консервативный либерализм / Г.В. Телегина // Вопросы философии. – 2005. – № 8. – С. 129-144.

170. Тлостанова, М.В. Судьба университета в эпоху глобализации. // М.В Тлостанова – Глобализация и гуманитарное знание. – 2006. – № 3 - С. 180–185

171. Толстых, В. И. Глобальные вызовы и поиски ответа: социокультурный аспект / В. И. Толстых // Грани глобализации: трудные вопросы современного развития. – М.: ИЦРН, 2003. – С. 36–41.

172. Толстяков, Р. Р. Мировые трансформационные тенденции образовательных процессов / Р.Р.Толстяков // Вестник Челябинского государственного университета, Экономика. Вып. 17. – 2009. – С. 27–30

173. Торкунов, А. В. Создание университетов мирового уровня: новые тенденции в российском высшем образовании / А. В. Торкунов // Международные отношения. – №: 2 (29) 2013 / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.vestnik.mgimo.ru/razdely/mezhdunarodnye-otnosheniya/sozдание-universitetov-mirovogo-urovnya-novye-tendencii-v>

174. Торкунов, А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России / А.В. Торкунов. – Вестник МГИМО (У). – 2012. – № 4- С.85–93.

175. Тоффлер, Э. Шок будущего / Пер. с англ. - М.: ООО «Издательство АСТ, 2002. – 258 с.

176. Трэмблэй, К. Интернационализация: формирование стратегий в национальном контексте / К. Трэмблэй // Вестник международных организаций. 2010. - № 3 (29). - С. 110– 168.

177. Трофимов, К. В. Политологический анализ государственной образовательной политики России: теоретико–методологические подходы / К. В. Трофимов // Вестник ЗабГУ. 2017. №2 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://cyberleninka.ru/article/n/politologicheskii-analiz-gosudarstvennoy-obrazovatelnoy-politiki-rossii-teoretiko-metodologicheskie-podhody> (дата обращения: 01.04.2019).

178. Тюрина, Ю. А. Трансформация образования в советской и постсоветской России: сравнительный анализ : диссертация ... доктора социологических наук : 22.00.04 / Ю.А. Тюрина; [Место защиты: С.–Петерб. гос. ун–т]. – СПб., 2010. – 528 с.: ил. РГБ ОД, 71 11–22/30

179. Указ Президента Российской Федерации. Наука [Электронный ресурс]. – <http://xn—80aavcebfcmb6cza.xn—p1ai/files/Ukaz-204.pdf> (дата обращения: 25.07.2019)

180. Указ Президента Российской Федерации. Образование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn—80aavcebfcmb6cza.xn—p1ai/files/Ukaz-204.pdf> (дата обращения: 25.07.2019)

181. Указ Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/41921> (дата обращения: 20.04.2018).

182. Уткин, А. И, Мир, расколотый на острова / А. И. Уткин, В. Г. Федотова // Экономические стратегии. – 2009. – № 9. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.inesnet.ru/magazine/mag_archive/free/2009_08/utkin.htm (дата обращения: 27.09.2018)

183. Уткин, А.И. Мировой порядок XXI века / А. И. Уткин. – М.: Алгоритм. – 2001.

184. Филатов, А.С. Геополитическая проблематика в работах отечественных исследователей // А.С. Филатов / Учёные записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия, политология, культурология. – Том 2 (68). № 1. – Симферополь, 2016. – С. 16–24

185. Филатов, А.С. Геополитический статус России: исторические традиции и новые горизонты / А.С. Филатов / Интернет–портал «Конт». Серия

Геополитика. – 28 августа 2014 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://cont.ws/post/46433> (дата обращения: 17.09.2019).

186. Филатов, А.С. Культура глобализации / А.С. Филатов // Толерантность в России: вопросы истории и ответы современности: II Всероссийская научно–практическая конференция «Толерантность в России: вопросы истории и ответы современности», 20 ноября 2008 г.: [материалы] / Сост. и общ. ред. А.Н. Долгенко. – Волгоград: Издательство ФГОУ ВПО ВАГС, 2009. – С. 111–114.

187. Филатов, А.С. Модели американской политической конфликтологии в условиях современных международных кризисов / А.С. Филатов // Журнал «Международная жизнь», Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 2018, - № 1. – С. 154–170

188. Филатов, А.С. Россия в изменяющемся мире: социокультурные импульсы и цивилизационные ориентиры / А.С. Филатов // Национальные интересы. Журнал Института национальной стратегии реформ. – 2008. – №2. – С.5-15.

189. Филатов, А.С. Россия и мир. Геополитика в цивилизационном измерении / А.С. Филатов. – М.: Изд–во «Проспект», 2016. – 352 с.

190. Филиппов, В.М. Реформы образования: Аналитический обзор / Под ред. В.М. Филиппова. – М.: Центр сравнительной образовательной политики . – 2003. – 303 с.

191. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, 2004. – 592 с.

192. Хантингтон, С. Кто мы?: вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова / С. Хантингтон. – М.: АСТ, Транзиткнига, 2004. – 635 с.

193. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. - М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.

194. Цзайци, Лю «Мягкая сила» в стратегии развития Китая / Лю Цзайци / Полис. – 2009. – №4. – С.149–155.

195. Чемшит, А. А. Россия перед историческим вызовом: десталинизация или ресталинизация [Электронный ресурс] / А. А. Чемшит // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2017. – №.1 Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-pered-istoricheskim-vyzovom-destalinizatsiya-ili-restalinizatsiya> (дата обращения: 19.07.2019).

196. Чепурина, М. А. Политическая и социальная роль высшего образования в современном мире : анализ участия России в Европейском пространстве высшего образования (ЕПВО) : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.04 / М.А. Чепурина [Место защиты: Моск. гос. ин-т междунар. отношений]. – М., 2014. – 217 с.

197. Четверикова, О.Н. Разрушение будущего. Кто и как уничтожает суверенное образование в России / О.Н.Четверикова, – М.: 2015. – 94 с.

198. Шабалов, М.П. Основы культурной политики Китая [Электронный ресурс]/ М.П. Шабалов // Режим доступа: <http://sec.chgik.ru/osnovyi-kulturnoy-politiki-kitaya-2/> (дата обращения 24.07.2019).

199. Шабров, О. Ф. Понятие политического: возможна ли политическая наука? [Электронный ресурс] / О. Ф. Шабров // Власть. 2016. №9. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-politicheskogo-vozmozhna-li-politicheskaya-nauka> (дата обращения: 01.04.2019).

200. Шепелев, М.А. Астрополитика и новая геополитическая революция / М.А. Шепелев // Интеллектуальная эстафета. – Политология: ежегодник. Вып. 3. Таганрог: Изд-во ЮФУ. – 2017. – С. 170–179.

201. Шепелев, М.А. Великая Русская цивилизационная революция как первый глобальный индигенизационный проект / М.А. Шепелев // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2018. – № 4. – С.120–133.

202. Экель, П. Рынки, отчетность и приватизация в сфере высшего образования США / П.Экель, Л.Кутюрье, Д.Луу // Экономика образования. – 2006. – № 4. – С. 12-15.

203. Экспорт образования: дайджест мировых тенденций, «Аккредитация в образовании» 20.02.2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.akvobr.ru/eksport_obrazovania_daidzhest.html

204. Юрченко, С. В. Ялтинская конференция 1945 года: принципы переговоров, значение и уроки / С. В. Юрченко / Вестник Московского университета. – Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2010. №1 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yaltinskaya-konferentsiya-1945-goda-printsipy-peregovorov-znachenie-i-uroki> (дата обращения: 12.10.2018).

205. Яковлев, А. Н. 1956–1960: Учёба в Академии общественных наук при ЦК КПСС и стажировка в Колумбийском Университете (США) / А. Н. Яковлев / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.alexanderyakovlev.org/personal-archive/lifedoc-preface/1000042> (дата обращения: 21.03.2016).

206. Aghion, P. The Governance and Performance of Research Universities: Evidence from Europe and the US // P. Aghion, Mathias Dewatripont, Caroline Hoxby, Andreu Mas-Colell and André Sapir . – Economic Policy. Forty–Ninth Panel Meeting Supported by the European Commission, Brussels 24–25 April 2009

207. Ball, J. The education debate: Policy and Politics at the Twenty–First Century (Policy and Politics in the Twenty–First Century Series)/ J. Ball //University of Bristol. – 2008. – 256 p.

208. Baschung, L. Changes in the Management of Doctor Education / L. Baschung // European Journal of Education. – 2010. – Vol. 45. № 1. – P. 138–139

209. Beattie, A. The end of globalisation? Don't be so sure [Электронный ресурс] /A. Beattie // Financial Times, 2017 / Режим доступа :<https://www.ft.com> (дата обращения 08.12.2017)

210. Darrell, J. Turner. Religion: Year In Review 2010. Worldwide Adherents of All Religions / Encyclopedia Britannica (2011) / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.britannica.com/> (дата обращения 23.07.2019)

211. Dill, D. Markets and higher education: an introduction / D. Dill // Higher Education Policy. – 1997. – Vol. 10. № 3/4. – P. 164.
212. Emmott, B. The Fate of the West: The Battle to Save the World's Most Successful Political Idea / B. Emmott // N.Y.: Profile Books, 2017. – 272 p.
213. Ennew, C., Yang Fujia. Foreign Universities in China: a case study // European Journal of Education. - 2009. – Vol. 44. № 1. – P. 25.
214. Exclusive: Oxford University may break with 700 years of tradition and open a foreign campus – after France offers Brexit sweetener, 2017 /[Электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://www.telegraph.co.uk/education/2017/02/19/exclusive-oxford-university-set-break-700-yearstradition-open/> (дата обращения: 02.10.2019).
215. Funabashi, Y. The Asianization of Asia / Y.Funabashi. – Foreign Affairs. – 1993 - Vol. 72. – P. 75–85.
216. Geiyer, R. The Commercialization of the University / R. Geiyer // American Journal of Education. – Vol 110. –2004. – 389 p.
217. Global Education Digest 2011: Comparing Education Statistics Across the World. UNESCO– UIS, 2011. – 310 p.
218. Global Mobility Trends: Project Atlas, 2016 //[Электронный ресурс]/ Режим доступа: [https://p.widencdn.net/hjyfpw/ Project-Atlas-2016-Global-Mobility-Trends-Infographics](https://p.widencdn.net/hjyfpw/Project-Atlas-2016-Global-Mobility-Trends-Infographics) (дата обращения: 02.09.2019).
219. Hartmann, Th. The Last Hours of Ancient Sunlight. The Fate of the World and What We Can Do Before It's Too Late / Th. Hartmann // N.Y.: Three Rivers Press, 2004. – 400 p.
220. Hartmann, Th. Unequal Protection - Rise of Corporate Dominance & the Theft of Human Rights / Th. Hartmann // N.Y.: Rodale Books, 2004. – 360p.
221. Hendrik van der, Pol. New trends in international student mobility. UIS. 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.uis.unesco.org/template/pdf/](http://www.uis.unesco.org/template/pdf/) (дата обращения: 01.10.2019)
222. Heyneman, S. Education and corruption / S. Heyneman / International Journal of Education Development. – 2004. – Vol. 24. – 642 p.

223. International Student Data from the 2018 Open Doors. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.iie.org/Research-and-Insights/Open-Doors/Data/International-Students/Enrollment> (дата обращения 24.07.2019).
224. Ka Ho Mok. Privatization or Marketization: education Development in postMao China // International Review of Education. – Vol. 43. № 5–6. – 1997. – 549 p.
225. King, S.D. Grave New World: The End of Globalization, the Return of History / Stephen D. King // Yale University Press, 2017. - 290 p.
226. Kwiek, M. The Emergent European Educational Politics under Security: the Bologna Process from a Central European Perspective / M.Kwiek / European Educational Research Journal. – Vol. 3. № 4. – 2004. – 760 p.
227. Livesey, F. From Global to Local: The Making of Things and the End of Globalization / F. Livesey // Knopf Doubleday Publishing Group, 2017. - 224 p.
228. Mapping the trends that will shape international student mobility, 2017 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://monitor.icef.com/2017/07/mapping-trends-will-shape-internationalstudent-mobility/> (дата обращения: 11.09.2019)
229. Measuring up: Global market share and national targets in international education, 2017 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://monitor.icef.com/2017/04/measuring-global-market-share-national-targets-international-education/> (дата обращения: 11.09.2019)
230. Megatrend: The shift to emerging markets, 2017 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://monitor.icef.com/2017/08/megatrend-shift-emerging-markets/> (дата обращения: 15.06.2019)
231. Morosini, M. C. Internationalization of Higher Education: A Perspective from the Great South. Creative Education. 2017. Vol. 8. P. 95–113 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.4236/ce.2017.81008> (дата обращения: 19.08.2019)
232. Nayyar, D. Globalization: What Does It Mean for Higher Education? / D. Nayyar // Economic and Political Weekly. - Vol. 42, No. 50. – 2008. – P. 30-35.
233. Nixon, J. Higher Education and the Public Good: Imagining the University./ J. Nixon. - L.; N.Y.: Continuum, XIV, 2011, 152 p.

234. Nye, J. «Soft Power» / J. Nye // Foreign Policy. – 1990. - №8. – P.153–171.
235. Nye, J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power / J. Nye // Basic Books. – N.Y., 1991. – 336 p.
236. Nye, J. The Future of Power. — N.Y.: Public Affairs, 2011. – 300 p.
237. OECD charts a slowing of international mobility growth, 2017 / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://monitor.icef.com/2017/09/oecd-charts-slowing-international-mobility-growth/> (дата обращения: 13.08.2019)
238. Olssen, M. Education Policy: Globalization, Citizenship and Democracy/ M. Olssen // London. – Thousand Oaks – New Delhi: SAYE Pub, 2004. – 336 p.
239. Potapova, E., Trines S. (Ed.) Education in the Russian Federation / [Электронный ресурс] // WENR. N.Y., 2017. – Режим доступа: <https://wenr.wes.org/2017/06/education-in-the-russian-federation> (дата обращения: 03.12.2017).
240. Rhoads, R. Globalization, Social Movement and the American University: Implications for Research and Practice / R. Rhoads, A. Liu // Higher Education Handbook of Theory and Research. – Vol. 24. – 2009. – P. 273-315.
241. Robertson, S. The EU, 'Regulatory State Regionalism' and New Modes of Higher Education Governance/ S. Robertson // Presentation for Panel on “Constituting the Knowledge Economy: Governing the New Regional Spaces of Higher Education”, International Studies Association Conference. – N.Y. – 2009. – 189 p.
242. Saarinen, T. Position of Text and Discourse Analysis in Higher Education Policy Research / T.Saarinen // Studies in Higher Education. – Vol. 33. – No. 6. – 2008. – P. 719–728.
243. Schramm, C. Reinvigorating Universities in an Entrepreneurial Age / C. Schramm // The Globalization of Higher Education. Weber L.E., Duderstadt J.J. (eds.). – London: Economica. – 2008. – 290 p.
244. Schultz, G. Diplomacy in the Information Age] / G. Schultz/ Keynote Addresses from the Virtual Diplomacy Conference [Электронный ресурс]. –

Washington, D.C.: United States Institute of Peace, 1997 // Режим доступа: <https://www.usip.org/sites/default/files/pwksl8.pdf> (дата обращения 24.07.2019).

245. Slaughter, S. Academic capitalism. Politics, Policies, and the Entrepreneurial University / S. Slaughter, L.L. Leslie. - Baltimore: The John Hopkins University Press, 1997. - 276 p.

246. Smeby, J. National quality assessment systems in the Nordic countries: developing a balance between external and internal needs? / J. Smeby, B.Stensaker // Higher Education Policy. – Vol. 12. № 1. – 1999. – P. 3-14.

247. Soft Power Survey 2014/15 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://monocle.com/film/Affairs/soft-power-survey-2014-15/> (дата обращения: 15.03.2019).

248. Usher, A. Ten Years Back and Ten Years Forward: Developments and Trends in Higher Education in Europe Region / A.Usher // Paper to be presented at the UNESCO Forum on Higher Education in the Europe Region: Access, Values, Quality and Competitiveness, 21–24 May 2009, Bucharest, Romania. – 44 p.

249. Watson, S. «Success» and «Failure» in the education market place: an example from New Zealand / S.Watson, D.Hughes, H.Londer // Journal of Educational Change. – Vol. 4. № 1. – 2003. – P. 1.

250. What Chinese investment means for African higher education / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.timeshighereducation.com/features/what-chinese-investment-means-for-africanhigher-education> (дата обращения: 13.08.2019)

251. Waever, O. Securitization and Desecuritization // On Security / ed. R. D. Lipschutz. – N. Y.: Columbia University Press, 1995. – P. 46–86.

252. World University Rankings 2016–2017: results announced / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.timeshighereducation.com/news/world-university-rankings-2016-2017-resultsannounced> (дата обращения: 03.09.2019)

253. World University Rankings 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.timeshighereducation.com/>

254. World Migration Report 2010. The Future of Migration: Building Capacities for Change. – Geneva: International Organization for Migration, 2010. – 273 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Факторы повышения конкурентоспособности университета

Таблица 1. Первый фактор повышения конкурентоспособности университета

Фактор /Реализация	Наличие критической массы талантливых преподавателей и студентов
	Международная деятельность в рамках привлечения специалистов из-за рубежа:
Пример	Сингапур: Международные лаборатории финансируются не только в Сингапуре, но и в университетах-партнерах с условием включения сингапурских специалистов в решение общих задач. К примеру, университет по научным исследованиям и технологическому совершенствованию предприятий (CREATE) сотрудничает с ведущими университетами мира в рамках Национального исследовательского фонда: Массачусетский технологический институт, Швейцарская высшая техническая школа Цюриха, Кембриджский университет и Пекинский университет [111]. Правительственные лаборатории в Сингапуре работают в двух параллельных направлениях: осуществляют деятельность, направленную на оказание услуг с целью удержания многонациональных компаний в Сингапуре; и осуществляют независимую научно-исследовательскую деятельность для достижения собственных целей. Правительство Сингапура привлекает иностранные научные организации для осуществления исследований и разработок с помощью наиболее значимых критериев [13].

Таблица 2. Второй фактор повышения конкурентоспособности университета

Фактор/ Реализация	Ресурсы
	Инициативы, которые предпринимаются государствами по повышению международной конкурентоспособности вузов в области финансирования

	высшего образования:
Пример	Китай: Местные власти были привлечены к софинансированию инициатив наравне с национальным правительством («Проект 211» и «Проект 985»). Проект 211 разработан Министерством образования КНР в 1995 году. Согласно данной программе в КНР отобраны наиболее важные (ключевые) вузы для подготовки элитных специалистов для осуществления национальных проектов развития Китая в экономической и социальной сферах. На данные университеты приходится 70% от бюджетных ассигнований для образовательных учреждений КНР, это, к примеру, Аньхойский университет, Пекинский университет международных отношений, Университет Сидянь, Синьцзянский университет, Шанхайский университет и многие другие [113]. Проект 985 по развитию системы высшего образования в Китае, предложенный в 1998, в первой фазе отобрал 9 университетов, которые получили средства на развитие на период трёх лет: Пекинский университет, Шанхайский университет транспорта, Фуданьский университет и др. [73].

Таблица 3. Третий фактор повышения конкурентоспособности университета

Фактор/ Реализация	Эффективное управление
	Как осуществляется управление и контроль за качеством образования:
Примеры	Великобритания: Управление: Во всех учебных заведениях Великобритании действует особая система самоуправления и самоконтроля, согласно которой важные, принципиальные решения принимаются на том уровне, на котором они должны претворяться в жизнь. Управление университетами осуществляется Советом, в который входят независимые члены, кооптируемые члены, сотрудники университета, представители студентов и местных органов управления. Контроль: В Великобритании сложилась также уникальная система оценки качества образования, главной особенностью которой является ее открытость для общественности. Министерский департамент образовательных стандартов (OFSTED) не инспектирует и докладывает о

	качестве образования. Каждая школа инспектируется один раз в 4 года группой независимых инспекторов, включающей профессиональных экспертов (специалистов по отдельным предметам) и, по крайней мере, одного члена группы, не имеющего опыта преподавания или управления школами. Группу возглавляет зарегистрированный инспектор (Registered Inspector). Инспекция проводится на контрактной основе. Инспекторские группы соревнуются друг с другом в процессе торгов за контракт [190]. Германия: Управление: Большая роль отведена компетенциям администрации земель. Контроль: В Германии, за исключением ряда специальностей, качество подготовки контролируется образовательными ведомствами и учреждениями на уровне земель. В стране на национальном уровне не проводится централизованного тестирования. Канада: Управление: В Канаде не существует единой национальной организации, занимающейся аккредитацией и оцениванием деятельности вузов и отдельных учебных программ. На региональном уровне законодательством провинций и территорий определяются механизмы и критерии открытия новых вузов. Контроль: Свидетельством соответствия деятельности вуза общепринятым нормам и стандартам является его членство в таких организациях, как Ассоциация университетов и колледжей Канады, Ассоциация канадских общинных колледжей. Именно мнение ассоциаций о работе высшего учебного заведения является внешним независимым отзывом для колледжей и университетов. В Канаде для определения качества образовательных услуг также достаточно широко используются методы самооценки.
	Финляндия: Управление: В соответствии с Законом существует три управляющих органа: попечительский совет, университетская коллегия, исполнительный директор. Нидерланды: Управление: Наблюдательный (попечительский) совет (до 5 внешних членов, назначаемых Министерством образования, культуры и науки осуществляют общее руководство и стратегическое управление университетом); Исполнительный совет (3 внутренних члена, включая ректора отвечают за все аспекты руководства и управления университетом); Совет университета (академический, административный персонал и

	студенты входят в Совет, а декан осуществляет оперативное управление). Франция: Контроль: создан национальный оценочный комитет. Дания: Контроль: правительством создан институт по оценке качества.
--	---

Таблица 4. Четвертый фактор повышения конкурентоспособности университета

Фактор/ Реализация	«Ускоряющие факторы»
	Примеры применения так называемых «ускоряющих факторов» в рамках повышения международной конкурентоспособности вуза:
	1. Диаспора Первый фактор состоит в интенсивном использовании возможностей, предлагаемых национальными диаспорами.
Пример	Южная Корея: Опыт Пхоханского университета естественных наук и технологии в Южной Корее и Научно–технического университета Гонконга показывает, обеспечение условий для возвращения большого числа иностранных ученых на историческую родину — эффективный способ достаточно быстро сформировать сильный профессорско–преподавательский состав вуза. Шотландия: Существует сеть GlobalScot, связывающая влиятельных шотландцев со всего мира, которые используют свои профессиональные знания и влияние в качестве «мостов» при разработке проектов в Шотландии.
	2. Английский язык Английский языка в обучении эффективен с точки зрения международной привлекательности.
	3. Специализация в узких областях Специализация в узких областях является одним из методов увеличения количества значимых исследований и их международного признания.
	4. Инновации в преподавании. Инфраструктура

	Качество инфраструктуры включает в себя не только современное научное оборудование или информационные сети, но и модель современного исследовательского университета.
--	--

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Академическая мобильность: case study

Рассмотрим академическую мобильность как элемент матрицы политики реформ современного университета. Используя сравнительный анализ показателей стран постсоветского пространства с аналогичными в европейских странах, мы сделаем вывод о их соответствии мировым трендам согласно обозначенному параметру.

Прежде, дадим определения понятиям внутренней и внешней мобильности. Под индивидуальной академической мобильностью мы понимаем перемещение студента или сотрудника для обучения, преподавания, проведения исследований или повышения квалификации.

Под внутренней (национальной) академической мобильностью понимается обучение студентов и аспирантов, а также работа преподавателей и сотрудников в национальных университетах и научных центрах. Под внешней (международной) академической мобильностью понимается обучение студентов и аспирантов в зарубежных вузах, а также работа преподавателей и сотрудников в зарубежных образовательных или научных учреждениях.

Внутренняя мобильность. Гипотезой нашего исследования выступает следующее утверждение: Тенденции, проявляющиеся в системе образования России, в частности в области академической мобильности не соответствуют передовым европейским системам образования, как наглядно иллюстрирует приведенная ниже таблица 5.

Таблица 5. Мировые тенденции и тенденции характерные для системы образования России в области академической мобильности

Мобильность:	Россия	Мировые тенденции
внутренняя	Карьерная лестница: «от студента к преподавателю в одном вузе»	Высокий уровень внутренней мобильности.
внешняя	Рост экспорта и импорта образовательных услуг; низкий уровень международной мобильности; недостаточная поддержка государства и университетов академической мобильности.	Совместные дипломы и программы; прочные партнерские отношения между высшими учебными заведениями, студентами, работодателями и работниками

Согласно докладу, поддержанному Европейской комиссией по управлению и исследованию университетов Европы и США, процент докторов (e.g. PhD), которые защитились и работают в одном и том же вузе в целом по стране, в Финляндии составляет– 10%, Великобритании – 9%, Германии – 8% [206].

Для стран постсоветского пространства характерен невысокий уровень внутренней академической мобильности в сравнении с уровнем европейских стран. Наглядным является проведенное нами исследование.

В рамках анализа используем сравнительный анализ степени развитости внутренней мобильности по такому ее параметру как доля получивших высшее образование, защитивших научную степень кандидата/доктора наук/ doctoral degree, PhD и ныне состоящих в научно– преподавательском составе в одном и том же вузе.

Для обеспечения сопоставимости вида сравнительного анализа возьмем во внимание необходимость учета единства качественных и структурных факторов; промежутков или моментов времени, за которое взяты сравниваемые показатели; сопоставимость исходных условий; единство методики исчисления показателей и их состава.

Для изучения внутренней мобильности мы выбрали представителей одних из наиболее передовых университетов как на национальном, так и на постсоветском пространстве – высшее учебное заведение Украины (Киевский

национальный университет им. Тараса Шевченко) и России (МГУ им. М.В. Ломоносова).

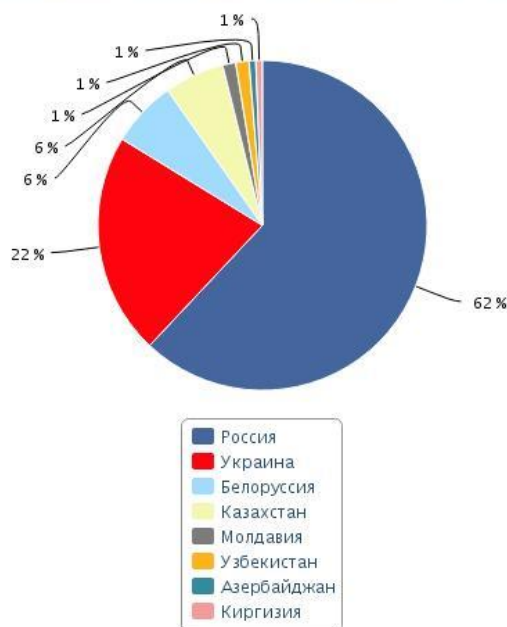
Обоснуем свой выбор исследованием, которое провело рейтинговое агентство «Эксперт РА» в 2014 – рейтинг высших учебных заведений СНГ. В список лучших вошли 153 вуза, представляющие Россию, Украину, Казахстан, Белоруссию, Молдавию, Узбекистан и другие страны СНГ. Рейтинг опирается как на статистические данные, так и на результаты опросов свыше 5,5 тысяч респондентов – преподавателей, работодателей, ученых, студентов и выпускников.

С учетом понимания озвученной специфики, рейтинг вузов СНГ «Эксперта РА» стал международным рейтингом, учитывающим сходства и различия систем высшей школы на постсоветском пространстве. Рейтинг показал: наибольшее количество вузов, вошедших в итоговый список лучших учебных заведений, сосредоточено в России (95 вузов) и на Украине (33 вуза; см. график 1 [30]).

График 1. Представленность вузов в рейтинге университетов СНГ

График 1. Наибольшая представленность среди участников рейтинга у российских и украинских вузов

Представленность вузов различных стран в рейтинге лучших вузов СНГ

Источник: «Эксперт РА»

В рамках изучения внутренней мобильности стран европейского пространства возьмем во внимание университеты, входящие в сотню лучших университетов мира по версии TheTimes на 2017–2018 гг. Это Лондонская школа

экономики и политических наук (25–место рейтинга Times Higher Education на 2017–2018 гг.) в Великобритании и Мюнхенский университет им. Людвига–Максимилиана (34–место рейтинга Times Higher Education на 2017–2018 гг.) в Германии [253].

На основании автобиографических данных сотрудников университетов, полученных из личных интервью и баз данных (CV, доступной информации официальных сайтов университетов) было выявлено количество преподавателей, получивших высшее образование, а также защитивших кандидатскую и/или докторскую диссертацию/ doctoral degree, e.g. PhD и работающих в одном и том же высшем учебном заведении. В случайной выборке учувствовала одна кафедра из каждого факультета. Отсутствие сведений о сотрудниках кафедры в среднем не превышало 20% от общего количества преподавателей кафедры. В исследовании были взяты во внимание только те сотрудники вузов, чьи биографические данные, касающиеся образования и карьеры были получены и уточнены. Техника отбора предполагала изучение автобиографических данных научно–преподавательского состава в количестве от 100 до 200 человек в каждом вузе. Общее количество изученных автобиографических данных составило 641 человек.

Таблица 6. Исследование внутренней мобильности в Мюнхенском университете им. Людвига–Максимилиана

Факультеты и кафедры	Количество преподавателей Получивших высшее образование, также защитивших диссертацию/ doctoral degree, e.g. PhD и работающих в том же вузе	
Факультет химии и фармацевтики Кафедра биохимии	0 из 11	0%
Факультет культурологии и археологии Институт египтологии	6 из 16	38%
Факультет наук о Земле Кафедра географии и ландшафтной экологии	4 из 11	36%
Биологический факультет Кафедра микробиологии	0 из 7	0%
Факультет социальных наук Институт социологии	17 из 44	39%
Факультет философии, философии науки и религиоведения Кафедра философии I	3 из 8	38%

Факультет социальных наук Кафедра социологии	0 из 13	0%
Экономический факультет	5 из 29	17%
Общее количество преподавателей, участвующих в выборочном исследовании, получивших высшее образование, а также защитивших диссертацию и работающих в одном и том же вузе		
35 из 139	25%	

Таблица 7. Исследование внутренней мобильности в Лондонской школе экономики и политических наук

Факультет и кафедра	Количество преподавателей получивших высшее образование, а также защитивших диссертацию/ doctoral degree, e.g. PhD и работающих в одном и том же вузе	
Отдел бухгалтерского учета	0 из 12	0%
Отдел антропологии	1 из 6	16%
Департамент экономики	6 из 67	9%
Отдел экономической истории	2 из 21	10%
Департамент социальной политологии	2 из 16	13%
Департамент математики	0 из 14	0%
Департамент международных отношений	1 из 10	10%
Департамент гендерных исследований	0 из 7	0%
Юридический факультет	1 из 57	2%
Общее количество преподавателей, участвующих в выборочном исследовании, получивших высшее образование, а также защитивших диссертацию и работающих в одном и том же вузе		
13 из 198	6,5%	

Таблица 8. Исследование внутренней мобильности Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Факультет и кафедра	Количество преподавателей получивших высшее образование, а также защитивших диссертацию/ doctoral degree, e.g. PhD и работающих в одном и том же вузе	
Географический факультет Кафедра физической географии и геоэкологии;	10 из 10	100%
Геологический факультет Кафедра месторождений полезных ископаемых	6 из 7	86%
Исторический факультет	11 из 11	100%

Кафедра новейшей истории Украины		
Механико – математический факультет Кафедра общей математики	15 из 15	100%
Радиофизический факультет Кафедра квантовой радиофизики	11 из 11	100%
Факультет психологии Кафедра общей психологии	17 из 21	81%
Факультет социологии Кафедра отраслевой социологии	9 из 10	90%
Физический факультет Кафедра ядерной физики	5 из 5	100%
Философский факультет Кафедра философии	6 из 7	86%
Экономический факультет Кафедра статистики и демографии	1 из 13	8%
Юридический факультет Кафедра гражданского права	19 из 20	95%
Общее количество преподавателей, участвующих в выборочном исследовании, получивших высшее образование, а также защитивших диссертацию и работающих в одном и том же вузе;		
110 из 129	85%	

Таблица 9. Исследование внутренней мобильности Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова

Факультет и кафедра	Количество преподавателей Получивших высшее образование, а также защитивших диссертацию/ doctoral degree, e.g.PhD и работающих в одном и том же вузе	
Механико–математический факультет Кафедра высшей алгебры	18 из 18	100%
Химический факультет Кафедра электрохимии	14 из 15	93%
Биологический факультет Кафедра биологической эволюции	6 из 8	75%
Географический факультет Кафедра рекреационной географии и туризма	12 из 12	100%
Исторический факультет Кафедра новой и новейшей истории	29 из 29	100%
Филологический факультет Кафедра английского языкознания	23 из 28	82%
Юридический факультет Кафедра криминалистики	3 из 12	25%
Факультет психологии Кафедра общей психологии	16 из 17	94%
Философский факультет кафедра философии образования	4 из 5	80%
Экономический факультет Кафедра мировой экономики	11 из 11	100%

Факультет политологии Кафедра государственной политики	5 из 11	45%
Факультет мировой политики Кафедра международных организаций и мировых политических процессов	7 из 9	78%
Общее количество преподавателей, участвующих в выборочном исследовании, получивших высшее образование, а также защитивших диссертацию и работающих в одном и том же вузе		
148 из 175	84, 5%	

Результат исследования показал, что 110 из 129, или 85% научных сотрудников Киевского Национального университета им.Т.Г.Шевченко, 148 из 175 или 84,5% научных сотрудников Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, взявших участие в исследовании, получили высшее образование, защитили кандидатскую и/или докторскую диссертацию и работают в одном и том же вузе. В то же время в Мюнхенском университете им.Людвига–Максимилиана этот показатель достигает 25%, а в Лондонской школе экономики и политических наук 6,5%, что подтверждает высокий уровень внутренней мобильности по данному параметру в этих университетах и крайне низкую внутреннюю мобильность по данным параметрам в лучших университетах постсоветского пространства.

Как мы отмечали в предыдущих параграфах, в конце XX в. и первой декаде XXI века на постсоветском пространстве были разработаны важнейшие концептуальные документы, которые определили основные цели и задачи системы образования, взаимоотношения личности, общества и государства с системой образования, а также главные направления дальнейшего развития всех уровней образования в государстве. В России эти документы приобрели реальные параметры реализации, прежде всего, в Федеральных Целевых Программах. Проблемной областью остается финансирование научной составляющей университета, так как ни один, пусть даже самый крупный и благополучный университет, без государственной и даже международной поддержки не сможет обеспечивать фундаментальные исследования.

Ни одна университетская реформа не сможет быть успешно осуществлена без того, чтобы найти свой ответ на академическую революцию – взрывной рост

мобильности преподавателей и студентов. Страны и университеты вырабатывают свои стратегии, которые дали бы возможность воспользоваться ее позитивными аспектами и нивелировать отрицательные.

Как видим академическая мобильность становится устойчивой тенденцией в развитии университета. Она открывает перед университетом новые возможности и ставит новые вызовы.

Внешняя мобильность

Экспорт образовательных услуг. Мировой рынок услуг высшего образования – это сфера жесткой конкуренции ведущих мировых государств. Как отмечает ряд экспертов, от способности той или иной страны обеспечить рост экспорта образовательных услуг зависит конкурентоспособность ее национальной экономики. Поэтому в свете мировой глобализации и интернационализации образования особо интересным критерием сравнения представляется уровень привлечения иностранных студентов в различных странах.

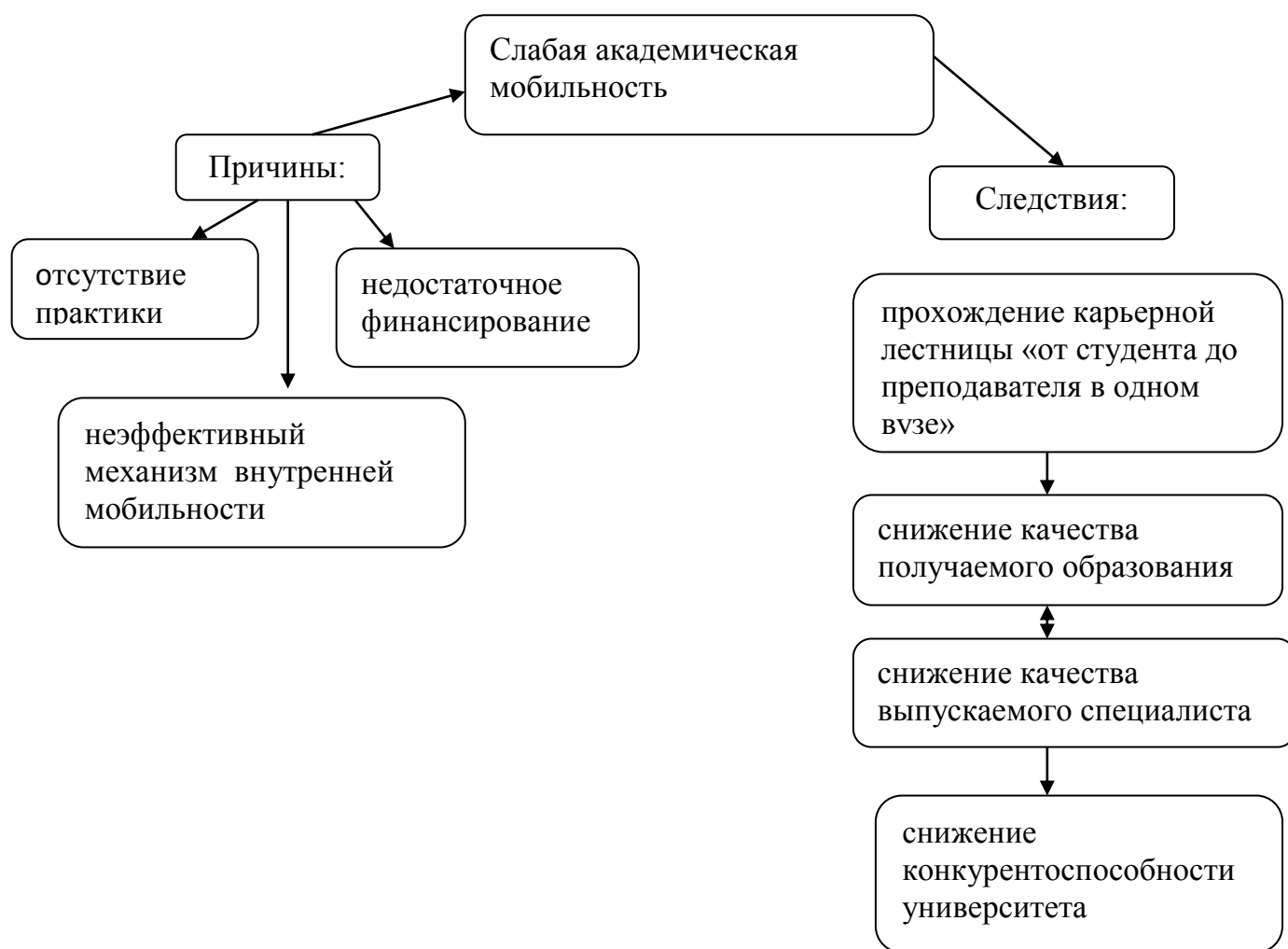
По результатам исследования ОСЭР, проведенного среди 8 стран (США, Канада, Франция, Германия, Италия, Япония, Российская Федерация и Соединенное Королевство), наибольшая доля иностранных студентов была отмечена у Соединенных Штатов, и с каждым годом она только увеличивается [203].

Импорт образовательных услуг. Мобильность студентов стимулируют различные государственные и региональные программы. Многие страны заключают двусторонние и многосторонние договоры в этой сфере. Студенческий обмен трактуют как средство повышения уровня специалистов и квалифицированных работников.

Массовая мобильность есть часть процесса, который назвали академической революцией, которая уже длится более полувека в высшем образовании. Революционность ее в массовости, разнообразии форм и динамизме. Хотя массовость высшего образования может вести и к снижению качества, но в то же время растет конкуренция за престижные места в лучших вузах. Факторы,

обусловившие слабую академическую мобильность на постсоветском пространстве, в частности, в России, представлены на рисунке 1.

Рис. 1. Факторы, влияющие на формирование слабой академической мобильности.

На наш взгляд, возможными путями развития внутренней мобильности, с учетом международного опыта, могут стать:

- 1) Для преподавателей и аспирантов: временные рабочие контракты с возможностью возвращения в материнский вуз; стажировки, педагогические практики в другом вузе своей страны; научные конференции, семинары с иногородним участием.

- 2) Для студентов: создание программ студенческого обмена на один– два семестра в другом вузе своей страны и признание итоговых аттестаций в материнском вузе.
- 3) Возможность обучения в магистратуре/ аспирантуре в вузе своей страны, отличным от материнского. Этот вид мобильности в настоящее время может стать одним из самых актуальных.
- 4) «Виртуальная мобильность», связанная с органичным включением в образовательный процесс современных информационных технологий.

Для повышения академической мобильности в сфере высшего образования на постсоветском пространстве, на наш, взгляд на государственном уровне необходима реализация следующих задач:

- 1) совершенствование законодательной и нормативной базы;
- 2) создание национальной системы квалификаций, которая бы согласовывалась с системой квалификаций, формируемой в зарубежных странах (согласование и признание научных степеней);
- 3) развитие партнерских отношений между высшими учебными заведениями; проведение международных научных конференций, семинаров и содействие научных и педагогических работников участию в соответствующих мероприятиях как за границей, так и внутри государства; разнообразных формах образовательных и научных обменов за границей студентов и т.д.
- 4) увеличение конкурентоспособности и привлекательности отечественных вузов;
- 5) соответствующая материальная поддержка со стороны государства и высших учебных заведений;

Итак, анализируя опыт университетов как дальнего зарубежья, так постсоветского пространства, мы изучили фактор академической мобильности. Мы выявили невысокий уровень даже внутренней мобильности.

Просматривается перспектива серьезных демографических изменений в мире. Уже наблюдаются две тенденции, включающиеся в себя два потока: студентов из Азии, поступающих в основные академические системы Северной

Америки, Западной Европы, Австралии и мобильность внутри Европейского Союза. Новая демография (в том числе с широким спектром возрастных групп, студентов с ограниченными возможностями) открывает новое окно возможностей для таких стран как Россия с ее традициями предоставления образования на международном уровне. В целом меняется парадигма высшего образования в целом. В том числе и роль преподавателя в университетской шкале координат, что неминуемо приведет к изменению трудовых отношений. Особой проблемной областью станет финансирование научных исследований, так как фундаментальные исследования невозможно вести посредством грантовой поддержки, рассчитанные на короткие сроки отчетности. Здесь понадобятся усилия консорциума университетов и государств, международная долгосрочная кооперация.

Тенденции демографических изменений в мире свидетельствуют, что численность студентов будет увеличиваться, контингент обучающихся станет более разнообразным с большим количеством иностранных студентов, студентов старших возрастных категорий; обучающихся неполный день; социальная база высшего образования включит в себя уязвимые группы населения. Профессия преподавателя будет меняться. Она станет более международно–ориентированной и мобильной. Это приведет к изменению форм трудовых отношений.

В институциональном плане происходят серьезные изменения. Они связаны с поиском университетов своего места в структуре новых форм получения высшего образования, отличных от классических форм, таких как корпоративное образование, дистанционное образование и т.д.

Качественно иной, новый уровень должен быть обусловлен не только обновлением содержания, форм и методов обучения, соответствия его потребностям практики и рынка труда, но и соответствия института образования политической системе страны, социальным ожиданиям и практике общественного консенсуса.

В ряду этих проблем находятся и такие процессы как интернационализация высшего образования. Очевидно, что реформы не могут не учитывать, что уже

формируются мировые образовательные сети. Отсюда, как следствие, актуализируется проблема преподавательских кадров для системы высшего образования, разрешение которой лежит в плоскости академического и, собственно, студенческого обмена.

Крайне важно не только совместить решения отмеченных проблем с мировыми тенденциями в сфере реформирования системы высшего образования, но и обеспечить этот процесс соответствующей законодательной базой, разработать механизм правового регулирования. Это касается не только правового статуса вузов, их типов, нормативно-правовых регламентов управления вузами и их деятельности, но и системы стандартов высшего образования (государственных и отраслевых стандартов), прав и обязанностей научно-педагогических работников и студентов, прав органов гражданского, студенческого самоуправления в вузах и т.д. Не менее важно правовая стыковка деятельности университета с внешним миром, в частности, ее международные связи и предоставление образовательных услуг на мировом рынке.